

Герои
«Мэнсфилд-Парка»
Джейн Остен
снова с нами!

Джоан

АЙКЕН

Возвращение
в Мэнсфилд-Парк

Мариусина

«Мэнсфилд-Парк» — одна из лучших книг великой Джейн Остен. Но в конце романа остается много вопросов. Как, например, сложится жизнь юной Сьюзен, которую успели полюбить читатели? Талантливая Джоан Айкен поведала нам историю этой чудесной девушки, младшей сестры Фанни, героини «Мэнсфилд-Парка». Сьюзен, такая же красивая и чуткая, наделена более открытым и решительным характером. Несомненно, читатель примет близко к сердцу ее печали и радости...

- [Джоан Айкен](#)

-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-
-

Джоан Айкен

Возвращение в Мэнсфилд-Парк

Возможно, кто-то из читателей подумает: «Продолжение «Мэнсфилд-Парка»? Какая самонадеянность!» Нет, мной двигало не преувеличенное мнение о себе, а любовь и восхищение. Никому не дано заменить собой Джейн Остен, нечего и пытаться. Я не беру на себя подобной смелости. Однако меня переполняло жгучее желание узнать, что случилось после того, как Фанни стала женой Эдмунда, а Сьюзен переехала из Портсмута в Мэнсфилд, и, не имея другого способа это сделать, я попробовала найти ответ при помощи воображения, замешенного на здравом смысле.

Джоан Айкен

Внезапная кончина сэра Томаса Бертрама за границей, в Вест-Индии, куда его привели дела, связанные с семейными владениями, не могла не повергнуть в смятение и безутешное горе друзей этого достойного баронета в Англии. Горестная весть вызвала искреннюю скорбь у всех, кто знал сэра Томаса — разумного управителя, нежного отца, преданного супруга и доброго соседа, снискавшего всеобщее уважение в родном графстве Нортгемптоншир. Семья покойного поистине пребывала в отчаянии. Привыкнув во всем повиноваться воле главы семейства и лишившись мудрого покровителя и наставника, чье слово почиталось законом, безутешные, растерянные домочадцы не знали, как вести дела и как разрешить бесчисленные затруднения, вызванные нежданной утратой; подобная задача была бы подвластна разве что самому сэру Томасу.

Одному из сыновей баронета необходимо было безотлагательно отправиться на Антигуа, дабы уладить множество дел, оставшихся незавершенными по причине безвременного ухода из жизни сэра Бертрама. Верно, но кого из двух сыновей отпустить? Этот вопрос не давал покоя почтенной матери семейства.

— Я никак не могу расстаться с Томом! — сокрушалась безутешная вдова. — Отправить его в Вест-Индию? Нет, нет, об этом и речи быть не может! Мне не обойтись без Тома. Однако как же я останусь без Эдмунда?

Старший сын и наследник почившего баронета, новый сэр Томас, почитал своим долгом пуститься в путешествие, но, разумеется, едва ли мог отнестись с небрежением к желаниям сраженной горем скорбящей матери. Вдобавок надлежало принять во внимание его слабое здоровье — следствие жестокой лихорадки, перенесенной им четыре года назад. Запущенная болезнь продержала молодого Бертрама в постели несколько недель, заставив близких всерьез опасаться за его жизнь, и хотя в конце концов недуг удалось побороть, состояние легких Тома даже годы спустя внушало тревогу. По счастью, со временем угроза чахотки миновала, однако молодой Бертрам по-прежнему отличался слабым здоровьем, тропический климат мог оказаться для него губительным, потому-то, отправляясь в путешествие, сэр Томас не решился взять с собой старшего сына, хотя с радостью разделил бы с ним компанию и познакомил его с делами на Антигуа.

— А что, если Том снова схватит лихорадку? А вдруг он умрет в этом ужасном месте? — жалобно причитала леди Бертрам. — Нет, нет, тут и думать не о чем. И все же как я обойдусь без Эдмунда?

— Дорогая матушка, я уверена, вы превосходно справитесь без Эдмунда! — воскликнула достойная миссис Йейтс, приехавшая, чтобы принять участие в семейном совете.

Мисс Джулия Бертрам, весьма неосмотрительно вступив в брак с младшим сыном пэра и довольно скоро обнаружив, сколь скромно состояние ее супруга, сочла за лучшее отказаться от сомнительных радостей лондонской жизни, дозволенных семейству с небольшим доходом, предпочтя безраздельно царить в кругу более узком. Она убедила своего мужа, почтеннейшего Джона Йейтса, приобрести приличное имение в Нортгемптоншире, неподалеку от родового гнезда Бертрамов, соседство с которым позволяло обиталищу Йейтсов сиять отраженным светом величия Мэнсфилд-Парка. С тех пор благодаря почти ежедневным посещениям родительской усадьбы и нередким куда более

продолжительным визитам, затягивавшимся подчас на несколько месяцев, миссис Йейтс успешно удавалось уменьшить расходы на ведение собственного домашнего хозяйства, сохраняя желаемое влияние на дела в Мэнсфилде. Ее супруг в подобных случаях с превеликим удовольствием оставался дома, шесть дней в неделю наслаждаясь рыбной ловлей или охотой, смотря по сезону, а седьмой посвящая игре на бильярде (иными занятиями сей достойный джентльмен себя не обременял).

— Но, Джулия, если уедет Эдмунд, то кто будет читать проповеди по воскресеньям? — потребовала ответа леди Бертрам.

— Об этом не беспокойтесь, матушка! — Эдмунд, младший из сыновей четы Бертрам, и в самом деле давно нашел способ разрешить возникшее затруднение. Многочисленные обязанности настоятеля Мэнсфилдского прихода требовали его неусыпного внимания, и все же Эдмунд рассудил, что на Антигуа надлежит отправиться именно ему. Полный решимости исполнить сыновний долг, он уже заручился помощью мистера Уодема. Сей почтенный священник, лишь несколькими годами старше Эдмунда, недавно оправился после жестокой лихорадки, поразившей его во время миссионерского служения на Востоке. Повинуясь предписанию епископа, он намеревался провести полгода в стране со здоровым климатом, прежде чем возвратиться в миссию.

Мистер Уодем заверил Эдмунда в письме, что с радостью возьмет на себя заботу о пастве в Мэнсфилде и окрестных фермах. Вопрос был улажен, и в приходе вскоре ожидали появления этого славного джентльмена.

— Я убежден, сударыня, — сдержанно улыбаясь, продолжал Эдмунд Бертрам, — что проповеди моего друга Фрэнка Уодема понравятся вам более моих. Это человек безупречного нрава, обходительный и любезный, блестящий проповедник и благочестивый христианин. Уверяю вас, он прекрасно меня заменит.

— Ну, если ты так говоришь, Эдмунд... — произнесла леди Бертрам с сомнением в голосе.

Кузина Сьюзен спросила без обиняков:

— Но если ты уедешь, Эдмунд, а мистер Уодем займет место в приходе, что станется с Фанни?

Фанни была женой Эдмунда. Ее сестру, Сьюзен Прайс, пригласили в Мэнсфилд-Парк четыре года назад, во время болезни кузена Тома. Поселившись в поместье родственников, Сьюзен, которой в ту пору едва сравнялось четырнадцать, стала помощницей и утешением своей тетушки Бертрам. Прибыв из дома, полного детей, где по причине дурного управления и скудости средств царили неряшливость, суэта и раздоры, Сьюзен быстро привыкла к степенной, размеренной жизни Мэнсфилда. Благодаря живости ума и готовности быть полезной, изрядной силе характера и жизнерадостности Сьюзен прочно обосновалась подле леди Бертрам и вскоре сделалась незаменимой, весь домашний уклад Мэнсфилда держался на ней. Ее старшая сестра Фанни, более робкая и застенчивая, прежде жила в Мэнсфилд-Парке, но, став женой Эдмунда, переехала в расположенный по соседству пасторат. Господь благословил их брак рождением прелестной девочки, на которую счастливый отец не мог надыхаться, а позднее и мальчика.

— Фанни настаивает на том, чтобы отправиться со мной, — объяснил Эдмунд.

В ответ послышались взволнованные восклицания дам.

— Это невозможно! — объявила леди Бертрам. — Об этом не может быть и речи! Жаркий климат не для ее хрупкого здоровья! Это было бы непростительное безрассудство,

чистое безумие!

— Вы ведь знаете Фанни, дорогая матушка, — отозвался Эдмунд. — Если она на что-то решилась, то будет стоять на своем. И, говоря по правде, я был бы несказанно рад ее обществу. Фанни обладает завидным здравомыслием и преотлично разбирается в делах.

— Но, Эдмунд, — возразил старший брат, — милочка Фанни слишком слаба, она так легко утомляется. Пройдя полмили, бедняжка падает от усталости. Пребывание в Вест-Индии окажется для нее губительно, жестокий климат вконец ее измучит, она не вынесет и полугода подобных мытарств! — Том испытывал горький стыд. Теперь, когда отъезд Эдмунда считался делом решенным, вдруг обнаружилось, что все тяготы пути и опасности путешествия, которых самому Тому удалось избежать, обрушатся на жену его брата. Он всегда был расположен к своей кузине Фанни и, считая ее немного скучноватой, но милой глупышкой, вовсе не желал ей зла. — Я бывал на Антигуа и знаю тамошний климат, — с горячностью прибавил Том. — Фанни он несколько не подходит. Нет, нет, Эдмунд, я скажу тебе, как надобно поступить. Фанни вместе с детьми переедет сюда и будет жить в этом доме до твоего возвращения. В Мэнсфилде о ней позаботятся. Она составит компанию нашей матушке.

— Да, ты совершенно прав, — поддержала его сестрица Джулия. — Дети смогут занять белую мансарду, что прежде служила спальней их матери, а сама Фанни поселится в Восточной комнате. Там она будет чувствовать себя как дома и никого не стеснит.

Сьюзен скривила губы в ответ на это бесцеремонное распоряжение, но Эдмунд преспокойно сказал:

— Фанни поедет со мной, и маленький Уильям тоже. Это решено. Вот если бы вы, матушка, великодушно согласились оставить у себя мою дочь Мэри...

— Дорогую малютку? Ну конечно, мы с радостью примем ее в Мэнсфилде, — кивнула леди Бертрам, довольная тем, что порыв душевной щедрости не доставит ей ни малейшего неудобства, ибо заботу о трехлетней Мэри непременно возьмет на себя Сьюзен, тетушка малютки.

Вопрос уладился к всеобщему удовольствию. Эдмунду с супругой предстояло отплыть из Ливерпуля через два дня, поэтому братья удалились для последней беседы о делах поместья, которыми несколько месяцев со дня отъезда сэра Томаса занимался по большей части младший из братьев, Эдмунд, пока Том проводил время в Лондоне и Бате, нанося визиты знакомым, или в Брайтоне и Харрогейте, изучая местные достопримечательности. Надобно было поговорить о пастбищах и турнепсе, о егерях и охотничьих угожьях, решить, кого из арендаторов надлежит привечать, а кого бранить, и вдобавок подумать, не отправить ли на покой старых верховых лошадей.

— С вашего разрешения, тетушка Бертрам, — заговорила Сьюзен, — пока моя кузина Джулия остается с вами, думаю, я могла бы сбежать в пасторат и спросить сестру об одежде для малышки Мэри да заодно узнать, не надо ли ей помочь уложить вещи.

— Хорошо, душенька, ступай, да скажи Фанни, раз уж она собралась в Вест-Индию, так пусть привезет мне оттуда шаль с бахромой... или нет, пожалуй, лучше две шали.

— Непременно, тетушка.

— Эта девчонка неисправима, — проворчала Джулия, как только Сьюзен выскользнула из комнаты. — Есть в ней нечто дерзкое, вольность в обращении, желание выставиться, ей положительно недостает скромности, я это часто замечаю. Она так и норовит поступить по-своему, в ней нет и тени той благопристойности и послушания, того уважения к приличиям,

которые вы, дорогая матушка, и наша милая тетушка Норрис старались привить нам с Марией. Полагаю, ничего иного и нельзя ожидать от девицы из такой жалкой семьи, и все же после четырех лет, проведенных в Мэнсфилд-Парке, можно было надеяться, что утонченность и изысканность этого дома изменят ее нрав, добавив капельку благородства. В обществе Сьюзен всегда чувствуешь себя неловко. А как она выросла! Сущий кошмар! Должно быть, на целую голову выше бедняжки Марии, которая некогда почиталась одной из самых красивых девиц в Англии. Признаюсь, я не одобряю наружности кухни Сьюзен, уж слишком она яркая и грубая. А ее глаза! Вместо того чтобы застенчиво опускать взгляд, как пристало молодой девице, которая покамест еще не выезжает, она смотрит вам прямо в лицо! Это почти оскорбительно! Ее манера просто несносна, она любого приведет в замешательство. Никакой деликатности и скромности, желания держаться незаметно, не привлекая внимания, что всегда почиталось за добродетель. Стоит ей появиться в обществе, и стыда не оберешься!

— В таком случае, — равнодушно возразила леди Бертрам, — весьма удачно, что Сьюзен пока не выезжает. Мне ее манеры подходят как нельзя лучше, мы преотлично ладим. Сьюзен живая, добросердечная девушка, она всегда охотно распутывает мое рукоделие и не жалуется на усталость, гуляя с мопсом. Вдобавок у нее чистый звонкий голосок и внятное произношение; когда мне читает Сьюзен, я отчетливо слышу каждое слово, между тем как ты, Джулия, вечно бормочешь, да и Том тоже.

— Вряд ли ей пристало так нарядно одеваться. Это лишь привлекает к ней ненужное внимание. Платье, что на ней было, слишком яркое, а узор на ткани чересчур крупный и ей не к лицу.

— Кузен Эдмунд подарил это платье Сьюзен на день рождения.

— О, как это великодушно с его стороны. Он и не вспомнил о днях рождения маленьких Джонни и Томми, — с обидой проговорила миссис Йейтс, тактично позабыв о том, что сама оставила без внимания дни рождения детей брата. — И еще в ее манере говорить проскальзывают излишняя самоуверенность и непростительная фамильярность, будто она считает себя ровней нам. Вам так не кажется, сударыня?

— Ну, — после долгого раздумья отозвалась леди Бертрам, — полагаю, она и впрямь нам ровня. Сэр Томас был самого высокого мнения о ее здравомыслии и не раз говаривал, что она на диво умна.

— Несомненно, отец выказывал жалость, зная, каково ее происхождение. Он был излишне снисходителен к Сьюзен.

— Я так не думаю. Сэр Томас уверял, что будь она юношей, то преуспела бы в политике и вошла бы в парламент.

— Вот так шутка! Право, только этого недоставало, — зло рассмеялась Джулия. — Едва ли мистер Йейтс согласился бы в этом с сэром Томасом. Я слышала, Джон жаловался, что кухня Сьюзен трещит как сорока. Он не в восторге от этой особы.

— Это потому, что она поправила его, когда речь зашла о торговле рабами, — добродушно заметила леди Бертрам. — Помнится, он был тогда вне себя.

— Я подумала вот о чем, матушка, — сказала миссис Йейтс, придвигая стул ближе к дивану, на котором расположилась леди Бертрам. — Вам не кажется, что теперь, когда отец умер, пребывание Сьюзен под крышей этого дома выглядит неуместным? В Мэнсфилде остались лишь братец Том, Сьюзен да вы. Подобное тесное общество внушает известные опасения, тут и до беды недалеко. Том и Сьюзен станут проводить в компании друг друга

куда больше времени, чем предписывает благоразумие.

— Но ты ведь знаешь, душенька, что Эдмунд и Фанни с детьми бывают здесь каждый день, — проговорила леди Бертрам, — вдобавок и ты сама по нескольку раз на неделе навещаешь к нам из Шоу-кросса с малютками Джонни и Томми. Кстати сказать, где сейчас наши ангелочки?

— Я оставила их в пасторате. Они обожают милую крошку Мэри и младенца. И все же, матушка, вам надобно всерьез об этом подумать. Сьюзен надолго задержалась в Мэнсфилд-Парке, по-моему, слишком надолго. Ей несказанно повезло, и она сумела извлечь немало выгод из своего положения, но пора ей вернуться в Портсмут. Должно быть, она нужна тетушке Прайс. Будьте уверены, в самое короткое время она найдет себе там мужа, морского офицера или кого-нибудь из управления верфью. Мне кажется неблагоприятным, что ей и Тому придется проводить вместе столько времени.

— Том никогда не проявлял интереса к Сьюзен, — поразмыслив, ответила леди Бертрам. — Совсем напротив. Когда она только появилась в доме, он, бывало, посмеивался над своей четырнадцатилетней кузиной. Девочка говорила чересчур быстро да вдобавок употребляла словечки, совершенно не подходящие леди, — верно, нахваталась их у своих братьев. Однако нынче Том едва замечает Сьюзен, не выделяя ее особо среди домочадцев.

— Но последние несколько месяцев он провел в разъездах. А впредь братец станет чаще бывать дома...

— Не думаю, что матушка Сьюзен захотела бы возвратить дочь в Портсмут теперь, когда их семейство перебралось в дом поменьше. Моя сестрица Прайс никогда не выражала подобного желания. А кроме того, мне никак не обойтись без Сьюзен. Нет, я не могу ее отпустить.

— Сударыня, мы с Фанни охотно возьмем на себя заботу о вас, выполняя все мелкие обязанности, что лежали на Сьюзен. Вдобавок, видите ли, Том вскоре женится, ему давно пора обзавестись семьей. Тогда его супруга займет место рядом с вами, и Сьюзен станет не нужна.

— Женится? — медленно повторила леди Бертрам, будто это известие необычайно ее изумило. — Том женится? Так он питает склонность к какой-то молодой особе? Я не имею об этом ни малейшего понятия.

— Но вы ведь не выезжаете в свет, матушка. Вы не наносите визитов, не посещаете балов и не принимаете — неудивительно, что вы не видите молодых особ, которым Том оказывает знаки внимания.

— Значит, он оказывает знаки внимания девицам? Коли это так, — после недолгого размышления заметила леди Бертрам, — полагаю, тебе нет нужды тревожиться, что он устремит свой взор на Сьюзен.

— О, конечно, Том слишком хорошо воспитан, чтобы допустить что-либо неподобающее, — быстро проговорила сестрица, — но я заметила, что он питает явный интерес к мисс Йейтс. Он танцевал с ней на нортгемптонском балу.

Мисс Шарлотта Йейтс приходилась младшей сестрой мужу Джулии и делила кров с братом и невесткой. Эта молодая особа с отличными зубами и недурной наружностью, будучи младшей дочерью графа, была преисполнена чувства собственной значимости. Она много смеялась, желая показать превосходные зубы, а потому славилась веселым нравом и остротой ума, однако осознание важности своей персоны почитала главным своим достоинством, ибо, сказать по правде, иными преимуществами она похвастать не могла —

родитель ее, лишившись достатка, оставил пяти дочерям лишь по тысяче фунтов каждой. Двум старшим сестрицам посчастливилось удачно выйти замуж, а еще две, по выражению их брата Джона, «тихо сидели на насесте, словно старые клуши».

В двадцать один год Шарлотта Йейтс была еще достаточно молода, чтобы всерьез опасаться незавидной участи старой девы, однако все чаще склонялась к мысли, что пренебрегать долгом замужества долее невозможно, и в этом убеждении золовка с невесткой сходились единодушно. Джулия вознамерилась во что бы то ни стало подыскать Шарлотте мужа и позаботиться, чтобы та зажила своим домом.

— Неужто Том и впрямь интересуется мисс Йейтс? — вяло осведомилась леди Бертрам. — А я и не подозревала. Но теперь, сдается мне... Кто-то, ныне уж не припомню кто, упоминал, будто Том особо отмечает одну хорошенькую молодую девицу, которая приходится родней Мэддоксам из Стоука... Я позабыла ее имя, но уверена, ты знаешь, о ком идет речь.

— Вы, верно, говорите о мисс Луизе Харли? Не скажу, что замечала интерес Тома к названной вами особе. И, откровенно говоря, я этому рада, потому как мисс Харли... Ну, отребьем ее не назовешь, ведь Мэддоксы пользуются немалым влиянием, но речи ее недостает утонченности, к которой мы с вами, сударыня, привыкли в Мэнсфилде. Тогда как наша дорогая Шарлотта — само совершенство: превосходно воспитанная, обходительная, уж о ней никто дурного слова не скажет.

— Верно, Харли. Луиза Харли, так ее зовут. У нее золотистые волосы, и она очаровательно поет «Как-то рано утром». Теперь, когда ты напомнила ее имя, мне пришло на память, что Том не раз восторженно отзывался о ней; он почитает ее на диво прелестной юной леди с множеством достоинств.

— Осмелюсь заметить, — не без досады воскликнула миссис Йейтс, — Том почитает за совершенство любую девицу, если та способна пропеть пару баллад, аккомпанируя себе на фортепьяно, или разгадать шараду, когда ей растолкуют ее смысл! Не могу сказать, что меня восхищает эта особа. Боюсь, она стала бы скверным дополнением нашего узкого круга в Мэнсфилде.

— В таком случае вышло удачно, что Том, как ты говоришь, нисколько не интересуется мисс Харли. Выходит, и с этой стороны нам нечего опасаться. Впрочем, как бы то ни было, по-моему, Тому пока что нет нужды жениться, во всяком случае, с этим можно подождать. Ему всего тридцать. Он никогда не заговаривал со мной о женитьбе. По мне, так нам и без того неплохо живется. Я не больно-то жалую перемены. Это так утомительно — вести беседы с незнакомой особой, которая представления не имеет о моих привычках и домашнем укладе. Мне кажется, Тому не следует торопиться с женитьбой по меньшей мере еще лет десять; ему решительно ни к чему спешить. Я убеждена, сэр Томас не встретил бы сочувственно столь ранний брак. Сэр Томас не одобрял союзы, заключаемые наспех.

— Покуда отец был жив, сударыня, подобные доводы, возможно, и имели силу. Но теперь моего бедного папеньки уже нет с нами, и мне представляется, что Том непременно должен жениться. Теперь он сэр Томас, хозяин Мэнсфилд-Парка, одной из самых великолепных усадеб в стране, владелец изрядного состояния; мне думается, ему надобно остепениться, избавиться от кое-каких нежелательных связей и начать вести жизнь более размеренную, упорядоченную. Мистер Йейтс согласен со мной целиком и полностью, он не раз высказывал мне свое мнение.

— Возможно, ему следовало бы высказать его Тому.

— Ах, полно, матушка! Том не прислушивается к мудрым советам. Братец мой, знаете ли, всегда был таким; внимал, бывало, увещаниям сэра Томаса, пристыженно потупив взор, да вот только не припомню, чтобы он хоть раз последовал его наставлениям.

— Но Том с мистером Йейтсом большие друзья, не так ли? Это ведь Том впервые привел мистера Йейтса в Мэнсфилд.

— С той поры образ жизни мистера Йейтса значительно переменялся, — поспешила возразить Джулия, немало раздосадованная напоминанием о тех временах, когда ее брат с мистером Йейтсом приятельствовало, соперничая за игорным столом и развлекаясь на скачках. — Джон и мой братец больше не предаются удовольствиям в обществе друг друга.

— Что ж, — вздохнула леди Бертрам, — быть может, в твоих словах что-то есть: пожалуй, жена помогла бы Тому взяться за ум. Негоже было бы, если бы он промотал состояние, с таким тщанием накопленное его отцом.

— Вы совершенно правы, матушка, а разумная, здравомыслящая супруга, такая, как моя дорогая Шарлотта, сумела бы позаботиться, чтобы подобное не случилось.

— По счастью, — обронила леди Бертрам, оставив без внимания слова дочери, — совершенно не важно, какую именно молодую особу Том решит сделать своей женой. Разница невелика. Его избранница наверняка окажется достойной юной леди. А будет ли она со средствами или нет, не столь существенно, поскольку Том, несомненно, хорошо обеспечен, принимая во внимание, что Эдмунд взялся уладить наши дела на Антигуа. Удачно вышло, что нам не придется тревожиться об этом. Надеюсь, Сьюзен вскоре вернется из пасторского дома, а то мое вязание совершенно запуталось, ей придется изрядно с ним повозиться.

В это мгновение из холла донеслись вопли малюток Джонни и Томми: Сьюзен привела их из пастората, где они премило проводили время, задирая младших кузенов, разливая чернила и дергая кота за хвост.

— Не приводи сюда милых ангелочков, Сьюзен! — попросила леди Бертрам, слегка возвысив голос, обыкновенно звучащий тихо и монотонно. — От их криков у меня звенит в ушах, вдобавок мальчишки пугают мопса. Передай мой сердечный привет мистеру Йейтсу, душенька Джулия, когда вернешься домой, а по пути через деревню, будь добра, попроси Кристофера Джексона захватить завтра в людскую инструменты — у миссис Уиттемор есть для него кое-какие поручения.

Прозрачный намек не оставил Джулии иного выбора, кроме как призвать под свое крыло милых ангелочков и покинуть дом, что она и сделала, по обыкновению, кипя негодованием из-за бесплодных попыток заставить леди Бертрам убедить Тома посвататься к мисс Йейтс или по крайней мере решиться хоть на какой-то шаг.

Сьюзен поспешно вошла в комнату. Девушка казалась немного огорченной и взволнованной — вернувшись домой, она заглянула к экономке и выслушала немало горьких жалоб и сетований, явившихся результатом визита миссис Йейтс, которая давно взяла себе за правило, посещая Мэнсфилд, навещать к своей «милой старушке Уиттемор для сердечной беседы по душам». Подобные «задушевные» разговоры нередко приводили к тому, что экономка грозилась взять расчет, и вспышки ее гнева удавалось погасить лишь щедрыми порциями сочувствия, лести и уговоров.

— Не понимаю, почему эта особа считает нужным делать мне замечания, увидев одну из наших девушек в деревне с цветком на шляпе? Ведь леди Бертрам отнюдь не жалуется на то, как я управляюсь с прислугой...

— Милая миссис Уиттемор, вы ведь знаете, как ценят вас леди Бертрам и мастер Том, они находят ваше управление хозяйством безукоризненным. Коли уж им не в чем вас упрекнуть, так надо ли вам тревожиться? Я уверена, что дело тут в чувствах миссис Йейтс: она сожалеет о прошлом, тоскует по тем славным денькам, когда жила здесь еще девочкой.

— Не припомню, чтобы в те времена она выказывала хотя бы малейший интерес к домашнему хозяйству или наведывалась в мою комнату.

— Однако теперь, сударыня, она, как видите, стала куда лучше судить о хозяйственных делах, отмечая свойственные им тонкости и трудности.

Говоря так, Сьюзен невольно поймала себя на мысли, что в словах ее немало правды: Джулией двигала не одна лишь явная привычка вмешиваться в дела других; мисс Джулии Бертрам, воспитанной в достатке и роскоши Мэнсфилд-Парка, предстояло привыкнуть к заботам и хлопотам distinguished миссис Йейтс, стремящейся принадлежать к избранному кругу, имея при этом весьма скудные доходы.

— Гм! — презрительно хмыкнула миссис Уиттемор. — И все же ей не следовало поучать меня, сколько сливочного масла надлежит выделять кухарке для соуса, — я едва не высказала ей это прямо в лицо.

Сьюзен не стала просить тетушку, чтобы та уговорила Джулию не вмешиваться в хозяйственные дела Мэнсфилда. Леди Бертрам лишь ответила бы: «Душенька Джулия непременно желает проследить за всем в доме, что ужас как утомительно, но Уиттемор это не должно заботить. Ах, милочка, куда же я положила свою сине-зеленую пряжу?»

Сьюзен Прайс впервые появилась в Мэнсфилде четырнадцатилетней девочкой; уже в ту пору она отличалась добрым сердцем и запальчивым нравом. Нортгемптонширское общество нашло ее не слишком красивой; девочку признали довольно рослой для своего возраста, что, впрочем, ей охотно простили, выразив даже известную долю одобрения, однако черты ее лица сочли слишком резкими, шею чересчур длинной, а волосы излишне гладкими. Все единодушно сошлись во мнении, что коже ее недостает белизны и что бедняжка Сьюзен далеко уступает кузинам в красоте. Однако по прошествии нескольких лет некоторые из этих изъянов исчезли без следа. Многие нынче почитали Сьюзен необычайно красивой девушкой, и все же кое-кто по-прежнему вздыхал, добавляя: «Ах, никогда ей не сравниться с кузиной Марией, мисс Мария Бертрам была первой красавицей Нортгемптоншира».

Вышеупомянутая Мария Бертрам имела несчастье сочетаться браком с грузным и вялым, скучным молодым человеком, обладавшим изрядным состоянием. Никогда не питавшая уважения к своему супругу, Мария скоро прониклась к нему презрением и менее чем через год со дня свадьбы оставила его ради другого мужчины. Когда же супруг Марии получил развод, а любовник ее бросил, она, всеми покинутая, поселилась вдали от Нортгемптоншира, разделив кров со своей тетушкой, чья всегдашняя привязанность к племяннице, после того как та навлекла на себя бесчестье и презрение общества, стала еще крепче.

Имя мисс Марии никогда не произносилось в Мэнсфилде. На этом настоял ее отец. Человек твердых убеждений и высоких моральных принципов, он нестерпимо страдал из-за испорченности дочери, горько сожалея об ошибках и упущениях в ее воспитании, теперь уже невозможных; боль от сознания родительской вины не отпускала его, заставляя ненавидеть причину, ее порождавшую, и делая непереносимым малейшее напоминание об

отринутой дочери.

Леди Бертрам не отличалась подобной чувствительностью. Она не испытывала глубокой привязанности к своим отпрыскам, даже когда те были еще малютками, и чем старше становились дети, тем меньше она интересовалась ими, давно отрешившись и от родительских тревог, и от сопутствующих им радостей, если дело не имело касательства к ней самой. Что же до внуков, то главной ее заботой было, чтобы милые крошки не мяли ей платье, не путали шелковые нити для вышивания и не пугали мопса.

Леди Бертрам никогда не заговаривала о заблудшей дочери прежде всего потому, что судьба злосчастной Марии несколько ее не занимала; сказать по правде, она едва ли вспомнила о беспутной хоть раз за минувшие годы.

Однако же коль скоро речь заходила о ближайшем окружении, причастном к ее жизненному укладу, леди Бертрам могла проявить маломальское внимание и даже заботу. Движимая вышеуказанной заботой, она, уже поднявшись с дивана, чтобы пойти переодеться к ужину, повернулась к племяннице и осведомилась:

— Не послать ли мне Чапмен помочь Фанни собраться для путешествия в Вест-Индию? Она могла бы отправиться в пасторат, после того как оденет меня. Ты не думаешь, что, прислав Чапмен, я оказала бы большую услугу душеньке Фанни?

— О, вы так добры, сударыня, но, право, Фанни превосходно справится: ей помогают Рейчел и девушка из деревни.

Проявив надлежащую заботу столь необременительным для себя образом, леди Бертрам в самом благодушном настроении направилась в спальню. Сьюзен собиралась было последовать за ней, когда в гостиную вошли Том с Эдмундом, все еще занятые беседой о пахоте, посевах и новых породах скота.

— Итак, мы пришли к согласию относительно пастбищ за Истоном. Надеюсь в самое короткое время получить от тебя весть, что овцам на пользу тамошняя трава. Кузина Сьюзен, матушка уже поднялась к себе? Я и не заметил, что час поздний. Должно быть, Фанни меня заждалась. Я, пожалуй, пойду...

— Не мог бы ты уделить мне минутку, кузен Эдмунд? — заговорила Сьюзен с робостью, несколько не сообразной с суждениями миссис Йейтс о ее нраве. — Я надеялась перемолвиться с тобой парой слов, прежде чем ты уйдешь.

Эдмунд со всей благожелательностью, свойственной его отзывчивой натуре, тотчас остановился и спросил, чем он может быть полезен кузине.

Со дня появления Сьюзен в Мэнсфилде Эдмунд проникся к ней неподдельным уважением за живость, усердие и добросердечие, с которыми та выполняла задачу поистине нелегкую, занимая и развлекая леди Бертрам. Со временем восхищение его переросло в самую горячую привязанность. Обладая характером тихим, сдержанным и найдя в своей жене Фанни тот же спокойный, кроткий нрав, он не мог не восторгаться Сьюзен — натурой деятельной и кипучей, умевшей находить удовольствие в унылой и скучной, размеренной жизни Мэнсфилд-Парка.

— Я хотела до того, как вы покинете нас, узнать твое мнение о положении кузины Марии, — призналась Сьюзен с обыкновенной своей прямоотой.

Оба брата застыли в изумлении.

— Скажи на милость, как ты об этом прознала? — с немалой досадой в голосе воскликнул Том. — И позволь осведомиться, кузина Сьюзен, отчего тебе вздумалось вмешиваться в это дело?

Лицо Тома залилось краской гнева, и Сьюзен тотчас поняла, что допустила ошибку, обратившись к младшему из братьев: кузен ее наверняка почувствовал себя уязвленным, видя, что суждение нового главы семьи оставляют без внимания. Она тут же попыталась исправить оплошность.

— Сказать по правде... я собиралась спросить совета у вас обоих, но в последнее время Эдмунд бывал в обществе тетушки Бертрам чаще, чем ты, Том, и я обратилась к нему, полагая, что кузену Эдмунду легче судить о ее нынешних чувствах. Мне страстно хочется узнать и твое мнение — следует ли говорить тетушке о недавнем событии? Или ты полагаешь, что новость лишь напрасно ее расстроит?

Интерес, проявленный кузиной к его образу мыслей, ничуть не смягчил новоявленного сэра Томаса. Сьюзен заподозрила, что он предпочел бы почтительное обращение, подобающее его новому титулу, взамен по-родственному фамильярного «Том».

Кузен повторил еще более сухим и холодным тоном:

— Могу я осведомиться, кузина, каким образом история эта дошла до твоих ушей? Я не подозревал, что о ней судачат везде и всюду. По моему глубокому убеждению, чем меньше о ней станут говорить, тем будет лучше.

— Кто бы стал возражать против этого? — с замечательным спокойствием ответила Сьюзен. — Уверяю тебя, у меня и в мыслях не было «судачить везде и всюду» о кузине Марии. Да и зачем мне это, я ведь даже не была с ней знакома. Я лишь хотела заручиться мнением твоим и Эдмунда, хорошо ли будет держать вашу матушку в неведении, принимая во внимание, что какому-нибудь словоохотливому соседу, прочитавшему заметку в газете и пребывающему в заблуждении, будто леди Бертрам все известно, быть может, вздумается отпустить замечание или задать вопрос о мисс Марии.

— Дело это непростое, — после недолгого раздумья отозвался Эдмунд, поскольку его брат хранил молчание. — Как ты полагаешь, Том? Матушку и вправду до крайности огорчило бы напоминание о прошлом? Может статься, известия о Марии обратят мысли матушки к дням бесчестья нашей сестры, когда отец был еще жив, и усилят боль горькой утраты, ведь рана еще так свежа.

Том глубокомысленно нахмурился.

— Матушка приняла весть о кончине отца с необычайной стойкостью и силой духа, — проговорил он, чуть помедлив.

Сьюзен пришло на ум, что взамен «стойкости» и «силы духа» следовало бы употребить слово «бесчувственность». За четыре месяца, прошедших со дня отъезда сэра Томаса в Вест-Индию, леди Бертрам успела привыкнуть к отсутствию супруга во главе стола за обедом или за вечерним чаем и безвозвратность, заключенную в известии о его смерти, приняла едва ли не равнодушно. Временами она вздыхала, говоря: «Как же нам недостает сэра Томаса», — но в голосе ее звучало не больше скорби, чем если бы речь шла о долгой отлучке мужа.

— Возможно, нам надобно спросить мнение Джулии, — добавил Том.

— Не думаю, что сестрица Джулия судит об образе мыслей матушки более справедливо, глубоко и вдумчиво, нежели кто-либо из присутствующих здесь, — нетерпеливо возразил Эдмунд. — А к чему склоняешься ты сама, Сьюзен?

— Я почитаю за лучшее ничего не скрывать от тетушки, — без колебаний ответила Сьюзен. — С должной заботой и осторожностью следует выбрать минуту, когда леди Бертрам пребывает в добром расположении духа, а не охвачена беспокойством и тревогами, когда у нее довольно досуга, чтобы предаться раздумьям или утешиться, направив свои

мысли на иной предмет. Разумная осмотрительность помогла бы смягчить потрясение.

— Полагаю, ты права, — заключил Эдмунд. — Матушка не склонна к скорым решениям, мысли ее текут неспешно; надобно дать ей время обдумать все в уединении или в узком семейном кругу, где можно посоветоваться и обменяться суждениями. Да, я определенно нахожу, что матушке следует открыть правду, разумно выбрав время. А что скажешь ты, Том?

— Мне хотелось бы знать, — заговорил Том, оставив без внимания вопрос брата, — как Сьюзен провела об этой истории?

— А как, по-твоему? Мне только что рассказала Фанни, когда я помогала ей укладывать вещи, — запальчиво воскликнула Сьюзен, не в силах поверить, что у Тома не достало догадливости, чтобы самому прийти к столь простому заключению. — Откуда же еще мне было узнать, кузен Том? Думаешь, почтовый голубь принес послание?

Первое время после переезда в Мэнсфилд у Сьюзен нередко слетали с языка подобные резкие, грубоватые обороты: за годы жизни в Портсмуте, в окружении братьев, она привыкла не стесняться в выражениях. Благоговение перед великолепием ее нового обиталища и природная восприимчивость помогли ей в скором времени обрести изящество манер и изысканность речи, чему немало способствовали мягкость и утонченность обращения ее сестры Фанни, взятые Сьюзен за образец. Однако подчас язык подводил мисс Прайс, и ей случалось сгоряча выпалить что-нибудь необдуманное; нетерпение брало верх над рассудительностью, и в речи Сьюзен прорывались прежние дерзкие, колкие нотки. Впрочем, подобные промахи случались все реже, ибо никто острее самой мисс Прайс не сознавал полнейшую их непозволительность. Каждая такая оплошность заставляла Сьюзен краснеть от стыда и терзаться за невоздержанность, и она обещала себе впредь властвовать собой и следить за словами. В девяти случаях из десяти причиной этой досадной грубости манер служили споры с кузеном Томом. Непостижимым образом, сами того не желая, кузен с кузиной умудрялись выводить друг друга из терпения. Том с давних пор, пусть и не вполне сознавая это, считал Сьюзен незваной гостьей в Мэнсфилде и никогда не давал себе труда преодолеть это нелепое и вздорное чувство; Сьюзен же сердило, хотя она и не заговаривала о том, надменное, снисходительное покровительство Тома. Она охотно признавала главенство тетушки и дяди и, питая глубокую благодарность к обоим за их добросердечие, радушие и благожелательность, неизменно спешила исполнить любое их повеление, но решительно не желала с той же кротостью покоряться власти кузена Тома, весьма откровенно давая ему это понять.

Острый живой ум и детство, проведенное в окружении непоседливых, шаловливых братьев, сделали Сьюзен опасной соперницей в спорах; что же до Тома, тот, обладая умом самым обыкновенным, никогда не блистал в словесных состязаниях, а в учении уступал младшему брату Эдмунду. Когда Сьюзен впервые прибыла в Мэнсфилд, Том, которому исполнилось в ту пору двадцать шесть лет, медленно поправлялся после жестокой лихорадки; ослабленный и изможденный, он поначалу был рад обществу простой, милой, услужливой четырнадцатилетней девочки, всегда готовой сыграть с ним шахматы, развлечь его чтением или исполнить любое другое его пожелание. Однако по мере того как силы к нему возвращались, росло и желание верховенствовать. Том сизмальства привык командовать младшими сестрами, а позднее и робкой, застенчивой кузиной Фанни; обладая добрым и щедрым нравом, он нередко дарил девицам подарки, но держал себя важно и заносчиво; от Сьюзен он ожидал куда большей почтительности и любезности в обращении,

нежели та готова была выказать. Сьюзен вовсе не желала покоряться воле кузена Тома, пребывая в убеждении, что тот во всех отношениях, кроме разве что наружности, значительно уступает младшему брату. Оправившись от тяжелой болезни, Том превратился в обворожительного молодого джентльмена с приятной внешностью и открытым лицом, хорошо сложенного, приветливого и обходительного, если только ни в чем ему не противоречить, и готового со всей сердечностью блюсти интересы других, если это не нанесет урона ему самому. Однако в вопросах более значительных и серьезных Сьюзен ставила младшего из братьев Бертрам много выше, почитая Эдмунда за человека необычайного ума и начитанности, справедливого и мудрого, приверженного строгим принципам, тогда как Том представлялся ей натурой неглубокой или, во всяком случае, не склонной предаваться размышлениям. Даже жестокий недуг не смог заставить его перемениться.

День ото дня Сьюзен исподволь, отчасти неволью, выказывала нелестное мнение о старшем кузене, а тот в отместку ясно давал понять, что видит в ней непрошеную гостью, назойливую приживалку происхождения самого незавидного, обойденную воспитанием и взятую из милости в Мэнсфилд-Парк. Это убеждение внушила ему сестрица Джулия, которая хотя и испытывала эгоистическую радость оттого, что ей нисколько не приходится заботиться о леди Бертрам, все же немало досадовала на кузину, пользовавшуюся всеми благами жизни в Мэнсфилде без каких-либо на то прав.

Когда Сьюзен была младше, Том посмеивался над ее простоватой наружностью, адресуясь к ней не иначе, как «мисс Кожа да Кости» или «мисс Мышиные Хвостики», хотя подобные шутки он позволял себе тайком от отца. Последние шесть или семь месяцев Том пребывал в отъезде, а когда вернулся домой, разительная перемена во внешности кузины явилась для него полнейшей неожиданностью. Отныне лицо или фигура Сьюзен уже не могли послужить ему мишенью для насмешек, но, не находя изъянов в наружности кузины, Том негодовал еще сильнее на непомерную самонадеянность, которую усматривал в каждом ее слове и жесте.

— Так это Фанни передала тебе новость о моей сестре Марии? — потребовал он ответа.

— Если ты помнишь, братец, — поспешил вмешаться Эдмунд, — Фанни была с нами, когда Фрэнк Уодем рассказал нам о Марии. Фанни хорошо известна печальная история нашей сестрицы.

— Верно. Фанни была там. Я позабыл.

Вышеупомянутая новость заключалась в том, что злополучная сестра Мария недавно решила покинуть свое уединенное обиталище и переехать в Лондон. Причиной тому послужила кончина тетушки Норрис, овдовевшей сестры леди Бертрам, с которой Мария несколько лет делила кров. Это горестное событие обеспечило блудную дочь семейства Бертрам свободой действий и необходимыми для переезда средствами. Болезнь, подтачивавшая силы миссис Норрис, за полгода свела ее в могилу; умирая, тетушка завещала любимой племяннице все свое состояние. Поскольку почтенная вдова вела жизнь скромную, отличаясь завидной экономией и бережливостью, означенное наследство оказалось немалым, составив около восьми с половиной тысяч фунтов. Располагая теперь собственными средствами и вместе с тем избавившись от строгой дуэньи, сторожевого пса в образе тетушки, Мария, незамедлительно оставив маленький сельский домик, уехала в Лондон, где сняла квартиру на Аппер-Сеймур-стрит, неподалеку от жилища близких приятелей, Эйлмеров, беспутных любителей удовольствий, знакомых ей по прежним

временам. Поскольку в Лондоне бывшую миссис Рашуот, как и следовало ожидать, в приличных домах принимать отказывались, а проводить дни в одиночестве она не желала, ей не оставалось ничего иного, кроме как вращаться в кругах крайне сомнительных, став источником огорчений и тревог для отвергнувших ее родственников, резонно терзающихся вопросом, какой фортель выкинет злосчастная Мария на сей раз. Если бы ей посчастливилось заполучить в мужья какого-нибудь пожилого джентльмена, не взыскательного и не слишком разборчивого в выборе супруги, но достаточно тщеславного, чтобы связать свою жизнь с признанной красавицей, пусть испорченной и с дурной репутацией, подобный брак стал бы, по общему мнению, наилучшим исходом.

Известие о Марии принес в Мэнсфилд преподобный Френсис Уодем, добрый знакомый Эдмунда, согласившийся взять на себя обязанности приходского священника на время пребывания мистера Бертрама в Вест-Индии.

Мистер Уодем не был лично знаком с упомянутой выше мисс Бертрам, но его овдовевшая сестра миссис Осборн жила по соседству с уединенным жилищем Марии и ее тетушки в Камберленде; эта отзывчивая, участливая леди как могла поддерживала и утешала миссис Норрис, делая все возможное, чтобы скрасить последние дни бедняжки. После смерти почтенной дамы миссис Осборн попыталась было перенести дружескую заботу на осиротевшую племянницу, настойчиво остерегая ее от переезда в Лондон, но Мария, давно дожидавшаяся возможности покинуть Камберленд, оказалась глуха к ее увещаниям. Не прошло и месяца, как все ее вещи перекочевали из Кезика на Аппер-Сеймур-стрит. Обо всем этом мистер Уодем уведомил Эдмунда и Фанни Бертрам, как только прибыл в Мэнсфилдский пасторат.

Теперь же Сьюзен и обоим ее кузенам предстояло обсудить другой важный вопрос: кто должен сообщить леди Бертрам о поступке ее дочери?

— Сестра Уодема, та самая миссис Осборн, вскоре приедет сюда, чтобы вести хозяйство брата во время его пребывания в пасторате, — заметил Эдмунд. — Она чудесная женщина, разумная, кроткого нрава, лишенная притворства и жеманности. Вдова адмирала Джайлса Осборна. Думаю, в отсутствие Фанни эта почтенная дама станет для Сьюзен добрым другом и бесценной наставницей. Наверное, будет лучше всего, если именно она сообщит матушке тревожные новости, ведь миссис Осборн была соседкой несчастной Марии и видела ее совсем недавно.

Однако Том решительно отверг это предложение:

— Что? Совершенно посторонняя особа передаст матушке огорчительные новости?! Доверить столь деликатное и тонкое поручение женщине, которую никто из нас в глаза не видел, о которой никто до сего дня даже не слышал! Боже милостивый, Эдмунд, о чем ты только думаешь? Не сомневаюсь, эта миссис Осборн весьма достойная особа, но чтобы чужой человек вмешивался в подобное дело... Нет, это просто немыслимо!

— Тогда тебе лучше сделать это самому, Том, — невозмутимо произнес Эдмунд.

Том нерешительно замялся, прежде чем ответить отказом — он не столь близок с матушкой, чтобы взять на себя подобную щекотливую миссию. Вдобавок, так или иначе, открыть матушке правду надлежит женщине: женщине лучше знать, как со всей деликатностью уведомить леди Бертрам о неприятностях. Принимая во внимание обстоятельства, надобно признать: Фанни как нельзя лучше справилась бы с подобной задачей. Да, несомненно, дело следует поручить ей, Фанни превосходно все устроит. Это наилучший выбор, никто другой здесь не годится.

В плане Тома имелся единственный изъян: Фанни с Эдмундом предстояло покинуть Мэнсфилд в восемь часов на следующее утро, задолго до того, как леди Бертрам обыкновенно пробуждалась.

— Что ж, ничего не поделаешь, — заключил Том, вынужденный наконец признать досадный факт. — Выбора нет. С матушкой надлежит объясниться Джулии. Да, так будет лучше всего. В конце концов, Джулия приходится Марии сестрой, надо полагать, ее это тоже касается. Я немедля пошлю записку в Шоукросс и попрошу Джулию прийти сюда завтра. Думаю, как бы то ни было, матушку обрадует этот визит, ведь ей будет недоставать Фанни.

Вполне довольный собой, Том отправился сочинять записку. Его брат и кузина вовсе не были убеждены, что Джулия — наилучший выбор, однако, не желая вызвать неудовольствие Тома, который непременно хотел оставить решение за собой, предпочли не прекословить; вдобавок у обоих без того хватало собственных дел: Эдмунду предстояло окончить дорожные сборы, а Сьюзен — завершить приготовления к появлению в доме маленькой племянницы. Сердечно попрощавшись, зять и свояченица поспешно расстались.

На записку, в которой Том извещал сестру о переезде злополучной Марии в Лондон и просил сообщить эту новость леди Бертрам, Джулия ответила решительным отказом. Миссис Йейтс несколько не интересовалась нынешним положением или местопребыванием сестры и не находила причин, почему братцу вздумалось возложить на ее плечи тягостную обязанность передать огорчительную новость матушке. Коли матушку надлежит во что бы то ни стало оповестить, в чем сама Джулия не видит ни малейшей надобности, то пусть это сделает Сьюзен.

Потому-то в конце концов именно Сьюзен, возвращая тетушке вязанье, прилежно распутанное и готовое быть спутанным вновь, мягко проговорила:

— Я хотела сообщить вам новость, тетушка Бертрам.

— Что такое, моя дорогая? Надеюсь, ничего ужасного не случилось с Эдмундом, Фанни и милым крошкой Уильямом?

— Нет, сударыня, ничего подобного. Речь идет о кузине Марии. После смерти тетушки Норрис она продала дом в Камберленде, купленный для нее дядюшкой Томасом, и переехала в Лондон.

— В самом деле? — вяло поинтересовалась матушка Марии. — В какую часть Лондона?

— Эдмунд говорил, на Аппер-Сеймур-стрит.

— Вот как? Не слышала о такой. Когда дети еще были малютками, а сэр Томас исполнял обязанности в парламенте, на время сезона мы обыкновенно снимали дом на Гросвенор-сквер, однако я находила поездки в Лондон слишком утомительными, потому мы оставили этот обычай. Лондонская жизнь мне не по душе. Слишком много чужих людей. Куда приятнее жить за городом, видя одни лишь знакомые лица. Позвони в колокольчик, Сьюзен. Мне пора обедать. Должно быть, Том уже переоделся.

Сьюзен исполнила распоряжение тетушки, улыбаясь про себя; разговор, к которому она готовилась со всем тщанием и осмотрительностью, не занял и минуты, волнующая новость оставила леди Бертрам равнодушной.

Как только миссис Йейтс вновь появилась в Мэнсфилде, заняв место подле матушки, Сьюзен воспользовалась предоставившейся свободой, чтобы отлучиться на часок и, пройдя через парк, наведаться в пасторат.

К тому времени миссис Осборн уже прибыла и сделалась хозяйкой в доме священника. С братом ее, преподобным Френсисом, Сьюзен успела познакомиться в минувшее воскресенье, встретив его в обществе Эдмунда; тот оказался человеком чуть старше тридцати, здравомыслящим, приятной наружности, учтивым, с хорошими манерами; после болезни, вынудившей его прервать миссионерское служение, мистер Уодем выглядел довольно бледным и худым. Пришедшую в пасторат Сьюзен он принял со всей сердечностью, попросив дозволения представить ей сестру. Миссис Осборн, должно быть, пятью годами старше брата, походила на него чертами лица, такого же удлиненного, с неизменным серьезным выражением. За годы, проведенные с мужем в море, кожа ее сильно потемнела от загара, а волосы, уложенные немного небрежно, прежде времени поседели. Миссис Осборн встретила Сьюзен с неподдельным интересом.

— О, моя дорогая, — воскликнула она, — как я рада знакомству с вами! Я так много слышала о вас от вашего кузена Эдмунда. Какая вы хорошенькая! При вашей молодости взвалить на свои плечи заботы о таком огромном хозяйстве, как вам только это удастся? Однако я вижу, что хотя наружностью вы и не походите на сестру, у вас предостаточно ее рассудительности и здравомыслия.

Смущенно вспыхнув, Сьюзен рассмеялась и запротестовала:

— Мне вовсе не приходится трудиться, сударыня, я только лишь передаю экономке пожелания тетушки Бертрам.

Вскоре она уже беседовала с мистером Уодемом и его сестрицей, как с давними друзьями; очаровательная непринужденность новых обитателей пастората составляла резкий контраст сдержанности и степенности, обыкновенной в Мэнсфилд-Парке, что необычайно воодушевило Сьюзен, подавленную предстоящей долгой разлукой с Фанни и Эдмундом, а также огорчительной перспективой провести ближайшие полгода главным образом в обществе Тома Бертрама и миссис Йейтс. Теперь же, найдя восхитительную компанию совсем рядом, по другую сторону парка, она уже не опасалась одиночества и недостатка в дружеском участии.

— Должно быть, для вас мы незваные гости, вторгшиеся в дом вашей сестры, — проговорила миссис Осборн. — Боюсь, я перепутала местами все ее любимые растения. Хозяйка из меня никудышная, уж слишком я небрежна. Умоляю, мисс Прайс, обойдите дом запросто, без всяких церемоний, как если бы миссис Бертрам была здесь, и если заметите в чем-то непорядок, смело исправьте мою оплошность.

— Нет, сударыня, у меня и в мыслях такого не было, уверяю вас; дом выглядит очаровательно, приятно видеть его в столь надежных руках.

Некоторое время спустя мистер Уодем извинился и покинул дам, сославшись на обязанности в приходе, а вскоре поднялась и Сьюзен, объяснив, что не может оставлять надолго тетушку.

— Можно мне пройтись с вами по парку? — спросила миссис Осборн. — Это доставило бы мне огромное удовольствие. Знаете ли, в Камберленде я привыкла каждый

день гулять и ездить верхом, в тамошних безлюдных местах на одинокую даму без сопровождения не смотрят косо, потому как некому ее увидеть; там можно проехать двадцать миль, не встретив ни души. Здесь же — другое дело, мне это известно; я обещала Фрэнку довольствоваться короткими прогулками. Он, бедняжка, все еще слишком слаб и быстро утомляется; я и не жду, что он станет меня сопровождать, разве что в коляске.

Сьюзен с радостью приняла предложение своей новой знакомой, и дамы быстрым шагом направились через парк к Мэнсфилду. Стоял апрель, и миссис Осборн не уставала восторгаться картинами буйно расцветшей весны, пришедшей в эти края куда раньше, нежели в Камберленд.

— Там, знаете ли, мисс Прайс, зима длится до середины мая, а здесь так свежо и зелено. Взгляните-ка на эти лужайки и кусты — они очаровательны! Вам повезло, что вы живете среди подобных красот.

— О, я превосходно это сознаю! — живо откликнулась Сьюзен. — До четырнадцати лет я жила в большом городе, в Портсмуте. Там меня окружали вечные толпы, непрерывный шум, пыль, сутолока да суета. Я с величайшей благодарностью думаю о постигшей меня счастливой перемене, и даже четыре года спустя восхищение мое нисколько не уменьшилось. Я страстно люблю Мэнсфилд и каждый день благословляю судьбу, которая привела меня сюда.

Миссис Осборн ответила улыбкой, полной понимания и дружеского одобрения.

— Я верю, что Мэнсфилд-Парк наделен особым очарованием, особым даром покорять сердца тех, кто в нем обитает. Несколько месяцев назад, как вам, должно быть, известно, мне довелось ухаживать за больной, вашей тетушкой миссис Норрис. В последние дни недуг затронул ее разум, мысли бедняжки путались, она часто впадала в забытие. В бреду миссис Норрис говорила о Мэнсфилде, о его аллеях и газонах, о цветниках и беседках; она горько тосковала по этому месту, ей страстно хотелось возвратиться сюда.

Слова миссис Осборн необычайно взволновали Сьюзен.

— О, как это печально! Бедная тетушка Норрис. Я не подозревала, что она была так привязана к Мэнсфилд-Парку. Мы с тетей не особенно хорошо знали друг друга, так как она покинула Мэнсфилд вскоре после моего появления здесь.

Сьюзен могла бы добавить, что отъезд тетушки принес ей немалое облегчение, поскольку миссис Норрис встретила племянницу с нескрываемой неприязнью и не упускала случая выказать свое пренебрежение, уколоть каким-нибудь язвительным замечанием или презрительным упоминанием о «назойливых бедных родственниках». Но к чему говорить дурно о покойной? И Сьюзен прибавила:

— Кажется, тетушка Норрис была очень предана моей кузине Марии. Должно быть, на пороге смерти она нашла утешение в том, что умирает на руках у любимой племянницы.

Миссис Осборн нерешительно замялась.

— Ваша кузина Мария... вы знакомы с ней?

— Нет, мы никогда не виделись.

— Натура порывистая, нетерпеливая, она, несомненно, не создана, чтобы заботиться о немощных. В последние дни мисс Бертрам редко бывала с тетушкой, причуды и бессвязная речь миссис Норрис утомляли ее; знаете, для некоторых общество больного человека — чересчур тяжкое испытание. Очевидно, когда ваша тетушка пребывала в добром здравии, она обладала характером твердым и деятельным.

— Думаю, да.

— Быть может, племянница нашла в ней опору, во всем полагаясь на нее и доверяя ей всецело; когда же положение миссис Норрис совершенно переменилось и поддержка понадобилась самой тетушке, мисс Мария не смогла с этим свыкнуться.

Сьюзен невольно вспомнила о Джулии, сестре Марии. Сколь мало пользы принесла бы та, окажись она у постели больной.

— Думаю, тетушке Норрис несказанно повезло, что подле нее в дни болезни оставались вы, сударыня, добрая соседка и сердечный друг.

— О, моя дорогая, мне довелось видеть столько людских страданий! На корабле, знаете ли — а большая часть моей жизни прошла в море, — всегда кто-то нуждается в заботе. В свое время я выходила многих гардемарин, лейтенантов и даже капитанов; думала, в старости мне придется ухаживать за моим бедным мужем, прежде чем его не станет, но судьба распорядилась иначе; для меня было жестоким ударом, когда в Северном море его смыло волной за борт. Будьте уверены, ваша тетушка Норрис с радостью возвратилась бы в Мэнсфилд-Парк. Перед смертью она часто принимала меня за свою сестру, леди Бертрам. «Пора устроить для девочек бал в Мэнсфилде, сестрица», — говорила она раз двадцать, не меньше, а я всегда отвечала: «Непременно, миссис Норрис, как только вы поправитесь, а кухарка наготовит достаточно белого супа^[1], мы тотчас разошлем приглашения».

— Ах, бедняжка, — вздохнула Сьюзен, глубоко тронутая этой историей. — Миссис Осборн, будьте так добры, окажите любезность, поговорите с тетушкой Бертрам о ее сестре, поделитесь с ней своими воспоминаниями. Однако думаю, пока еще рано: недавние печальные события — смерть мужа и отъезд сына с женой — стали для нее тяжелым испытанием, нервы тетеньки вконец расстроены, а при ее природной хрупкости...

— Я не стала бы тревожить покой вашей тетушки, напоминая ей о понесенной горькой утрате, пока рана еще так свежа, — поспешно проговорила миссис Осборн. — Только дайте мне знать, когда присутствие мое будет желательно, и я с радостью составлю компанию леди Бертрам. О, так это Уайт-Хаус, там впереди? — Она указала на крытые соломой деревенские домики по другую сторону парка, среди которых выделялся один, довольно основательный. — Ах, сколько раз ваша бедная тетушка говорила об Уайт-Хаусе! «Дом невелик, но достаточно вместителен, чтобы не уронить достоинство благородной дамы, в нем есть скромная гостиная и комната для гостей». Миссис Норрис так часто описывала мне домик и сад, что я, верно, могла бы нарисовать это место по памяти. Кто теперь там живет?

— Теперь никто, — отвечала Сьюзен. — Какое-то время там жил старый губернёр сестер Бертрам, но позднее он переехал к брату в Пэдстоу. Кузен Том хочет сдать коттедж, он поручил это своему поверенному, мистеру Клейполу. Боже милостивый, это же моя кухня, миссис Йейтс. Неужели она оставила тетушку одну?

Стоя на подъездной дорожке перед домом, Джулия звала своих деток, забрасывавших камнями лилии в пруду.

— Так вот ты где, Сьюзен! Ну наконец-то! Я дожидалась тебя целую вечность, пока Томми и Джонни окончательно не потеряли терпение (ты ведь знаешь, матушку быстро утомляет их общество, а они, бедные ангелочки, не привыкли сидеть в комнате тихо, как мышки, не смея шелохнуться), и вдруг леди Бертрам почудилось, будто Джонни уколол мопса иголкой, что решительно невозможно, потому как в это время малютка находился в другом конце комнаты, листал альбом с гравюрами — послушный мальчик, золото, а не ребенок. Вслед за тем появился Том, он повел себя просто возмутительно, мне пришлось оставить его с матушкой, а самой навеститься к Уиттемор — надобно было передать ей, что

рассказала мне Галлоуэй о постыдном поведении мэнсфилдской прислуги в церкви, это сущий кошмар...

Скользнув небрежным презрительным взглядом по спутнице Сьюзен и не найдя ее достойной внимания, Джулия намеревалась продолжить тираду, словно не замечая присутствия незнакомки. Сьюзен, оскорбленная подобным пренебрежением, попыталась прервать поток красноречия миссис Йейтс:

— Кузина Джулия, позволь представить тебе миссис Осборн, сестру мистера Уодема из пасторского дома.

Это замечание, высказанное без обиняков, заставило Джулию вспомнить о хороших манерах и обронить несколько приличествующих случаю пустых фраз, прозвучавших наигранно и фальшиво. Миссис Осборн отвечала ей с куда большей искренностью и в заключение выразила надежду, что в ближайшие дни будет иметь удовольствие свести знакомство с леди Бертрам. Затем, тепло попрощавшись со Сьюзен, почтенная вдова повернулась и быстрой поступью пошла назад той же дорогой.

— Боже праведный! Что за несуразный вид у этой женщины! — воскликнула Джулия, глядя ей вслед. — По правде сказать, когда ты появилась вместе с ней, я решила, что это, должно быть, какая-то бывшая гувернантка или прачка. О чем она только думает, выставя себя эдаким образом? Невозможно поверить, что покойный адмирал Осборн оставил ей более восьми тысяч фунтов — однако, насколько я слышала, именно так оно и было. Впрочем, все эти жены флотских офицеров одинаковы — ни воспитания, ни манер, ни утонченности. Надо полагать, теперь она возомнила, что путь в Мэнсфилд-Парк ей открыт. «Свести знакомство с леди Бертрам...» — подумать только! Какая наглость! Что, скажи на милость, может предложить подобная особа моей матушке? Приятную беседу? Занимательное общество? Смешно! Такое знакомство не стоит поощрять. Боюсь, нам придется принять в Мэнсфилде ее брата, поскольку тот станет исполнять обязанности приходского священника, но, признаюсь, я не вижу надобности включать эту женщину в наш тесный круг. Едва ли она придется здесь ко двору.

Рассуждения миссис Йейтс подняли в душе Сьюзен столь сильную бурю негодования и горечи, что она почувствовала изрядное облегчение, когда малютка Джонни, не рассчитав силы, с громким воплем и плеском бултыхнулся в пруд, откуда был незамедлительно вытащен.

Вскоре после этого Джулия с детьми покинула дом, и речь о миссис Осборн в тот день больше не заходила.

Прошло около недели после описанных событий.

Сьюзен вместе с малышкой Мэри собирала в саду букет гиацинтов для тетушки Бертрам, когда, бросив взгляд поверх изгороди, увидела в глубине парка две приближающиеся фигуры, в которых тотчас узнала мистера Уодема с сестрой. Поскольку леди Бертрам, погруженная в приятную дремоту, едва ли пробудилась бы в ближайший час, Сьюзен не раздумывая направилась по дорожке навстречу соседям.

— Добрый день, мисс Сьюзен! Как поживаете? — приветствовал ее мистер Уодем, когда расстояние между ними сократилось настолько, что возможно стало его услышать. — Погода выдалась чудесная, и сестрица уговорила меня прогуляться по парку. Мы самовольно взяли на себя роль почтальонов — несем вам письмо, предназначенное вашей сестре.

— Моей сестре? Но кому вздумалось писать к ней в пасторат? Все наши родные — моя матушка и остальные в Портсмуте, да и братец Уильям, который служит во флоте, — знают, что Фанни отправилась в Вест-Индию. Любопытно, от кого это послание?

Сьюзен вспомнила о старой гувернантке, мисс Куонтрелл, некогда обучавшей их с сестрой, — письма от нее, адресованные то одной, то другой ее воспитаннице, иногда приходили в Мэнсфилд. Намереваясь изучить письмо позже, Сьюзен положила его в карман. На подобный случай Фанни оставила распоряжение, наказав сестре вскрывать письма и решать самой, отправить их на Антигуа или оставить в Англии дожидаться возвращения путешественников.

— Как вы устроились в пасторате? — спросила Сьюзен. — Довольны ли слугами?

— Ох, душенька, они нас вконец избаловали! — отозвалась миссис Осборн. — Рейчел, горничная вашей сестрицы, настоящее сокровище! И нынче, когда стоят теплые дни, сад выглядит прелестно. Фрэнк обыкновенно сидит в оранжерее, а я — в саду. Однако ж братец мой, как видите, быстро идет на поправку: сегодня впервые он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройтись по парку.

— Мистер Уодем, вы и вправду выглядите лучше, — подтвердила Сьюзен. — Ваша бледность проходит. И все же не переусердствуйте, вам не следует утомляться. Не лучше ли будет после столь долгой прогулки войти в дом и немного освежиться? Уверена, мой кузен Эдмунд одобрил бы это.

Мистер Уодем с сестрой нерешительно обменялись взглядами. Было ясно, что неучтивость Джулии Йейтс не осталась незамеченной и соседям не хочется вторгаться в дом, где им вовсе не рады. Однако в эту минуту на подъездной дорожке показался Том Бертрам, объезжавший свои охотничьи угодья; при виде пастора с сестрой он приветствовал их со всем радушием. По натуре живой и общительный, открытого нрава, Том скучал по мужской компании, которой в Лондоне, Бате и Харрогейте ему хватало с избытком; рассудив, что новый пастор человек достойный и держится как истинный джентльмен, сэр Бертрам проникся к нему самым искренним расположением.

— Не желаете ли, сударыня, подняться в гостиную и познакомиться с моей матушкой? — обратился он к миссис Осборн. — Сьюзен проводит вас, не правда ли, кузина? Не сомневаюсь, матушка будет очень рада гостям, она пребывает в унынии со дня отъезда моего брата с женой.

Пока Том, послав за бутылкой мадеры, показывал своему новому знакомому

бильярдную, Сьюзен проводила миссис Осборн навстречу, в гостиную, где на диване расположилась леди Бертрам.

Почтенная дама как раз только что пробудилась от сладкой дремоты и в первое мгновение немного растерялась.

— Что такое? Что случилось? — пробормотала она хриплым со сна голосом, но миссис Осборн, усевшись подле нее, заговорила с дружеской сердечностью и очаровательной простотой о ее рукоделии, вязаном кошельке, отчего леди Бертрам вскоре оживилась, просветлела лицом и даже заметно повеселела.

Сьюзен, занимавшая малышку Мэри игрой в цветные кубики в дальнем конце комнаты, слушала их беседу с чувством, похожим на благоговение: миссис Осборн завела занимательный разговор с хозяйкой дома о вышивании шерстью и о плетении кружев, о наилучших способах вязания бахромы и о тонкостях отделки готовой бахромой, о весьма существенных различиях между *petit point* и *gros point* — большими и малыми гобеленовыми стежками — и о других тому подобных предметах.

— До недавнего времени я редко занималась рукоделием, сударыня, и приохотилась к нему лишь после кончины адмирала, моего бедного супруга, смытого волной за борт во время шторма, но смею вас заверить, матросы на его кораблях находили удовольствие в развлечениях вроде вязания или плетения. Видели бы вы, как ловко и проворно управлялись их черные от смолы пальцы с какой-нибудь бечевкой или пенькой, вас бы это позабавило. Они непрестанно дарили мне спицы и булавки для плетения, голубчики мои милые! От них я научилась многим премудростям и с радостью поделюсь этими маленькими хитростями с вами, сударыня.

От увлекательного описания занятий моряков беседа легко перешла к рассказам о морских приключениях; у миссис Осборн имелся, по-видимому, неиссякаемый запас подобных историй, ибо за восемнадцать лет счастливого замужества она четырежды пересекла Атлантический океан, обошла кругом Средиземное море и, обогнув мыс Доброй Надежды, достигла Ост-Индии. Сьюзен и сама с неподдельным интересом слушала эти воспоминания, рассказанные с изумительной живостью и простотой, а леди Бертрам, совершенно очарованная своей новой знакомой, раскинулась на диване, выронив из рук забытое вязанье; глаза ее, против обыкновения широко раскрытые, неподвижно смотрели вдаль, будто почтенная дама пыталась вызвать в воображении описываемые картины и события. Верно, в жизни не доводилось ей слышать ничего и вполнину столь занимательного.

В скором времени Сьюзен вспомнила о письме, которое ей вручила миссис Осборн. Крошка Мэри, построив замок из кубиков, заползла на диван и, равным образом околдованная чарами чудесной леди, с пальчиком во рту свернулась клубком на юбках своей бабушки.

Сьюзен же незаметно достала из кармана конверт и взглянула на адрес. Почерк показался ей незнакомым. Нож для бумаги, оказавшийся под рукой, на столике, положил конец ее сомнениям. Фанни, бесспорно, пожелала бы, чтобы письмо прочитали, на случай если в нем имеется какая-нибудь просьба или распоряжение, которое надобно незамедлительно исполнить.

Вскрыв конверт, Сьюзен начала читать. Поначалу ей с трудом удавалось разбирать неровные, прыгающие буквы, но мало-помалу она привыкла.

«Дорогая моя душенька Фанни!

Вы, верно, содрогнетесь, узнав мой почерк. Хотя, быть может, Вы давно его забыли. Целая вечность прошла с тех пор, как я в последний раз писала к Вам, а в Вашей счастливой, деятельной, богатой событиями жизни в Мэнсфилде у Вас довольно иных насущных забот, и Вас, полагаю, неустанно забрасывают письмами. О, чудный, милый Мэнсфилд! Перо мое с большей легкостью выводит это слово, нежели какое-либо другое, даже теперь, много лет спустя. Лето, проведенное в его тихих пределах, я почитаю счастливейшим в моей жизни и до конца своих дней буду горько сожалеть о роковых событиях, о стремительной череде безрассудных поступков, навеки разлучивших меня с Мэнсфилд-Парком и со всем, что с ним связано. Слово «Мэнсфилд» всегда будет означать для меня «совершенство».

Должно быть, милая Фанни, Вы задаетесь вопросом, к чему все это; я так и вижу Ваш удивленный взор. Неужто Вы забыли своего давнего друга Мэри Крофорд, с которой некогда провели так много часов в приятных, а иной раз весьма для нее поучительных беседах, бродя по тенистым аллеям Мэнсфилдского пастората? Неужели забыли, сколь бессовестно и эгоистично я лишала Вас удовольствия проехаться верхом на Вашей кобылке, желая безраздельно наслаждаться Вашим обществом в те драгоценные летние дни? А помните ли Вы бал в Мэнсфилде? Мы тогда столько танцевали, что истрепали туфли до дыр! Вы были царицей бала, Фанни, мне и теперь вспоминается Ваше белое платье со сверкающими крапинками, золотая цепочка у Вас на шейке и... одно бедное сердце, бившееся единственно для Вас и отвергнутое Вами! Но не стану дразнить Вас, добрая моя, нежная Фанни; в жизни, несомненно, все происходит как должно, и в этой великой лотерее Вам достался приз куда более драгоценный, нежели мой бедный своенравный братец, который по сей день остается холостяком, ибо не может сыскать среди изнеженных светских красавиц ту, что заменила бы ему жестокосердную Фанни.

Да, Вы вправе удивляться, но это чистая правда. Генри так и не женился. Все искушения и соблазны, все обольстительные уловки и самое изощренное кокетство юных прелестниц оставили его равнодушным. Право, он слишком хорош для лондонских райских птичек с золочеными крылышками. Находя успокоение и душевную опору в воспоминаниях, брат мой большую часть года проводит в Эверингеме, погруженный в заботы о своем поместье.

Что же до меня, эта печальная повесть столь коротка, что пересказать ее не составит труда. Брак мой обернулся сущей пыткой, хотя некогда партия обещала быть превосходной. Сестра моя, миссис Грант, нисколько не возражала против этого союза. Бедняжка уже тогда страдала от жестокого недуга, вскоре сведшего ее в могилу, и, несомненно, страстно желала видеть меня хорошо устроенной. Тот, с кем связала я свою судьбу, сэр Чарлз Ормистон, производил впечатление человека света, степенного, доброго нрава; не красавец, немного старше меня летами, он отличался изящными манерами и обладал весьма внушительным состоянием. Но как же горько я обманулась! В самом скором времени открылось, что внешнее благообразие его было лишь видимостью, блестящим фасадом, за которым гнезился порок; муж мой оказался ленивым самовлюбленным бонвиваном, вдобавок низким развратником. Не стану испытывать Ваше терпение, Фанни, описанием моих страданий в руках этого чудовища. Довольно будет сказать, что жестокое испытание, выпавшее на мою долю, уже позади: сэр Чарлз хотя и жив, но вынужден жить замкнуто; беспрестанные кутежи, невоздержанность и излишества подорвали его здоровье и повредили рассудок. Не в его власти более вымещать гнев на мне: заключенный в отдаленном крыле Ормистон-Хауса, он теперь изводит своих родных вспышками ярости. Не ужасайтесь,

милочка Фанни, сэр Чарлз сам навлек на себя это несчастье. И лучшей участи он не заслуживает.

А не получила ли и я, его супруга, воздаяние по заслугам, спросите Вы, и ответ будет безрадостным. Я перенесла болезнь, болезнь тяжелую, и долго находилась между жизнью и смертью. Одна лишь нежная забота брата моего Генри, который днями и ночами оставался у моей постели, держа меня за руку, моля и заклиная не покидать его, одна лишь теплая привязанность близкого существа вернула меня в этот мир, чтобы и дальше сносить все тяготы земной юдоли. Но стоил ли дар жизни, возвращенной мне братом, перенесенных им горестей и страданий? Кому об этом судить? Уж верно не мне. Теперь состояние мое улучшилось, однако до полного выздоровления еще далеко, слишком далеко. Доктор прописал мне деревенский воздух. Но Ормистон-Хаус мне ненавистен, а поместье Генри в Эверингеме, по мнению доктора, мне не подходит — тамошний климат чересчур суров. Так где же провести несколько месяцев, пока здоровье мое не поправится?

Можно ли удивляться, душенька Фанни, что все эти годы я вновь и вновь возвращалась мыслями к дорогим сердцу воспоминаниям о чудных аллеях, тропинках и лужайках милого Мэнсфилда, об игривом сладком ветерке, овеивающем зеленые рощи и цветущие кустарники?

Признаюсь, не одно лишь место это влечет меня. Помимо брата и моей дорогой покойной сестры, самыми близкими, самыми верными друзьями, имевшими наиболее благотворное влияние на меня за всю мою никчемную короткую жизнь, я почитаю Вас и Вашего мужа. Могли бы Вы и мистер Эдмунд Бертрам — я пишу его имя рукой нетвердой и робкой, — могли бы Вы найти в себе силы забыть ошибки прошлого, могли бы простить заблудшего, оступившегося, но искренне любящего Вас друга? Я глубоко верю, что лишь беседы с Вами, Ваши мудрые наставления, лишённые всякой искусственности и лицемерия, способны оказать целительное воздействие на расположение духа моего и образ мыслей. Смее ли я в ничтожестве своем просить о дружбе с теми, кого почитаю за образец нравственной чистоты и благородства? Могу ли надеяться, что меня примут в Мэнсфилде?

Единственное слово, один лишь росчерк пера, Фанни, положит конец этим безумным мечтам. Вам довольно будет лишь отписать «нет» Вашей докучливой подруге, и она тотчас оставит свой дерзкий замысел. Возможно, я слишком многого прошу. Но, может статься, Вы с Эдмундом (ну вот, я вновь вывела своей рукой его имя), живя в довольстве и изобилии, не откажетесь бросить несколько крошек с Вашего богатого стола? Уверена, подобные благодеяния Вам нередко доводится оказывать счастливым прихожанам Мэнсфилда в милосердном служении Вашем.

Генри, мой преданный брат, уже навел справки и сообщил, что в деревне сдаётся дом, Уайт-Хаус (кажется, в былые дни там жила сестрица леди Бертрам, не могу припомнить ее имя). Если я не получу от Вас ответа, Фанни, и Ваше решительное «нет» не разобьет мои робкие надежды, в середине мая Генри намеревается привезти меня в Мэнсфилд и устроить там. Не стану отрицать, он, подобно мне, страстно желает вновь увидеть милые сердцу картины былого счастья, увы, безвозвратно потерянного.

Ваш давний любящий друг, Мэри Крофорд.

P.S. Я называю себя так, потому что фамилия «Ормистон» мне ненавистна, и слышать ее для меня смертная мука. Я предпочитаю прежнее обращение и более всего люблю тех, кто адресуется ко мне «М.К.».

Легко можно вообразить смятение и изумление Сьюзен, читавшей приведенные выше

строки. Письмо Мэри было не из тех, которые достаточно бегло пробежать взглядом. Едва дойдя до последних слов, Сьюзен с жадным вниманием принялась перечитывать послание вновь. «Ах, бедняжка!» — было ее первой мыслью. Какое горькое разочарование, ведь мисс Крофорд жаждала увидеть Фанни с Эдмундом после многолетней разлуки, уверяя, что одна лишь их дружба, их благодатное, возвышающее душу влияние способны исцелить ее от тяжкого недуга; но несчастная не ведала, что те, к кому она взывает, находятся в пяти тысячах миль от Нортгемптоншира и не возвратятся в Мэнсфилд еще долгие месяцы.

«Я должна незамедлительно написать мисс Крофорд, вернее, леди Ормистон, — решила Сьюзен в порыве сострадания. — Надобно как можно скорее предупредить бедную женщину, что ее мечтам не суждено сбыться. Несомненно, эта новость станет для нее жестоким ударом. Похоже, дело не терпит отлагательства — строки письма дышат неподдельным волнением, будто речь идет о жизни и смерти. Остается лишь уповать, что крушение надежд не нанесет серьезного урона здоровью мисс Крофорд».

Взглянув на дату в начале послания, Сьюзен обнаружила, что письмо, по всей видимости, шло несколько дней и еще день-два пролежало в пасторате, прежде чем попасть к ней. «Почти наверняка отменять приготовления к отъезду леди Ормистон уже поздно», — пронеслось у нее в голове. Сьюзен вдруг вспомнилось, как на днях Том с удовольствием отмечал, что Уайт-Хаус удалось наконец сдать внаем; мистер Клейпол, его поверенный, нашел подходящих жильцов. Слуги уже прибыли, и коттедж готов был открыть свои двери новым обитателям.

Размышления Сьюзен прервал голос миссис Осборн, собравшейся уходить:

— Боюсь, мисс Прайс, я вконец утомила вашу тетушку своей нескончаемой болтовней, но мы так мило беседовали, что я совершенно забыла о времени. Мне надобно бежать, спасти мистера Бертрама от моего брата, который буквально помешан на бильярде и останется здесь навсегда, если не увести его силой. Леди Бертрам, позвольте пожелать вам доброго дня; надеюсь, я буду иметь удовольствие показать вам тот стежок «елочкой», когда уговорю братца привести меня сюда снова.

Сьюзен проводила гостью вниз и по пути тепло поблагодарила за приятное развлечение, доставленное тетушке.

— Ее жизнь столь тиха и уединенна, что временами тетя впадает в апатию и безразличие, но я уверена, небольшое умственное напряжение, необходимое для того, чтобы слушать ваши захватывающие рассказы, сударыня, пойдет ей только на пользу.

Миссис Осборн от души рассмеялась тому, что беседа с ней якобы требует умственного напряжения.

— Если от моей болтовни есть хоть какой-то прок, мисс Прайс, я не прочь развлекать вашу тетушку своими байками всякий раз, когда ей только вздумается. Я готова до скончания века рассказывать о Гибралтарском проливе, о просторах Северного моря, о Бермудах и о Багамах; для меня одно удовольствие вспоминать те славные деньки.

При этих словах миссис Осборн мечтательно вздохнула, живое, добродушное лицо ее озарилось нежной, радостной улыбкой, и Сьюзен невольно замерла, пораженная разительным контрастом между счастливой, полнокровной жизнью, мельчайшие события которой с легкостью слагаются в истории занимательные, приятные или поучительные, и злосчастной судьбой приятельницы Фанни, Мэри Крофорд, живущей одними лишь воспоминаниями о нескольких летних месяцах в Мэнсфилде и проведенной долгие годы в занятиях пустых, бесплодных, а быть может, и пагубных.

Сьюзен отчаянно хотелось пересказать миссис Осборн содержание письма несчастной мисс Крофорд и спросить совета: успев по достоинству оценить здравомыслие, рассудительность и прозорливость своего нового друга, она с радостью прислушалась бы к ее суждению. Однако после короткого раздумья она заключила, что не вправе поверять секреты мисс Крофорд человеку постороннему. Мэри надлежало решить самой, как лучше всего поступить.

Миссис Осборн не без труда увела брата из бильярдной, где мужчины после короткой игры (длинная партия оказалась не по силам мистеру Уодему) принялись разглядывать географические карты, беседуя об истории античной культуры. Пастор, блестящий латинист, страстный ученый, исследователь древностей, с увлечением расспрашивал Тома, можно ли найти следы древних римских поселений на землях Мэнсфилда.

— Я как раз говорил вашему кузену, мисс Прайс, — оживленно воскликнул он, — что, вполне вероятно, проложенная римлянами дорога, ветвь Уотлингской [\[2\]](#), проходила некогда по его владениям! Она тянулась от Ратэ, нынешнего Лестера, как вам, разумеется, известно, до Веруламия, называемого теперь Сент-Олбансом. Я почти уверен, если провести раскопки здесь, — мистер Уодем указал пальцем место на карте, — или здесь, немного дальше к востоку, то удастся отыскать остатки римской почтовой станции или усадьбы.

Том, как отметила Сьюзен, был совершенно очарован предположением, будто на его угодьях можно совершить столь волнующее открытие, и мужчины расстались, весьма довольные друг другом. Они сердечно попрощались, и брат с сестрой направились через парк к себе в пасторат.

После нескольких часов мучительных раздумий Сьюзен решилась наконец ответить на письмо Мэри Крофорд. Немалое затруднение заключалось в том, что, хотя мисс Крофорд, или леди Ормистон, быть может, вовсе не догадывалась о существовании такой особы, как Сьюзен Прайс, эта самая Сьюзен Прайс превосходно знала историю жизни Мэри Крофорд.

Сколько раз, занимаясь вдвоем с сестрой рукоделием в гостиной Мэнсфилда, срезая розы в саду или прогуливая мопса по парковым дорожкам, рассказывала ей Фанни о прежних временах, о памятном лете, когда Крофорды впервые появились в Мэнсфилдском пасторате, о том, как эти обворожительные, любезные, щедро одаренные природой молодые люди, потакая своим суетным прихотям, внесли разлад и сумятицу в безмятежную жизнь семьи Бертрам, разрушив мир и спокойствие Мэнсфилд-Парка.

Генри и Мэри Крофорд приходились братом и сестрой миссис Грант, жене священника, занимавшего в те дни пасторат. Живые, деятельные, наделенные яркими талантами и неотразимым обаянием, неизменно готовые доставлять удовольствие и получать его, они привыкли к блестящему лондонскому обществу, но нисколько, впрочем, не чуждались и радостей деревенского уединения. Однако за их милым очарованием, секретом которого была лишь естественная непринужденность и обходительность, таилось расчетливое честолюбие и непомерное тщеславие. Натуры неглубокие, лишённые нравственного чувства, они сызмальства были испорчены губительным влиянием воспитавшего их дядюшки, человека грубого и распутного, известного дурными связями. Мисс Крофорд, располагая двадцатью тысячами фунтов, рассчитывала найти себе богатого мужа, а ее брат Генри, обладатель солидного состояния, вел бездумную, праздную жизнь светского вертопраха. Эгоистичный, легковесный и непостоянный, он не питал сердечной привязанности ни к кому, кроме одной лишь сестры, и обожал покорять сердца молодых женщин обворожительными улыбками, живыми речами и ласковым обхождением. Обе сестры Бертрам, Мария и Джулия, поддались его чарам и позднее, поняв, что он вовсе не намеревался связывать себя узами брака ни с одной из них, исполненные разочарования и гнева, безрассудно бросились искать утешения в скором замужестве.

Но неожиданно случилось нечто удивительное: холодный, бессердечный Генри Крофорд полюбил глубоко и искренне, полюбил страстно, со всем пылом молодости, скромную и незаметную кузину сестер Бертрам, Фанни, далеко уступавшую признанным красавицам Марии и Джулии и в красоте, и в талантах, и в утонченности воспитания, и в изысканности манер. Трудно сказать, как такое могло произойти, но только завзятый сердцеед, неприступный Генри Крофорд, неуязвимый для стрел любви, совершенно потерял голову и отчаянно умолял Фанни Прайс стать его женой.

«Отчего же ты отказала ему, сестра?» — неизменно спрашивала Сьюзен на этом месте рассказа. И вправду, если не считать присущего ему легкомыслия и ветрености, с которой он играл чувствами сестер Бертрам (этот проступок Сьюзен судила и вполнину не столь сурово, как сестра, ибо, не питая любви к Джулии Бертрам, готова была с легкостью простить другому презрение к этой особе), Генри Крофорд даже такой, каким изображала его Фанни, строго его осуждавшая, был щедро одарен множеством неоспоримых достоинств. Едва ли его можно было назвать красавцем, но природное обаяние, учтивость и безукоризненные манеры обеспечивали ему успех в любом окружении; он умел говорить

занимательно о всяком предмете, был хорошо образован, обладал несомненным актерским даром, превосходно пел и декламировал; искусный и храбрый наездник, умелый и рачительный хозяин в своем поместье, он отличался редким добросердечием и, желая услужить другому, готов был приложить все старания и усердие.

«Так почему же ты не пошла за него, сестрица?» — повторяла, бывало, Сьюзен, и Фанни всякий раз отвечала: «Надобно ли спрашивать? Да обладай он всеми мыслимыми совершенствами, возвышенной душой и добрым нравом, вдобавок к похвальным его качествам, я отказала бы ему, потому что еще ребенком отдала свое сердце кузену Эдмунду. А потом, ты знаешь сама, разразился скандал из-за Марии, который невозвратно разобщил наши семьи, сделав нас далекими, чуждыми друг другу. Бедный Эдмунд! Как он был подавлен, как сокрушен в те дни, а причиной тому — его привязанность к Мэри».

В этом заключалось еще одно пренеприятное затруднение. Мэри Крофорд, сестра, создание еще более очаровательное, нежели ее брат, ибо она была лишена того суетного, тщеславного пристрастия пленять сердца, что развратило нрав молодого Генри, обратила свой взор на Эдмунда Бертрама и готова была, невзирая на честолюбивые мечты о выгодном замужестве, благосклонно принять его ухаживания, хотя тот был всего лишь младшим братом будущего баронета. Эдмунд же, к молчаливому отчаянию Фанни, одно время воображал себя влюбленным в прелестную и обаятельную лондонскую красавицу.

«Она восхитительно играла на арфе, Сьюзен, а ее речи всегда были так забавны и занимательны... хотя, на мой взгляд, временами шутки ее граничили с непристойностью. Мэри не упускала случая посмеяться над духовенством; подобное легкомыслие больно ранило бедняжку Эдмунда. Думаю, главным препятствием к браку с Эдмундом послужило то обстоятельство, что ему предстояло принять сан и унаследовать всего лишь долю младшего брата. Однако же, полагаю, она его любила, насколько позволяла ее легковесная натура; уверена, в конце концов она решилась бы на союз с ним, если бы не несчастье с Марией».

Мария Бертрам, ставшая женой человека богатого, но совершенно ничтожного, вновь повстречала Генри Крофорда в Лондоне и, глубоко уязвленная небрежением, с которым тот играл ее чувствами, а затем бросил, приняла его холодно, с презрением. Почувствовав, что тщеславие его задето, Крофорд попытался вновь завоевать расположение Марии, и прежде чем успел осознать, какую навлекает на себя опасность, страстно влюбленная женщина оставила постылого супруга и бежала к нему.

«Боже милостивый! — ужаснулась своим мыслям Сьюзен. — И этакий распутник, этакий растлитель чужих жен вновь водворится в Мэнсфилде и будет принят здесь как гость! О нет! Том никогда этого не допустит».

Тут Сьюзен пришло в голову, что, возможно, ее долг — уведомить кузена, кто эти новые люди, которых он, сам того не ведая, приютил в Уайт-Хаусе.

Том единственный из братьев и сестер Бертрам не стал жертвой рокового очарования Крофордов. Благодаря прозорливости или недостатку чувствительности или же, быть может, частые отлучки его из Мэнсфилда послужили тому причиной, но Тому удалось избежать всеобщего увлечения молодой парой; изнурительная лихорадка уложила его в постель незадолго до того, как распался брак Марии, и волей случая сознание той разрушительной роли, которую сыграли злополучные брат с сестрой в бесчестье семьи Бертрам, не нанесло ему жестокого удара. Фамилия Крофорд, упомянутая его поверенным, не заставила его насторожиться.

Да, Тома, несомненно, следовало поставить в известность о том, кто такие Крофорды, и сделать это надлежало Сьюзен. Однако еще более она чувствовала себя обязанной ответить несчастной, немощной Мэри, писавшей Фанни столь страстно, с трогательной привязанностью и доверием. Быть может, именно в эту минуту, не получив отказа, который, как она заверяла, удержал бы ее от осуществления заветнейшей мечты, бедняжка была уже на пути в Мэнсфилд, полная надежд на скорую встречу с друзьями. Не в силах долее терпеть неизвестность, Сьюзен позвала дворецкого.

— Баддели, вы, случаем, не знаете, новые арендаторы мистера Тома уже прибыли в Уайт-Хаус?

Она не сомневалась, что в такой маленькой деревушке, как Мэнсфилд, подобные новости разносятся в мгновение ока, переходя из уст в уста, так что к вечеру все в округе будут знать о приезде Крофордов; хозяева усадьбы, разумеется, услышат новости последними, но прислуга, по-видимому, уже осведомлена. Так оно и оказалось.

— Да, мисс, они приехали в коляске из Нортгемптона. Я слышал, леди выглядела скверно, сказать по правде, она больна, совсем больна; горничная сразу уложила ее в постель. И тотчас послали за доктором Фелтемом. Это те самые господа, мисс, что были здесь, кажется, назад тому лет пять или шесть, еще до того как вы приехали в Мэнсфилд, пасторский дом занимал тогда старый доктор Грант; помню, в то лето молодому мистеру Тому вздумалось актерствовать, и он приказал выстроить театр в кабинете хозяина. Господи, ну и шуму было, доложу я вам, когда хозяин — старый хозяин — воротился домой и увидел у себя в кабинете сцену да занавес в пятьдесят ярдов сукна. Да, леди и джентльмен из Уайт-Хауса, верно, те самые; они были дружны с мисс Марией, мисс Джулией и мистером Эдмундом, все вместе играли в театре да пели, бывало. Редкая красавица была эта мисс Крофорд. Но, сказывают, теперь она уже не та, что прежде. Джентльмен, тот несколько не переменялся. А леди, говорят, страх как подурнела.

— Благодарю вас, Баддели, — сказала Сьюзен и, как только дворецкий удалился, села писать письмо.

«Милостивая госпожа», — начала было она, но, зачеркнув написанное, вывела.

«Дорогая мисс Крофорд!

Я только что получила Ваше письмо, адресованное моей сестре Фанни, и спешу сообщить Вам печальную весть, что сестра моя и зять теперь в отъезде. Дела, связанные с недавней кончиной моего дядюшки, сэра Томаса Бертрама, вынудили их отправиться в Вест-Индию. Я осмелилась вскрыть Ваше послание, поскольку сестра просила меня отвечать на все письма и сообщать о ее отъезде и о настоящем местопребывании. Я, конечно же, перешлю ей Ваше письмо с ближайшим почтовым судном, но, боюсь, пройдет не меньше четырех месяцев, прежде чем Вы получите ответ. Фанни с мистером Бертрамом едва ли вернутся в Мэнсфилд раньше сентября.

Поверьте, мне искренне жаль, что невольно приходится передавать новость, которая неизбежно доставит Вам горечь и разочарование.

Понимаю, здоровье Ваше расстроено и, верно, не позволяет принимать посетителей, поэтому я не решилась бы беспокоить Вас своим приходом, пока Вы не дадите мне знать, что подобный визит уместен; однако я с радостью сделаю все возможное, чтобы хоть как-то смягчить огорчение, причиненное Вам отсутствием моей сестры. Пожалуйста, сообщите, могу ли я быть Вам полезна.

Отослав письмо со слугой, она отправилась на поиски кузена, но обнаружилось, что Том два часа как уехал в Торнтон-Лейси — маленькую деревеньку в некотором отдалении от Мэнсфилда, где у него имелись дом и изрядный участок земли. Там он намеревался задержаться на день-другой, а то и пробыть дольше. Подобные внезапные, неожиданные отлучки были у Тома в обычае — едва почувствовав, что тишина и сонная неподвижность Мэнсфилда, противные его беспокойной натуре, ему прискучили, приелись, он незамедлительно покидал усадьбу. Теперь Сьюзен оставалось лишь ждать его возвращения.

Однако не думать о приезде Крофордов было свыше ее сил, и во время обычной вечерней партии в криббидж с леди Бертрам, машинально записывая выигрыши и проигрыши или сдавая карты тетушке и себе, она то и дело возвращалась мыслями к новым обитателям Уайт-Хауса.

Какую печальную перемену нашла, должно быть, несчастная женщина в том милом сердцу заветном уголке, который с упоением вспоминала: многих из прежних своих знакомых она теперь не застала здесь; ее сестра и зять покинули пасторат, без Фанни, Эдмунда, сэра Томаса, Марии и миссис Норрис Мэнсфилд опустел. Сьюзен, страстной почитательнице Шекспира, невольно пришла на память строка: «На хорах, где умолк веселый свист»^[3].

Совсем иным, куда более оживленным, был, наверное, Мэнсфилд в те далекие дни. Теперь здесь осталась лишь леди Бертрам, которую едва ли можно было счесть приятной собеседницей: вялая и безучастная ко всему даже в дни своей молодости, с годами она еще глубже погрузилась в ленивую, бессмысленную праздность; что же до Джулии, особы капризной, мелочно придирчивой, вздорной и вечно ворчащей, — ее визиты в Мэнсфилд никому не приносили радости. Разумеется, был еще и Том, однако вряд ли мисс Крофорд пожелала бы проводить время в его обществе теперь, после того как некогда предпочла ему младшего из братьев Бертрам, чье положение и виды на будущее были куда скромнее; вдобавок Сьюзен не могла представить себе беспечного, громогласного, лишенного душевной чуткости Тома в комнате больной.

«Чем же занять себя бедняжке мисс Крофорд?» — задумалась было Сьюзен и тотчас с облегчением вспомнила о миссис Осборн. У этой милой дамы довольно сердечности и доброты, чтобы окружить больную вниманием и заботой, надо ли сомневаться, что она великодушно посвятит время искренним, душевным беседам с новой соседкой.

Вдобавок вместе с сестрой в Уайт-Хаусе поселился и Генри Крофорд, черты характера которого невольно стали предметом размышлений Сьюзен. Что он за человек, если, с небрежностью и равнодушием играя чувствами сестер Бертрам, вдруг отчаянно и страстно полюбил тихую, кроткую Фанни? Кто он, жестокий соблазнитель, погубивший блестящую красавицу Марию Бертрам, но так и оставшийся холостяком, долгие годы храня верность ее нежной кузине?

Крофорд, несомненно, был преданным братом, что говорило в его пользу; с трогательной заботой оставался он у постели больной сестры, заклиная ее не умирать; это весьма красноречиво свидетельствовало о том, что человек он не вовсе пропащий, сердце его не очерствело, искренняя привязанность ему не чужда. Сьюзен откровенно призналась себе, что ее разбирает любопытство, ей хотелось взглянуть на нового соседа; однако подобный

интерес мог показаться предосудительным. Она хорошо понимала: мистера Крофорда ни за что не пригласят в Мэнсфилд, в доме сэра Бертрама не примут того, кто стал причиной бесчестья Марии. И тем не менее ее все более занимал вопрос, каков этот загадочный мистер Крофорд.

Сьюзен вдруг пришло на ум, что она уже встречала Генри Крофорда, давным-давно, когда тот настойчиво ухаживал за ее сестрицей. Фанни, с десяти лет воспитывавшаяся в Мэнсфилд-Парке вместе с кузенами, восемнадцатилетней девушкой приехала на несколько месяцев в Портсмут навестить своих родных. Мистер Крофорд, не в силах вынести столь долгую с ней разлуку, прибыл в Портсмут и остановился в «Короне»; он явился в дом Прайсов, а вслед за тем вместе с отцом семейства сопровождал Фанни и Сьюзен, которой исполнилось тогда четырнадцать лет, на прогулку по верфи; в воскресенье же провел с Прайсами все утро, посетив службу в церкви, а позднее гуляя по крепостному валу, — миссис Прайс взяла за правило совершать подобный променад после воскресного богослужения в погожие дни.

Поискав в памяти, Сьюзен начала припоминать внешний облик мистера Крофорда и впечатление, которое он на нее произвел: черноволосый, определенно не красавец, но хорошо сложен, приятные манеры, живое, выразительное лицо и весьма любезное обхождение. Он всеми силами старался понравиться даже четырнадцатилетней Сьюзен, ничем не показывая, что хотел бы избавиться от нее, оставшись в обществе Фанни, как поступил бы воздыхатель более грубый, лишенный тонкости и вкуса.

После долгого размышления Сьюзен заключила, что мистер Крофорд, должно быть, человек интересный; пусть нрав его и небезупречен, но, возможно, достоинства, которыми он щедро наделен, отчасти искупают сей недостаток, а потому он, несомненно, заслуживает снисхождения. В конце концов, прошли годы с того злополучного лета, когда молодой Крофорд столь безрассудно увивался за сестрами Бертрам, и с тех пор он вел жизнь умеренную, тихую и простую в своем поместье в Норфолке. (Заглянув в географический справочник в библиотеке, Сьюзен узнала, что Эверингем расположен вдали от других городков, на морском побережье, за Кингс-Линном.) Наверное, теперь он остепенился, оставил прежнее свое легкомыслие, поборол склонность к волокитству и лести, сделался человеком более основательным, достойным уважения. Мистеру Крофорду, несомненно, предстоит пережить горькое разочарование — прибыв в Мэнсфилд, вдруг обнаружить, что те, к кому питал он сердечную склонность, отправились в продолжительное путешествие; однако ж если поразмыслить, то это вовсе не плохо. Встретить вновь женщину, которую любил и которая предпочла другого, увидеть своего счастливого соперника — что может быть горше, досаднее? Пожалуй, не застав в Мэнсфилде мистера Бертрама с супругой, Крофорд почувствует облегчение. Возможно даже, он страшился этой встречи.

Тут Сьюзен похвалила в душе столь доброго брата, который, желая доставить утешение сестре и, верно, предвкушая жестокую боль, решился предстать перед обществом, где, всего вероятнее, его ожидало холодное отчуждение.

Конечно, было бы нелепостью полагать, будто Сьюзен намеревалась искать встречи с мистером Крофордом; однако она решила для себя, что не станет всеми силами избегать его общества; нет, разумеется, не станет. Признаться, ей весьма любопытно было поглядеть на мужчину, который некогда любил ее сестрицу так глубоко, так отчаянно, что предпочел женитьбе одинокую жизнь холостяка. Для Сьюзен, нежно привязанной к душеньке Фанни, подобная преданность служила наилучшей рекомендацией; она уже склонна была отнестись

к мистеру Крофорду сочувственно, с теплым сестринским участием.

Находясь в подобном расположении духа, Сьюзен, разумеется, почувствовала немалую досаду, узнав на следующее утро от Баддели, что молодой джентльмен, чья сестра поселилась в Уайт-Хаусе, почти тотчас уехал.

Однако немного времени спустя, тем же утром, пришла записка от мисс Крофорд; несколько строк, начертанных наскоро, дрожащей рукой, со всей очевидностью свидетельствовали о немощи писавшей, но были проникнуты искренней благодарностью и теплой приязнью; Мэри выражала горячее желание встретиться с сестрой своей дорогой подруги.

«Благословенный воздух этих мест уже пошел мне на пользу! Уверена, в самом скором времени, возможно, через день или два, я смогу покинуть свою спальню и сойти вниз; тогда я буду с нетерпением ждать встречи с Вами, мне страстно хочется услышать все, что Вы поведаете мне о Вашей милой, милой сестре. Братец мой, которого, увы, заставили уехать неотложные дела, просил напомнить Вам о нем; он говорит, что хранит в памяти чудесную прогулку по крепостному валу в Саутси, случившуюся много лет назад, когда Вы были еще очаровательным ребенком.

Ваша и пр.».

«Ах, ну что за прелесть!» — подумала Сьюзен, и ее сердце возликовало. Помогая леди Бертрам отвечать на письма с соболезнованиями, которые теперь уже реже, но все-таки продолжали приходиться, когда кто-нибудь из дальних знакомых узнавал о кончине сэра Томаса, Сьюзен иной раз улучала минутку, чтобы порадоваться записке от Мэри Крофорд. Особое удовольствие ей доставляла мысль, что ее помнят, вспоминают с приятностью, и кто — человек, который до сего дня был для нее лишь пустым именем, а теперь стал предметом самого живого интереса. В последнее время Сьюзен часто думала о нем. Сказать по правде, эти мысли преследовали ее неотступно.

Писание писем было прервано появлением мистера Уодема, который зашел, чтобы оставить мистеру Бертраму заметки о римских раскопках; узнав, что Том в отъезде, он хотел было откланяться, но, поддавшись на уговоры Сьюзен, остался и представился леди Бертрам. Тихий голос и любезное обхождение нового пастора произвели благоприятное впечатление на почтенную даму; она благосклонно выслушала рассказы преподобного Уодема о мэнсфилдских прихожанах, временами в присущей ей сонной манере отвечая на его расспросы о местных семьях: «Неужто?.. Так вот он каков!.. В самом деле?.. Она так и сделала?.. Я понятия об этом не имела... Нипочем бы не отличила одного из их детишек от другого... Уверена, он милейший человек... А я там не бывала... Вот и славно... Прошу, поступайте, как вы найдете лучшим, мистер Уодем... Подобные вопросы я всегда оставляла на усмотрение сэра Томаса или моего сына Эдмунда».

Мистер Уодем, по всей вероятности, покинул усадьбу, зная о жителях деревни не более, чем прежде, однако снабженный щедрым пожертвованием в пользу бедных от леди Бертрам, а также и дозволением поступать по своему разумению, утешая страждущих и наказывая грешников, буде таковые найдутся в благословенном Мэнсфилдском приходе; притом достойная дама предоставила пастору полную свободу действий. По завершении визита настоятеля леди Бертрам объявила, что отправится отдыхать раньше обычного, ибо после беседы хотя и приятной, но потребовавшей изрядного напряжения сил, она чувствует

некоторую вялость и тяжесть; сие обстоятельство позволило Сьюзен принять приглашение мистера Уодема прокатиться по парку в его коляске. Пастор рассказал, что намеревается объехать отдаленные уголки прихода, дабы навестить живущих там фермеров, однако с удовольствием отвезет Сьюзен в пасторат, ибо его сестрица будет несказанно рада видеть мисс Прайс. Предложение это как нельзя лучше отвечало желанию самой Сьюзен, которой не терпелось рассказать миссис Осборн о несчастной больной в Уайт-Хаусе и попросить совета, а также и помощи, чтобы облегчить страдания одинокой бедняжки.

Прибыв в пасторат, Сьюзен обнаружила, что с новостями немного запоздала: ее успел опередить мальчишка, подручный мясника, сообщивший кухарке о несчастной больной леди из Уайт-Хауса, всю пищу которой составляет мясной бульон да жидкая овсянка. Миссис Осборн уже сама подумывала, не пойти ли незамедлительно к приезжей даме и предложить помощь; она с превеликим интересом выслушала все, что рассказала ей Сьюзен о леди Ормистон, или мисс Крофорд.

Фамилия Крофорд привела добрую женщину в необычайное волнение.

— Вы, кажется, упомянули, дорогая, что эту леди привез сюда ее брат?

— Да, сударыня, мистер Генри Крофорд. Он проводил сестру и почти тотчас снова уехал.

— Генри Крофорд! Боже милостивый! Ну да, конечно, должно быть, он самый. Весьма любопытно. Генри Крофорд... Боюсь, его бесстыдно оклеветали.

— Дорогая миссис Осборн, что вы такое говорите?

Почтенная вдова в нерешительности посмотрела на Сьюзен.

— Пожалуй, история эта не для ваших ушей, милочка, вы ведь еще так молоды. Однако поскольку, весьма вероятно, вам вскоре предстоит встретиться с мисс Крофорд, вдобавок дело некоторым образом касается и вашей сестрицы Фанни, наверное, будет лучше, если я все вам расскажу, для того хотя бы, чтобы очистить доброе имя несчастного джентльмена, незаслуженно очерненное, что, насколько мне известно, он снес безропотно, не обронив ни слова жалобы.

Это объяснение до того распалило любопытство Сьюзен, что она застыла в изумлении, глядя на миссис Осборн во все глаза.

— Эту историю мне рассказала миссис Норрис, еще до того как силы ее вконец иссякли, — продолжала между тем сестра пастора. — Бедняжка, бывало, часами говорила о своей любимой племяннице, припоминая все перипетии ее злосчастной судьбы. Естественно, миссис Норрис боготворила Марию, считая, что с ней обошлись незаслуженно жестоко. А племянница, как видно, была не на шутку увлечена этим Генри Крофордом; однако ж она решилась на совершеннейшее безрассудство, стала женой другого мужчины, куда более состоятельного, не питая к супругу ни приязни, ни уважения. Казалось, мистер Крофорд не разделяет чувств Марии, и все же она, верно, надеялась на взаимность, ибо, истощив терпение, измученная разочарованием, оставила наконец дом мужа и обратилась к нему. Но мистер Крофорд, по словам миссис Норрис, решительно отверг Марию, сказав прямо, что никогда ее не любил, что любит другую; одним словом, он прогнал ее от своих дверей.

— Боже праведный! Сударыня, вы уверены, что это правда?

— Совершенно уверена, ибо миссис Норрис, желая защитить племянницу от обвинений в адюльтере, показала мне переписку — умоляющее письмо Марии к Крофорду, в котором та заклинала его смягчиться, и суровый ответ — непреклонный отказ; вложив в конверт

послание Марии, Крофорд просил ее впредь не искать с ним встреч и не писать ему.

— Так куда же она пошла? Где нашла пристанище?

— Она осталась с сестрой. Миссис Норрис поведала мне, что в то время как старшая сестра столь опрометчиво покинула супружеский кров, младшая, гостившая у друзей в Лондоне, бежала с мужчиной, за которого впоследствии вышла замуж.

— Что? — воскликнула Сьюзен, глубоко потрясенная неслыханной новостью. Бежала? Джулия Йейтс, эта степенная, благовоспитанная (по крайней мере по собственному ее разумению) особа, образец достоинства, похвальной бережливости и непогрешимого добронравия, оказалась способна на подобное немыслимое безрассудство! Ну можно ли такому поверить?!

— О, полагаю, все свершилось так скоро, что история эта не получила огласки; молодая пара отправилась в Гретна-Грин, где сочеталась браком, а вслед за тем отца мисс Джулии уговорили простить и принять согрешившую дочь. Мария оставалась с сестрой и сопровождала ее до самого Стамфорда, все еще надеясь, что Крофорд, возможно, переменит решение. Когда же тот не передумал, терзаемая яростью и отчаянием, она решила отомстить. Понимая, что доброе имя ее безвозвратно погублено, Мария постаралась очернить и Крофорда, лишив его всякой надежды жениться на той, кого он искренне любил. Она написала отцу, будто находится теперь под покровительством этого джентльмена, дав понять, что именно его следует винить в ее разрыве с супругом.

— Возможно, — с сомнением отозвалась Сьюзен, — он был в некоторой степени виновен в злосчастье Марии; во всяком случае, так всегда говорила мне сестра. По словам Фанни, мистер Крофорд был ужасным ветреником.

— Наверное, вина лежит на них обоих; так обычно случается, когда молодые люди ведут себя безрассудно, позволяя чувствам взять верх над благоразумием. Осмелюсь сказать, сей джентльмен внушал Марии опасные надежды, вовсе не имея серьезных намерений. Однако она сама совершила грех еще более тяжкий, став женой мужчины, которого не любила, прельстившись его деньгами и положением.

— Что ж, бедняжка была жестоко наказана за опрометчивый брак. Ах, Боже мой, но если верно, что Мария не бежала с мистером Крофордом и, уйдя от мужа, оставалась одна, отчего же она предпочла жить в бесчестье, опозоренная, отринутая всеми? Почему не возвратилась в отцовский дом? Мне кажется, она лишь напрасно навлекла на себя проклятие.

— Гордость, мисс Прайс, гордость и гнев побудили ее упрямо стоять на своем, распуская лживые слухи. Она хотела заставить Крофорда страдать; мужчина, которого она желала, отверг ее, и ей невыносима была мысль, что о ее унижении все узнают. Вдобавок однажды в запальчивости она призналась мне, что стерпела бы муку еще горшую, только бы не возвращаться в Мэнсфилд «к поучениям сэра Томаса, к проповедям Эдмунда и к презрению соседей, прежде ее превозносивших». Жизнь, пусть даже уединенная, в затворничестве, с тетушкой, которая души в ней не чаяла, представлялась Марии куда более приятной. «По крайней мере здесь я сама себе хозяйка и могу поступать, как мне вздумается, не отдавая никому отчета», — бывало, говорила она. Мне больно думать, что Мария просто ждала смерти тетушки, но подобные подозрения невольно закрадываются в душу. Натура порывистая, пылкая, решительная, она не из тех, кто прислушивается к мудрым советам. Ее нисколько не заботило, что, притворяясь хуже, испорченнее, чем была на самом деле, она причиняла боль своему отцу, заставляя его жестоко страдать. «Сэр Томас убежден, будто я

погрязла в пороке; что ж, не стану его разuverять, — заявила она. — Я заполучила бы Крофорда, если бы смогла; так что отец мой прав совершенно. Я согрешила, пусть не делом, но помыслами. И теперь мне все равно, что обо мне думают!»

Ошеломленная, подавленная открывшимися ей свидетельствами разрушительной страсти, мятежной любви и обманутых надежд, Сьюзен притихла, обдумывая услышанное.

— Выходит, бедный мистер Крофорд все эти годы незаслуженно сносил тяжкие обиды — его называли злодеем, соблазнителем, а он ни в чем не повинен? Удивительно, что он не сделал попытки очистить свое имя от наветов.

— Возможно, подобно Марии, он был равнодушен к людской молве; потеряв женщину, которую любил, он не пожелал оправдывать себя во мнении света, более не имевшем над ним власти.

И снова Сьюзен задумалась над судьбой мистера Крофорда: так и не женившись, он жил в своем имении в Норфолке, постреливая дичь, радея о благополучии арендаторов и бережно храня память о Фанни.

— Ну же, дитя мое, — с улыбкой проговорила миссис Осборн, — вы погрустнели, вид у вас хмурый, даже суровый, и немудрено! История эта весьма назидательна. Не вступайте в брак из тщеславия и корысти, не давайте увлечь себя молодому вертопраху и не пытайтесь отомстить, очерняя имя другого.

— О, я вовсе не намерена поступать так, — улыбнулась Сьюзен в ответ. — К счастью для меня, в Мэнсфилде я избавлена от подобных соблазнов. Здесь нет ни молодых вертопрахов, ни состоятельных поклонников, которые добивались бы моей благосклонности, и пока что ни единого недруга, кому я пожелала бы отомстить. — Немного помолчав, Сьюзен задумчиво прибавила: — Интересно, что теперь станет делать кузина Мария в Лондоне?

— О, вполне возможно, ей предстоит разделить судьбу многих других, чей первый опыт жизни семейной оказался неудачным, — она сделает новую попытку и, быть может, на сей раз, обладая житейской умудренностью и питая разумные надежды, достигнет большего успеха. Брат мой Фрэнк разбранил бы меня, услышав этакие речи, но, истинная правда, нередко второе супружество, когда обе стороны уже в благоразумных летах и пылкость юности сменилась спокойной рассудительностью, имеет более прочную основу и оказывается счастливее, нежели союз, заключенный в восторженном ослеплении первой любви.

— А вы сами, сударыня, — осмелилась спросить Сьюзен, — не помышляете ли о новом замужестве?

Миссис Осборн от души рассмеялась.

— Ах, — покачала она головой, — ловко же вы меня поймали! Нет, моя дорогая, это невозможно! Судьба благоволила мне, я нашла совершеннейшее счастье в одном из тех безрассудных скоропалительных браков, которые только что осуждала; между первым нашим знакомством и свадебной церемонией прошло дней десять, а может, и неделя, теперь уж не припомню; я нипочем не решилась бы вновь на подобное сумасбродство. Однако, Боже милостивый, церковные часы бьют полдень. Мы с вами проболтали все утро.

Последующие несколько дней выдались погожими. Леди Бертрам проводила время на террасе, отдыхая в тени и лениво раздавая указания садовникам, пока Сьюзен срезала цветы для гостиной, а малышка Мэри играла с куклами, рассаживая их на камнях садовой дорожки

и укрывая одеяльцами из листьев.

Эту мирную картину и застал Том, возвратившийся верхом из Торнтон-Лейси с видом суровым и хмурым, выдававшим дурное расположение духа; в ту же минуту коляска Джулии Йейтс подкатила к дверям, из нее выбралась сама Джулия, а следом — ее золовка и дети.

Появление мисс Шарлотты Йейтс всегда несколько омрачало обычную веселость Сьюзен. Эта молодая особа в совершенстве владела искусством осаживать наглецов, к которым причисляла всякого, стоявшего ниже ее по положению и не выказывавшего должного раболепия; младшая дочь графа, она, естественно, почитала себя ровней самым значительным персонам королевства, сознавая свое несомненное превосходство над остальными. Некая Сьюзен Прайс из ничтожного портсмутского семейства, чей отец был всего лишь морским офицером, жалким лейтенантом, а дед так и вовсе невесть кем, разумеется, не заслуживала внимания мисс Йейтс. Если Сьюзен случалось попасться на глаза Шарлотте, та незамедлительно отводила взгляд; а когда мисс Прайс почему-либо обращалась к ней, мисс Йейтс слегка вздрагивала, будто мысли ее витали далеко, в заоблачных высях, и изображала легкое удивление: «О, вы что-то сказали, мисс Прайс? Боюсь, я не расслышала...»

Джулия одна, без золовки, бывала вздорной, назойливой, бесцеремонной и придирчивой, но все же внимающей доводам рассудка. Однако, будучи рядом с мисс Йейтс, она старалась подражать ей во всем, копируя ее речь и манеры, а также нарочито не замечая Сьюзен или (если этого никак не удавалось избежать) обращаясь с ней высокомерно и презрительно, будто само существование подобного убожества повергает ее в недоумение.

Леди Бертрам, конечно же, ничего не замечала и была весьма расположена к мисс Йейтс, жалуясь лишь на то, что та слишком быстро говорит, а голос у нее чересчур тихий, некоторые замечания вовсе невозможно расслышать.

Сьюзен сносила дурные манеры своей кузины и ее золовки с присущей ей кротостью и философским равнодушием; предавалась в их присутствии обычным своим занятиям, отвечала, когда к ней обращались, что случалось довольно редко, и вообще старалась говорить как можно меньше, держась незаметно и не привлекая к себе внимания.

Однако на сей раз политика эта, против обыкновения, не принесла желанных плодов. Предоставив лошадь заботам грума, Том стремительным шагом обогнул дом; хмурое выражение его лица не предвещало ничего доброго. Небрежно поприветствовав сестру и мисс Йейтс и торопливо поклонившись матушке, он решительно направился к Сьюзен.

— Изволь объясниться, кузина! Как могло случиться, что эти бесчестные, низкие люди, Крофорды, которым обязаны мы своим злосчастьем, водворились в Уайт-Хаусе и ты состоишь с ними в переписке? О чем ты только думала? Ты, кажется, сошла с ума!

Дамы на террасе пришли в волнение, окончание гневной тирады Тома потонуло в хоре изумленных восклицаний.

— Крофорды? Боже мой, Том, неужто ты говоришь о тех ужасных людях?.. — вскричала Джулия.

— Господи! Крофорды! Как странно! — отозвалась мисс Йейтс, и даже леди Бертрам, пребывавшая в обычной своей полудреме, открыла глаза и жалобно пробормотала:

— Что случилось, Том? Умоляю, объясни мне, в чем дело?

Сьюзен немного помолчала, собираясь с мыслями; все взоры с любопытством и недоумением обратились на нее.

— Прежде всего, Том, что касается приезда Крофордов и пребывания их в Уайт-Хаусе,

то об этом тебе следовало бы поговорить со своим поверенным, он осведомлен лучше меня. Мистер Клейпол ведет все дела и выбирает арендаторов...

— Да, и я намерен в самом скором времени устроить этому джентльмену форменный разнос. Так-то он заботится о моих делах! Ничего лучше не придумал, как поселить здесь этих людей; вот уж кого нам хотелось бы видеть в Мэнсфилде менее всего. Но как вышло, что ты, Сьюзен, вступила с ними в переписку, причем тайком, у нас за спиной, действуя самонадеянно и эгоистично? Не таково твое положение в этом доме, чтобы позволять себе подобные вольности! — Возвысив голос, Том продолжал с еще большим негодованием: — Проезжая через деревню, я повстречал миссис Осборн, которая только что вышла из Уайт-Хауса. «Ах, сэр Томас, — сказала она мне, будто я какой-нибудь плотник Джексон или кто-то в этом роде, — ах, сэр Томас, вы, я вижу, возвращаетесь домой, не сочтите за труд передать несколько слов вашей кухне, мисс Прайс». Пришлось согласиться, хотя и без всякой охоты, но что мне еще оставалось? Меня вынудили играть роль посыльного! Да еще в какой манере! И какая особа! Нет, это вовсе не мое амплуа! Да вдобавок в такой жаркий день, когда я спешил поскорее добраться до дома. «Располагайте мной, сударыня, — ответил я однако ж. — Что вы хотели сообщить мисс Прайс?» «О, речь не обо мне, — отозвалась она так спокойно, словно говорила о вещах самых обыкновенных, — я только что навестила в Уайт-Хаусе леди Ормистон, в девичестве мисс Крофорд, и она просила меня передать теплый привет и наилучшие пожелания мисс Прайс; бедняжка еще не оправилась после утомительного путешествия и пока что не встает, однако она с радостью приняла бы мисс Прайс у себя через несколько дней, скажем, в субботу».

— Что?! — взвизгнула Джулия.

А мисс Йейтс холодно заметила, задрвав орлиный нос:

— Это просто неслыханно! Какое бесстыдство!

— Уайт-Хаус? — вздохнула леди Бертрам. — Ах, сколько лет прошло с тех пор, как там жила бедная дорогая миссис Норрис... Но кто эти люди, Том? Кажется, ты не слишком-то их жалуешь?

— Да как же, матушка, Крофорды, неужто вы их забыли? Помните то лето, когда они гостили в пасторате? Мы еще разыгрывали пьесу «Обеты любви», и отец разгневался на нас необычайно. Впрочем, весьма справедливо, как оказалось, ибо в итоге мой брат Эдмунд едва не пал жертвой чар этой самой мисс Крофорд, совершенно вскружившей ему голову, если бы в последний миг все его надежды не рухнули из-за того, что совершил Генри Крофорд с моей сестрой Марией... — Том, нахмурившись, осекся, будто слова, чуть было не слетевшие с его губ, не подобало произносить эдак запросто, в саду на террасе, пусть даже в узком семейном кругу. А может статься, ему вдруг пришло в голову, что брак его сестрицы Джулии с мистером Йейтсом также следует считать итогом памятного любительского спектакля, и чем меньше будет сказано об этом предмете, тем лучше.

Сьюзен почувствовала непреодолимое желание пересказать историю, поведенную миссис Осборн, дабы оправдать Крофорда, возложив вину на Марию, однако ценой немалого усилия она сдержалась. Прежде всего она не чувствовала себя вправе разглашать чужую тайну, доверенную ей в приватной беседе, не получив хотя бы на то разрешения; вдобавок она почти не сомневалась, что никто ей не поверит. Кровь — не водица, и Мария, пусть опозоренная, отверженная, по-прежнему приходилась Тому и Джулии сестрой; едва ли им захотелось бы признать, что сия паршивая овца оказалась еще более злобной, мстительной, гордой и упрямой, чем они привыкли думать. А кроме того, известие, что

Мария была с презрением отвергнута мужчиной, которого все почитали ее любовником, разрушило бы созданный ею трагический образ героини мелодрамы, представив ее в весьма невыгодном свете; всеобщее осуждение сменилось бы презрением или жалостью, что нанесло бы еще больший урон репутации семейства Бертрамов, ибо общественное негодование все же предпочтительнее злой насмешки.

Мысли эти пронеслись в голове Сьюзен с быстротой молнии, пока Том строго выговаривал ей:

— И вот мисс Сьюзен, которая никогда прежде не встречала этих людей, поскольку в то время проживала в Портсмуте, — Том произнес название города так, будто речь шла о средоточии самого разнузданного разврата, — мисс Сьюзен Прайс взбрело на ум непременно вступить в переписку с этой чудной парочкой; надо полагать, теперь она пошлет им приглашение отобедать в Мэнсфилд-Парке, с нее станется.

— Неслыханно! — вновь воскликнула Джулия. — О чем ты только думала, кузина?

— Да, весьма странно, — лениво протянула мисс Йейтс. — Какая дикость, право.

И даже леди Бертрам не преминула высказать осуждение:

— Без сомнения, это очень дурно. Как могло случиться, Сьюзен, что ты пишешь людям, с которыми вовсе не знакома?

Сьюзен замерла, задыхаясь от несправедливого, незаслуженного унижения; горло ее сжалось, лицо залилось краской, к глазам подступили слезы; стараясь изо всех сил овладеть собой, она глубоко вздохнула и, лишь убедившись, что голос ей повинуется, заговорила:

— У вас сложилось неверное представление об обстоятельствах этого дела, тетушка Бертрам, кузен Том. — На Джулию и ее золовку Сьюзен даже не взглянула. — Мисс Крофорд написала первой; письмо предназначалось моей сестре Фанни. Миссис Осборн передала мне это послание, когда его доставили в пасторат. В письме, составленном, как мне показалось, в самых трогательных и почтительных выражениях, мисс Крофорд на правах старинной знакомой смиренно просила приютить ее в Мэнсфилде, ссылаясь на крайнее расстройство здоровья. Ну как, скажите на милость, я могла ей отказать? Впрочем, в любом случае отказать ей было не в моей власти, потому что письмо сильно запоздало, и к тому времени как оно попало ко мне в руки, мисс Крофорд уже поселилась в Уайт-Хаусе. Мне оставалось лишь ответить ей, что сестра моя теперь в отъезде.

— Гм! — проворчал Том. — Где же это письмо?

Сьюзен удивленно вскинула брови.

— Разумеется, я отослала его Фанни.

— Но почему же ты не заручилась советом старших? — продолжал Том после недолгого раздумья. — Отчего не обратилась к кому-то из членов семьи, прежде чем столь поспешно и опрометчиво писать ответ, должно быть, истолкованный этой женщиной как откровенное поощрение, как приглашение к знакомству?

«И к кому, по-твоему, мне следовало обратиться? — едва не выкрикнула Сьюзен в запальчивости. — К твоей матушке, у которой ни одна мысль в голове не появится, пока ее кто-нибудь туда не вложит? К Джулии, неспособной управляться даже с собственными детьми? (Как раз в эту минуту малютки Джонни и Томми усердно разоряли корзинку с рукоделием своей бабушки, разрывая разноцветную пряжу и рыхля землю ножницами.) Или, может быть, к спесивой мисс Йейтс?» Насилу сдержав готовые вырваться слова, Сьюзен начала:

— Сам ты, кузен, уехал в Торнтон-Лейси, а бедственное положение несчастной больной

и ее отчаянная надежда найти утешение в Мэнсфилде вынудили меня подумать прежде всего...

Внезапно всеобщее внимание привлекло появление нового лица. Мистер Уодем замер в нерешительности у подножия лестницы; трудно сказать, сколько он там простоял; новый пастор определенно испытывал неловкость, вторгнувшись невольно в семейную беседу.

Он вежливо кашлянул, давая знать о своем присутствии.

— Кхе! Доброе утро, леди Бертрам, доброе утро, сэр Томас, мисс Прайс. Дворецкий сказал мне, что все вы собрались на террасе, желая освежиться; он предложил объявить о моем приходе, но я увидел с подъездной аллеи вашу прелестную группу в лучах солнца и, совершенно очарованный открывшимся передо мной зрелищем, отважился оставить церемонии и запросто присоединиться к вам. Какая чудесная погода! Мне несказанно повезло, что весна в этом году выдалась такая теплая. Осмелюсь сказать, на Мэнсфилд-лейн уже всюду цветут примулы, я насчитал не менее сотни.

Почти всю свою речь, намеренно затянутую, дабы дать спорящим время овладеть собой и успокоиться, мистер Уодем произнес, не сводя взора с леди Бертрам; но быстрый сочувственный взгляд, обращенный на пылающее лицо бедняжки Сьюзен, показал, что пастор, должно быть, слышал немалую часть разговора, что он понимает мисс Прайс, разделяет ее чувства и, более того, восхищается ее поступком. И тотчас на душе у Сьюзен просветлело; боль, причиненная несправедливостью и грубым обращением, исчезла, смытая тихой радостью: если хотя бы один человек верит, что она поступила правильно, осуждение родни она снесет с легкостью. И какой человек! Мистер Уодем, щедро наделенный добротой, мудростью и прозорливостью; джентльмен необычайно милый и любезный. Воспрянув духом, Сьюзен принялась наблюдать, как Том представляет пастора дамам, а Джулия и мисс Йейтс с жадным любопытством разглядывают вновь прибывшего, отдавая невольно дань восхищения его благородному облику, изысканным манерам, непринужденному обращению и приятной наружности. Леди Бертрам, успевшая в прошлый визит мистера Уодема проникнуться к нему самой теплой приязнью, заметно оживилась и пригласила пастора с сестрой отобедать в усадьбе, выбрав любой удобный день по своему усмотрению.

После небольшой общей беседы мистер Уодем не замедлил перейти к цели своего визита, предъявив вырезку из газеты, которая, по его мнению, могла представлять интерес для сэра Томаса, поскольку в ней говорилось об остатках древнеримской дороги, обнаруженных в близлежащей деревеньке.

С живостью прочитав заметку, Том воскликнул:

— Я совершенно разделяю ваше мнение, сэр! Я говорил с моим арендатором в Торнтон-Лейси, и тот дал свое согласие. Уверен, нам удастся отыскать следы римских поселений на перепутье Стэнби или возле Истонской роши. Почему бы нам не совершить небольшое путешествие, дабы осмотреть окрестности? Возможно, внимательно изучив местность, мы определим место для раскопок?

— О да! — вскричала Джулия, хлопая в ладоши. — Путешествие! Поедем в колясках и устроим пикник. Это будет восхитительно; пир на лоне природы — *fete champêtre*; мы наденем шляпки, верно, Шарлотта? Джонни и Томми возьмут с собой лопатки, пусть копают в свое удовольствие; а мистер Уодем расскажет нам все о римлянах. Ну разве не прелесть!

— Я к вашим услугам, — любезно ответил мистер Уодем, — извольте только выбрать

день.

— Но не покажется ли вам подобная поездка слишком утомительной, сэр? — спросила Сьюзен.

— Я нахожу, что за две недели, проведенные в Мэнсфилде, здоровье мое заметно поправилось, мисс Прайс, — с приветливой, доброй улыбкой отозвался мистер Уодем. — Здешний живительный воздух возвратил мне силы; не могу поверить, что путешествие по этим чудесным местам способно меня утомить. Ах, прошу меня извинить...

С этими словами мистер Уодем отступил на шаг и мягко, но решительно отнял нож и ножницы леди Бертрам у малюток Томми и Джонни, готовых безжалостно искромсать друг друга; отвесив каждому из драчунов по легкому подзатыльнику, невинному с виду, но достаточно внушительному, чтобы усмирить на время воинственный дух проказников, он отправил обоих в дальний конец террасы, на поиски новых шалостей, а затем возвратил похищенные предметы законной владелице (предварительно обтерев их платком).

— Благодарю вас, мистер Уодем, — со вздохом проговорила леди Бертрам. — Не знаю, отчего крошки Джонни и Томми всегда так скверно себя ведут, тогда как малышка Мэри, их кузина, на диво послушна.

Джулия в досаде промолчала, и Сьюзен, воспользовавшись случаем, обратилась к мистеру Уодему:

— Я знаю, сэр, что ваша сестра навестила мисс Крофорд; мой кузен говорил с ней и передал мне ее слова. — Сьюзен посмотрела на Тома; тот стоял с видом угрюмым и недовольным, но не посмел ее прервать. — Скажите, в каком состоянии нашла миссис Осборн эту даму? Действительно ли столь серьезен ее недуг?

— Боюсь, что да, — ответил мистер Уодем, сокрушенно качая головой. — Сестрица моя за долгие годы морских путешествий успела приобрести немалый опыт по части ухода за больными, и, как я понимаю, надежд на исцеление мисс Крофорд она не питает. Горестно это сознавать, ведь бедняжка еще так молода, ей не более двадцати пяти лет; вдобавок, по мнению сестры, эта дама отличается весьма приятной наружностью и любезным обхождением. Миссис Осборн преисполнилась к ней самым искренним сочувствием и симпатией, она рада будет услужить несчастной, о которой заботятся одни лишь слуги.

— А что же ее брат? — хмуро осведомился Том. — Разве он не в Мэнсфилде?

От внимательного взгляда Сьюзен не укрылось, что Том испытывает неловкость. Должно быть, он решил, будто ему угрожает опасность оказаться неправым; подобное незавидное положение не пришлось бы по вкусу никому, тем паче Тому, всегда уверенному в собственной непогрешимости.

— Мистер Крофорд? Нет, проводив сестру, он уехал. Как я понял со слов миссис Осборн, он чувствует, что его присутствие в Мэнсфилде, возможно... нежелательно. Гм! Раз уж об этом зашла речь, сэр Томас, окажите любезность, уделите мне несколько минут.

С этими словами мистер Уодем в самой естественной и дружеской манере взял Тома под руку и увел с террасы. Казалось, Бертрам идет с неохотой; лицо его выражало едва ли не подозрение, словно он опасался, что даст себя уговорить против собственной воли, однако мистер Уодем внушал ему такую искреннюю приязнь, что Том испытывал невольное уважение к его суждениям.

Пока джентльмены неспешно прогуливались по аллеям парка, Сьюзен принесла печенье мальчикам, которые вдруг потребовали к себе внимания.

Джулия тем временем увлеченно обсуждала с мисс Йейтс предстоящий пикник и

поиски древних римских поселений.

— Мы могли бы пригласить и Мэддоксов, и семейство Оливеров, да заодно и Монфоров: чем больше гостей, тем лучше.

— Нет, — вяло возразила мисс Йейтс. — Не будем приглашать Мэддоксов. Они наверняка приведут с собой свою кузину, мисс Харли, а я нахожу ее невыносимо скучной, бесцветной, жеманной девицей. Вдобавок превульгарной. Терпеть ее общество никак невозможно.

— Верно, вы правы. Однако это весьма огорчительно, потому как братья Мэддокс милейшие люди. Какая досада, что им всегда надобно водить за собой эту мисс Харли.

— Вы не могли бы намекнуть им, что хорошо бы обойтись без нее?

В ответ на это даже Джулия замолчала в нерешительности.

— О чем это вы говорите? Что обсуждаете? — сонно осведомилась леди Бертрам.

— Пикник, сударыня; поездку, задуманную, чтобы исследовать римские развалины, которые мистер Уодем страстно желает откопать.

— Так меня пригласят принять участие? Это доставит мне удовольствие?

— О нет, сударыня, — поспешила ответить дочь почтенной дамы. — Путешествие утомит вас, вы до смерти устанете, не проехав и половины пути. Нет, вы останетесь дома, Сьюзен о вас позаботится, а мы, вернувшись домой, все вам расскажем.

— Полагаю, ты права, душенька. Сьюзен, возьми-ка меня под руку и проводи в гостиную. Солнце припекает слишком сильно, здесь становится жарко. Джулия, попрощайся за меня с мистером Уодемом и скажи все приличествующие случаю слова. Он милейший человек, обходительный, любезный и весьма приятный. Мне он пришелся по душе, и сестрица его тоже. Сьюзен, где моя корзинка для рукоделия? Ах, она у тебя, хорошо.

Сьюзен хотя и сожалела, что не увидится напоследок с мистером Уодемом, была рада избавиться от общества миссис Йейтс и Шарлотты.

Долгий разговор мистера Уодема с Томом принес благие плоды; представил ли пастор поступки мистера Крофорда в их истинном свете или же пробудил в Томе сочувствие к несчастной мисс Крофорд, а может статься, и то и другое вместе, но в итоге Том больше не бранил кузину за ее связи с обитателями Уайт-Хауса. Сьюзен начала подумывать, что мистер Уодем отозвался о ней с похвалой, потому что после той беседы ловила подчас на себе недоуменный, растерянный и, пожалуй, смущенный взгляд Тома; казалось, кузен сомневается, верно ли судил о ней прежде.

Поскольку Том, вняв увещаниям мистера Уодема, более не возражал против сближения своей кузины с мисс Крофорд или по крайней мере не высказывал подобных возражений, Сьюзен оставалось только ожидать удобного случая; и как-то утром, несколько дней спустя, когда миссис Осборн пришла навестить леди Бертрам, она воспользовалась неожиданной свободой и отправилась через парк к Уайт-Хаусу.

Не без трепета позвонила она у дверей.

После того как от Мэри пришло первое письмо, предназначенное Фанни, в Мэнсфилд-Парке о Крофордах столько говорилось, высказывалось так много намеков и догадок, что Сьюзен не оставляло чувство, будто ей предстоит встретиться с героиней нелепейшей слезливой мелодрамы. Казалось, в воображении Тома рисовался обманчивый, как мираж, образ мисс Крофорд, обольстительной сирены, чье губительное очарование некогда едва не совратило с пути истинного младшего из братьев Бертрам — Эдмунда, всегда служившего образчиком благонравия и здравомыслия, — а впоследствии завлекло в ее сети незадачливого Ормистона. Бедняга женился на этой особе, и посмотрите, что с ним случилось! Он повредился рассудком, впал в безумие и взаперти влачит скорбную жизнь свою! Правда, Уодем и в особенности его сестра отзывались об этой даме в самых восторженных выражениях, однако он, Том, не так прост; он не приблизится к Уайт-Хаусу на пушечный выстрел; пусть мисс Крофорд не воображает, будто ей удастся обвести его вокруг пальца.

Мнение Джулии, высказываемое громогласно всякий раз при появлении в Мэнсфилде, было еще более враждебным. «Коварная интриганка, холодная, бессердечная злодейка, — гласил ее вердикт. — Мэри Крофорд старалась всеми силами обольстить Эдмунда, добиваясь, чтобы тот попросил ее руки, как раз в тот момент, когда возникли серьезные основания опасаться за жизнь пораженного чахоткой Тома, ведь в случае смерти старшего брата Эдмунд унаследовал бы титул баронета; поняв же, что ее надежды напрасны, эта злокозненная особа тотчас исчезла. Позднее она исключительно из злобы убедила своего брата Генри посетить званый вечер в ее доме; там Крофорд вновь встретил Марию Бертрам, недавно вступившую в брак; эта ужасная женщина повинна в бесчестье злополучной Марии». Для Мэри Крофорд ни у кого не нашлось ни единого теплого слова. Впрочем, разумеется, все признавали, что она занимательная и приятная собеседница, обладает живым умом, хорошо поет и премило играет на арфе.

— Но мы-то знаем, что увлекательные речи и мнимые таланты не могут составлять предмет устремлений женщины утонченной, наделенной безупречным вкусом, не правда ли, моя дорогая Шарлотта?

— Ах, ну конечно, — протянула Шарлотта, которая подобное суждение, несомненно, одобрила, поскольку сама не отличалась ни прелестью речей, ни какими-либо талантами.

Сьюзен назвала свое имя отворившей дверь горничной и попросила передать мисс Крофорд, что будет рада побеседовать с ней, но только если та готова принять гостью. Вскоре ее пригласили подняться в комнату больной.

Прежде всего Сьюзен поразила необычайная элегантность обитательницы Уайт-Хауса. Мисс Крофорд возлежала на подушках в изящном пеньюаре из прозрачной кисеи, надетом поверх сорочки из тончайшего газа, и во французском ночном чепце. Спальня купалась в лучах солнца; окна, откуда великолепно виден был Мэнсфилд-Парк, выходили на юг; поток

свежего воздуха, врываясь в комнату, колыхал широко раздвинутые шторы. Постель больной располагалась так, чтобы можно было наслаждаться открывавшейся из окна панорамой; возле кровати стоял стул.

Сьюзен нерешительно застыла в дверях, с тревогой вспомнив, что перед ней светская дама, привыкшая к блеску и великолепию лондонских гостиных. Сьюзен никогда прежде не доводилось встречаться с подобными особами, надо ли удивляться, что ее охватила паника. О чем говорить с мисс Крофорд? Чем ее занять?

— Моя дорогая мисс Прайс... о нет, я стану называть вас Сьюзен. Вы не будете возражать? Мне кажется, мы с вами уже так близки, что можем пренебречь обычными в подобных случаях формальностями. Присядьте, пожалуйста. И возьмите другой стул, если этот вам не нравится. Стулья в наемных домах всегда такие неудобные... ох, умоляю, простите меня! Я совершенно забыла, что дом этот принадлежит вашему кузену. Должно быть, его стулья превосходны, и вам не придется за них краснеть.

Не в силах удержаться от смеха, Сьюзен опустилась на стул, который нашла вполне удобным. Приглядевшись внимательнее к своей собеседнице, она заметила, что изысканный наряд скрывает страшную худобу и смертельную бледность. Несчастливая женщина! Неужели некогда ее почитали красавицей? Теперь она походила на призрак, облаченный в саван!

Лицо мисс Крофорд, поражавшее прежде изяществом формы и прелестью черт, было костлявым, туго обтянутым кожей; сверкающие темные глаза глубоко запали, а прекрасно очерченный рот, обрамленный двумя горькими складками, скорбно сжался. Но стоило ей заговорить, и тягостное впечатление скрадывалось очаровательной любезностью обращения, той удивительной легкостью, с которой смеялась она над собой и бедственным своим положением.

— Боже, какая нелепость! Обременив бедного брата сумасбродной просьбой сопроводить меня в Мэнсфилд, я узнаю, что двух близких мне людей, которых я так страстно мечтала увидеть, здесь нет и долго еще не будет! Всю свою жизнь я без конца совершаю подобные безрассудства, предаюсь несбыточным фантазиям; в самом деле, если поразмыслить, вся моя жизнь — не более чем погоня за недостижимой мечтой. Только вот теперь я уж не припомню, о чем мечтала. Возможно, всем нам свойственно обольщаться надеждой и строить воздушные замки? А вы, мисс Прайс... я хотела сказать: Сьюзен. Я задумала обращаться к вам по имени, потому что уже чувствую себя вашей сестрой. Когда-то моей заветной мечтой было назвать сестрой нашу дорогую Фанни, но надежде этой, увы, не суждено было сбыться; однако ж я так и не смогла избавиться от давнего обыкновения. Я по-прежнему думаю о ней как о сестре. А потому, милая моя Сьюзен, вам тоже надобно признать наше родство. У вас есть еще сестры? По-моему, Фанни как-то упоминала о младшей сестрице — Белинде или Бетти?..

— Бетси, сударыня... Удивительно, как это вы запомнили!

— Мэри, зовите меня Мэри. Сколько же лет Бетси?

— Ей всего девять.

— А ваши братья? Я помню очаровательного Уильяма, который был произведен в лейтенанты благодаря покровительству моего дяди адмирала. Как он поживает?

Сьюзен рассказала, что Уильям, ушедший теперь в плавание по Средиземному морю, надеется в самом скором времени стать капитаном, а затем поведала о судьбах остальных братьев: Сэм служит гардемаринном; Том с Чарлзом проходят обучение в портсмутском морском училище; Джон состоит на государственной службе в Лондоне, но не дает о себе

знать уже несколько лет; Ричард — лейтенант на торговом судне Ост-Индской компании.

— Какая чудесная семья, — вздохнула мисс Крофорд. — Хотя, полагаю, в свое время мальчики доставили вашей матушке немало волнений и тревог. Зато теперь они неиссякаемый источник радостей. Как счастлива, должно быть, ваша матушка! Я же, так и не ставшая матерью и обреченная остаться бездетной, могу лишь находить утешение в обществе детей моих друзей. Но расскажите мне скорее о Фанни, у нее двое деток, насколько мне известно. Сколько же им лет?

— Крошке Уильяму всего несколько месяцев от роду; Фанни взяла его с собой.

— Господи, благоразумно ли это? И все же я могу ее понять, ей не хотелось расставаться с малюткой. А другой ребенок?

— Девочке три года, она осталась в Мэнсфилде; как-нибудь, если у вас будет желание и здоровье вам позволит, я приведу ее к вам. Ее зовут Мэри. Она прелестна и походит на обоих родителей...

Сьюзен невольно замолчала, сердце ее сжалось от сострадания, когда мисс Крофорд достала из сумочки батистовый платок и незаметно вытерла слезы, блестевшие у нее на ресницах. Мгновение спустя она заговорила, голос ее звучал хрипло:

— Мэри? Фанни и Эдмунд назвали дочь Мэри?

Сьюзен заколебалась в нерешительности. Прежде ей не приходило в голову, что между мисс Крофорд и маленькой дочерью Фанни, носившей имя Мэри, могла быть какая-то связь. Более того, Сьюзен и теперь не поручилась бы, что такая связь существует; сказать по правде, подобное предположение казалось ей совершенно невероятным. Должно быть, ребенка назвали в честь еще одной сестры в семействе Прайсов, следующей по старшинству после Сьюзен. Эта прелестная малышка умерла в семилетнем возрасте, ее тоже звали Мэри, и Фанни питала к ней самую нежную привязанность; до переезда старшей из сестер в Мэнсфилд девочки были необычайно близки. И все же Сьюзен вовсе не была убеждена, что ее племянницу назвали Мэри в память о безвременно почившей малютке; быть может, Эдмунд выбирал для нее имя? В любом случае жестоко было бы разуверять несчастную больную, преисполненную самой трогательной благодарностью и восторгом; подобные чувства, несомненно, для нее целительны. Лицо Мэри оживилось, недавняя восковая бледность, столь испугавшая Сьюзен, сменилась легким румянцем.

Мисс Прайс ограничилась осторожным ответом:

— При крещении девочку нарекли Мэри Френсис; Френсис — в честь нашей матушки.

— Я буду счастлива познакомиться с ней; вы должны привести ее ко мне в самом скором времени. Я уже питаю к ней нежную приязнь, будто она моя крестница. А теперь расскажите об остальных своих близких: полагаю, леди Бертрам все та же, рассеянная, незлобивая, однако она не потрудится даже пальцем пошевелить ради кого бы то ни было, верно?

Сьюзен улыбнулась:

— Да, моя тетушка не переменялась.

— А вы, я убеждена, заботитесь о ней с той же необыкновенной кротостью, с тем же терпением, что отличали сестрицу вашу Фанни, когда обязанность эта лежала на ней, отчего мой брат и влюбился в нее без памяти.

— О нет, — поспешила возразить Сьюзен, — я вовсе не так терпелива, как Фанни; на самом деле я нередко досаую на тетушку и на кузину Джулию, так что едва владею собой.

— И все же вам удастся сдержать себя. О, теперь я узнаю в вас милую Фанни; поначалу

я не уловила сходства; вы, несомненно, выше ростом, и красота ваша ярче, но я замечаю в вас ее черты. Вы та же Фанни, но более сильная и решительная. Сказать по правде, насколько я помню, леди Бертрам подчас бывает несносной, и если бы временами вам и впрямь случалось топнуть ногой, издать вопль и выбросить в окно ее рукоделие, вы встретили бы полное мое сочувствие и лишь воздали бы тетушке по заслугам.

— Ох, нет! Бедная тетушка! Мне так часто бывает жаль ее. Жизнь ее ничем не заполнена и скучна.

— Леди Бертрам сама избрала такое существование, — возразила Мэри Крофорд. — Как и все мы, она лишь пожинает то, что сама посеяла, и ее жизнь куда благополучнее, чем у многих других. Но вы упомянули о Джулии, как она? Вышла замуж за того напыщенного говоруна, помнится, его звали Йейтс? И что же, они неплохо ладят?

— Кажется, да. Они не слишком часто бывают вместе; мистер Йейтс почти всегда занят охотой или рыбной ловлей, а Джулия навещается с Мэнсфилд так часто, как только может. С ними живет ее золовка, младшая дочь лорда Арнклиффа.

— Шарлотта Йейтс — премерзкая девица; помнится, я встречала ее в Лондоне, — отозвалась Мэри Крофорд. — Судя по выражению вашего лица, вы не питаете особой приязни и к Джулии, но из добросердечия или из осторожности этого не показываете. Однако вам нечего опасаться. Я не выдаю чужих секретов, можете смело мне исповедоваться, считайте меня своей духовной матерью, если хотите.

Она улыбнулась Сьюзен, и та с изумлением подумала: «Боже, как я могла счесть мисс Крофорд безжизненной и бесцветной? Да она настоящая красавица!»

— А Том? Что случилось с ним? Теперь он сэр Томас. И как он сносит бремя почестей? Не без труда, думается мне; никогда ему не сравняться с отцом его. Он не разделял убеждений сэра Томаса и, увы, не обладает его способностями. Бедный, скучный Том, его скудный ум занят лишь лошадьми да игорными долгами.

Неожиданно для себя самой Сьюзен вдруг ответила:

— Тому приходится нелегко, сударыня! Внезапно сделаться главой семьи и взвалить на себя все заботы и обязанности, налагаемые новым положением, разумеется, весьма неприятно и обременительно, однако Том понемногу постигает эту науку. Он привык вести жизнь беззаботную, и гнет многочисленных обязательств тяготит его необычайно, вдобавок Том, возможно, относится к ним с чрезмерной серьезностью; кроме того, он искренне скорбит о своем отце и горюет об утрате. Но я верю, что со временем он станет таким же рачительным хозяином, почтенным землевладельцем, как и покойный сэр Томас. Он всеми силами стремится к этому, пусть и не обладая пока драгоценным опытом.

Мэри Крофорд прищурилась, внимательно разглядывая гостью.

— Вижу, Том обзавелся честным, беспристрастным адвокатом в лице своей кузины Сьюзен; или, быть может, вы все же пристрастны? Уж не питаете ли вы к нему чувства более теплые, нежели родственная привязанность?

— Боже, нет! — поспешно воскликнула Сьюзен. — Уверю вас, вы ошибаетесь! По правде говоря, мы с Томом обычно не ладим; я слишком долго была для него всего лишь «маленькой кузиной Сью», чтобы теперь он вдруг увидел во мне особу, чье мнение надобно принимать во внимание.

— Ах вот как! И потому он откровенно пренебрегает вами и ни во что вас не ставит. Я хорошо помню, как часто Том с тем же пренебрежением обходился и с Фанни, вызывая самое искреннее мое негодование. Выходит, кузен Том — бесчувственный болван и

вскороности непременно женится на Шарлотте Йейтс?

— О, надеюсь, нет! Мне невыносимо думать, что моя бедная тетушка Бертрам окажется в подобном обществе. Шарлотта будет дурно с ней обращаться, я уверена.

— А вы несколько не эгоистичны, — смеясь, отвечала Мэри. — Думаете только лишь о своей тетушке. Но что станется с вами в подобных обстоятельствах?

— Ну, я не смогла бы остаться в Мэнсфилд-Парке; не сомневаюсь, Шарлотта не желала бы видеть меня в своем доме. Если мисс Йейтс станет женой Тома, мне придется переехать в пасторат, где Фанни всегда примет меня с радостью; вот только не знаю, как обойдется без меня моя бедная тетушка. Однако, хотя Джулия страстно желает этого союза, мне думается, Том вынашивает совсем другие планы. Он выказывает заметный интерес к мисс Харли...

— К Луизе? Кажется, я ее припоминаю, — живо откликнулась мисс Крофорд, обнаружившая поистине феноменальную память. — Сирота, с приличным состоянием, живет в Грешем-Хилле с какими-то родственниками по фамилии Мэддокс?

— Да, это она.

— Ей не было и шестнадцати, когда я впервые приехала в Мэнсфилд... Помнится, она без умолку говорила и смеялась; приятная девушка, неглупая, но ужасная трещотка. Очаровательное личико, надобно признать; светлые волосы и кожа нежная, как у ребенка, да вдобавок по-детски простодушные голубые глаза. Да, она превосходно подойдет Тому Бертраму и, осмелюсь сказать, станет обращаться с его матушкой не в пример лучше, нежели протеже Джулии. Но довольно о Томе, мы с вами уже решили его судьбу. Что вы расскажете мне о себе, моя дорогая?

— О себе?

— Ну же, не тушуйтесь! Оставьте ложную стыдливость. Вам нет нужды напускать на себя строгость в моем обществе, изображая скромницу. Не хотите же вы сказать, будто здесь, в Мэнсфилде, с вашей наружностью, с вашими достоинствами вы не обзавелись еще поклонниками?

— Боюсь, это правда, — вынуждена была признать Сюзен. — Мы ведем здесь жизнь самую тихую и уединенную; моя тетушка не выезжает и никогда не бывает в обществе...

— Ужасно! Какое возмутительное тиранство! Я должна незамедлительно вызвать брата, наказав ему привезти с собой не меньше полудюжины приятелей-холостяков. Хотя, — вздохнула Мэри Крофорд, оставив свой шуточный тон, — не знаю, разумно ли с моей стороны убеждать вас искать защиты у мужского пола. Мужчины не принесли мне ни радости, ни утешения; и насколько я могу судить, наблюдая жизнь моих друзей, супружеского союза надобно скорее остерегаться, нежели искать.

Услышав это, Сюзен невольно вспомнила совершенно иное суждение на сей счет, высказанное совсем недавно добрейшей миссис Осборн, но стоило ей робко упомянуть имя этой почтенной дамы, как мисс Крофорд горько рассмеялась.

— Миссис Осборн? Да ведь она святая! Счастлив был тот мужчина, которому она отдала свое сердце, — супругу ее не оставалось ничего другого, как, подобно ей, самому сделаться святым. Кстати сказать, мне помнится, у миссис Осборн есть неженатый брат. Уверена, он столь же очарователен, как и его сестрица, не так ли? О, вижу, вы оценили его по достоинству. Полно, не стану более вас дразнить, но признаюсь, мне любопытно было бы поглядеть на этого Фрэнка Уодема; надеюсь, он вскоре навестит меня как настоятель прихода. Отчего бы вам не намекнуть ему? А теперь, милочка Сюзен, когда мы с вами сделали задуманными подругами, я хочу, чтобы вы поведали мне все о нашей дорогой

Фанни и об Эдмунде, — все-все, каждую глупую мелочь, любой пустяк, касающийся их жизни и счастья. Не бойтесь меня опечалить, — заверила гостью Мэри, вновь смахивая слезы. — Ведь ради них я и приехала. Беседа с вами нужна мне как воздух. Ваш рассказ о дорогих моему сердцу людях, об их душевной чистоте и неизменной доброжелательности послужит мне целительным бальзамом, иного лекарства мне не надобно.

Когда два часа спустя Сьюзен покинула Уайт-Хаус, она почувствовала желание неспешно прогуляться, вместо того чтобы пересечь парк своей обыкновенной торопливой походкой; ей нужно было многое обдумать, осознать; оживить в памяти облик мисс Крофорд, ее манеры и речь; осмыслить собственные наблюдения и впечатления, вынесенные из этой встречи. Беседа с Мэри дала Сьюзен обильную пищу для размышлений, теперь требовалось время, чтобы улеглась буря чувств, мыслей и воспоминаний, поднявшаяся в ее душе.

Прежде всего, как ни печально, надлежало признать, что мисс Крофорд серьезно больна. Ее изнуренный вид, сухие, потрескавшиеся губы, пугающая хрупкость, а более всего — сама ее манера держаться, та лихорадочная жадность, с которой цеплялась она за жизнь, пытаясь урвать хоть малую долю мирских радостей, пока еще не поздно, — все это убеждало, что состояние несчастной почти не оставляет надежды на благополучный исход. Мэри и сама это понимала. Она ни разу не обмолвилась: «Когда я вновь увижу Фанни с Эдмундом, после того как они вернуться, я...» Мисс Крофорд не обманывалась пустыми ожиданиями. Она приняла жестокую правду, сознавая, что ей придется довольствоваться рассказами Сьюзен о Фанни и Эдмунде, ибо на будущее полагаться не смела.

«Я стану навещать ее как можно чаще, — решила Сьюзен. — И мне все равно, что скажет Том или что подумает Джулия. Я буду навещаться в Уайт-Хаус всякий раз, как выпадет свободная минутка; уверена, намерение мое встретит полное одобрение и сочувствие миссис Осборн; эта добрая женщина сумеет мне помочь, договорившись с леди Бертрам». Следующая мысль Сьюзен была о письме к Фанни.

— Вы скоро будете писать сестре? — с тоской спросила Мэри Крофорд, когда гостья поднялась, собираясь уходить. — Прошу, передайте мой сердечный привет ей и Эдмунду... привет самый искренний и душевный. Объясните им, что сейчас я слишком слаба, чтобы писать; подобная немощь выводит меня из терпения; я вспоминаю свои доверительные послания к вашей сестрице, длинные бессмысленные каракули, которые непрестанно строчила; готова поклясться, душенька Фанни едва ли читала их, отбрасывая как ненужный сор; и все же письма к ней всегда приносили мне утешение, будто я припадала к драгоценному источнику чистоты, даже если казалось, что исходящая от него благодать меня не коснулась. О да, само сочинение письма к милой Фанни словно очищало мои мысли, отделяя зерна от плевел. Ну вот! Видите, одно лишь воспоминание о Фанни рождает в моем воображении пасторальные образы, а ведь я истинная горожанка, родилась и выросла в городе!

Сьюзен незамедлительно собиралась написать Фанни, рассказать о горестном положении Мэри Крофорд и настоять на скорейшем ответе, хотя задача эта и тяготила ее. Она тяжело вздохнула, подумав, сколько пройдет времени, прежде чем придет ответ от сестры, и невольно ускорила шаг. Ей не терпелось взяться за перо, она уже чувствовала зуд в кончиках пальцев.

Вернувшись домой, она хотела было укрыться в своем излюбленном убежище, в

Восточной комнате, однако с огорчением обнаружила, что написать Фанни сейчас не удастся; помимо миссис Осборн, которая самым любезным образом вызвалась посидеть с леди Бертрам и теперь обучала ее премудростям плетения ковриков, в Мэнсфилд-Парк прибыли и другие гости: там были Джулия с мисс Йейтс, а также миссис Мэддокс из Грешем-Хилла со своей племянницей мисс Харли.

Окинув взглядом общество в гостиной, Сьюзен дала краткие указания Баддели, и вскоре в обеденном зале накрыли большой стол с закусками — холодным мясом, фруктами и пирожными; она также распорядилась известить Тома, который объезжал свои ближние владения. Тот явился в самом скором времени после того, как гости сели за стол. Стараясь, по обыкновению, держаться незаметно, Сьюзен невольно представляла ироничные замечания и язвительные насмешки, которыми осыпала бы собравшихся мисс Крофорд.

Разумеется, появление самой Сьюзен было встречено миссис Йейтс и Шарлоттой с холодным безразличием; обе дамы удостоили ее лишь небрежным полукивком и подобием реверанса. Встреча же с миссис Мэддокс и мисс Харли, несомненно, доставила им еще меньше удовольствия; Джулия с золовкой сидели молча, подчеркнуто не замечая леди из Грешем-Хилла, и лишь изредка переговаривались между собой вполголоса. Их неучтивость, однако, сумела сгладить миссис Осборн; лишенная всякого притворства, неизменно приветливая и любезная, она завела разговор о сельских красотах с миссис Мэддокс и ее племянницей. А мисс Харли, как всегда, говорила за троих; эта живая, добродушная, хорошенькая девица непрестанно всем улыбалась и по всякому поводу бесхитростно выражала свой восторг, ее веселая болтовня журчала, словно вода в ручье.

— Какие прелестные овечки встретились нам по дороге сюда! По-моему, леди Бертрам, мэнсфилдские ягнята восхитительно хороши, очаровательнее их не сыскать во всей Англии. А как они потешно резвились, я не могла удержаться от смеха, правда, тетушка Кэтрин? У них прехорошенькие ушки, длинные ножки и забавные черные мордочки, просто прелесть; не понимаю, как у людей хватает жестокости кушать весенних ягнят... хотя молодой барашек с мятным соусом на диво вкусен; Боже, я, должно быть, съела целое блюдо в прошлое воскресенье, когда его подавали к столу в доме моей тетушки. Ах, я, кажется, противоречу самой себе; боюсь, я самая переменчивая особа во всем Нортгемптоншире. — Мисс Харли простодушно рассмеялась над собственным недомыслием. — Но скажите, леди Бертрам, как поживает ваш мопсик? Сколько ему теперь лет? Десять? В самом деле? Боже милостивый, и вправду возраст весьма почтенный. Но по нему этого никак не скажешь, ваш любимец выглядит преотлично. Ты ведь меня помнишь, милый старый мопсик? Вы только послушайте, как он сладко сопит в ответ. Это значит, я ему нравлюсь, верно, леди Бертрам?

— По правде сказать, не знаю, моя дорогая, он всегда сопит, кто бы к нему ни обращался. Видите ли, это его манера поддерживать беседу.

— О, уверена, я ему нравлюсь, — увлеченно продолжала Луиза, поглаживая носик мопса. — Я люблю его куда больше, нежели пойнтеров моих кузенов; эти псы всегда вертятся под ногами, лают, задравши головы, да пачкают лапами юбки; а добрый старый мопсик сидит себе на диване, будто истукан, и не шелохнется, только тихонько сопит; вдобавок у него очаровательная мордочка, черная, вся в складочках. Клянусь, я просто без ума от него, будь я художником, написала бы его портрет.

— А вы хорошо рисуете, мисс Харли? — добродушно осведомилась миссис Осборн.

— Господь с вами, сударыня! Я даже стул не могу изобразить, ножки выходят кривыми. Чарлз и Фредерик вечно насмехались надо мной, когда мы были детьми. Ох, как же я была

рада покинуть навсегда классную комнату, зная, что старая злока мисс Марчмонт больше не будет бить меня по рукам за кляксы и помарки в тетрадах, за невыученный отрывок или выведенные криво строки. Мне думается, одна из величайших радостей, которые мы обретаем с возрастом, — это уверенность, что никогда больше не понадобится вновь получать образование. Вы не согласны со мной, мисс Прайс? Неужели вы не питали отвращения к учению?

— О да, случилось, — призналась Сьюзен, обезоруженная очаровательной легковесностью мисс Харли.

— Но если вы, девушки, не получите должного образования, — с улыбкой заметила миссис Осборн, — то как, скажите на милость, вы сможете наставлять собственных детей, когда они у вас появятся?

— Ох, очень просто, сударыня, — наняв старую злоку мисс Марчмонт, чтобы та била их по рукам и отравляла им жизнь. Знаете, она по-прежнему живет в Грешеме, в деревне, и не сомневаюсь, только и ждет случая, чтобы наброситься на бедных деток, вооруженная зонтиком, табакеркой, жестяной с серой и пастилками из патоки. Помню, как каждое утро у меня падало сердце, стоило ей переступить порог классной комнаты, как я плакала, притворяясь, будто у меня болит живот или зубы, только бы избежать ненавистных уроков; я охотнее предпочла бы, чтобы меня уложили в постель с припарками или заставили выпить микстуру Грегори; а сколько раз я обманывала бедную тетушку Кэтрин, которая всегда была так добра ко мне и верила моим выдумкам о невыносимых мучениях. Ах, а вот и сэр Томас Бертрам воротился. Скажите мне откровенно, сэр Томас, вы не находите, что учение — самое несносное занятие на свете?

Не подлежало сомнению, что жемчужные зубки мисс Харли, безыскусная радость, с которой наслаждалась она собравшимся обществом, ее милая непосредственность и предназначенная Тому чарующая улыбка, таящаяся в уголках миндалевидных голубых глаз, вдобавок нежная, как у ребенка, кожа и прелестные светлые волосы — все вместе без труда убедило бы сэра Томаса согласиться с любым утверждением Луизы, даже самым нелепым. Он улыбнулся мисс Харли, глядя на нее с искренним восхищением, и это так раздосадовало Джулию и ее спутницу, что довольно скоро те поднялись с намерением откланяться, не скрывая надежды, что миссис Мэддокс последует их примеру.

— Как, Джулия, ты нас покидаешь? — небрежно обронил Том. — Но вы ведь только прибыли. Что ж, потрудись передать мой сердечный привет и поклон Йейтсу. Когда мы его увидим? Он не был в Мэнсфилде целую вечность. Кстати сказать, — неожиданно припомнил Том, — что решено насчет поездки на место римских развалин? Ты говорила о ней Йейтсу? Он намеревается к нам присоединиться? А вы не обсуждали наши планы с вашим братом, миссис Осборн? Он уже решил, в какой день готов отправиться с нами в путешествие?

Слова Тома вызвали чрезвычайное неудовольствие Джулии. Она явилась в Мэнсфилд с единственной целью обсудить приготовления к предстоящей поездке, однако в планы ее вовсе не входило приглашать также и мисс Харли, поэтому речь об этом предмете так и не зашла; Джулия намеревалась удалиться, не заговорив о пикнике, но теперь худшие ее опасения сбылись.

— О, вы собираетесь осматривать древние руины? — воскликнула Луиза. — Какая прелесть! Это занятие я обожаю больше всего на свете! Развалины — моя страсть! Надеюсь, дорогой сэр Томас, что моим кузенам, тетушке Кэтрин и мне позволят принять участие в

поездке? А вы, мисс Прайс, не находите, что древние руины восхитительны? В их живописном запустении есть нечто невыразимо очаровательное.

— Как ни прискорбно мне огорчать вас, мисс Харли, — ответил Том, — но все же должен сказать, что обозревать руины пока еще невозможно; однако с помощью мистера Уодема, этого великого знатока римских древностей, мы надеемся что-нибудь раскопать.

— О, это вовсе не важно! Как чудно мы проведем время! Быть может, нам удастся обнаружить старинный меч, доспехи или скелет! Ах, надеюсь, мы откопаем скелет, это было бы так ужасно захватывающе! Вот бы мы посмеялись! На какой день намечена поездка, сэр Томас?

Вновь обратились к миссис Осборн, был предложен и после короткого обсуждения назначен окончательно день на следующей неделе. Том заявил, что намеревается пригласить еще нескольких друзей — Оливеров, Монфоров, Стэнли и семейство Ховардов; миссис Мэддокс попросили уведомить о предстоящем путешествии двух ее сыновей; уговорились насчет экипажей, кто с кем поедет; решили, какие будут закуски; словом, обговорили все мало-мальски значительные вопросы.

Сьюзен слушала беседу рассеянно, зная, что кто бы ни поехал на пикник, ей уж точно не придется участвовать в общем веселье.

На следующий день Сьюзен получила письмо от своего брата Уильяма — подобные радостные события случались не часто.

Дети в семействе Прайс никогда не были избалованы чрезмерным вниманием своей матушки. Миссис Прайс — равнодушная, вялая, ленивая, не наделенная глубоким умом особа — походила на свою сестру леди Бертрам во всем, кроме достатка. Окруженная богатством и довольством, она тоже с радостью лежала бы на диване целыми днями, плетя бахрому, однако, к несчастью, еще в юности вышла замуж за морского офицера, человека вспыльчивого нрава, с грубыми привычками, совершенно лишённого честолюбия. В их убогом, неуютном портсмутском доме всегда царили теснота, беспорядок и запустение. Обойденные родительской заботой дети Прайсов росли в небрежении и, предоставленные сами себе, выросли, по мере сил выбирая для себя занятия и промыслы.

В действительности сэр Томас Бертрам сделал для юных Прайсов больше, нежели родной отец: его стараниями Уильям и Сэм поступили во флот корабельными гардемаринами, он выхлопотал для Джона должность на государственной службе, оплатил школьное обучение младших мальчиков, взял к себе в дом десятилетнюю Фанни, а затем и Сьюзен, когда той исполнилось четырнадцать. Иными словами, отпрыскам семейства Прайс было за что благодарить своего дядюшку.

Всегда раздраженная, утомленная вечными хлопотами, миссис Прайс уделяла своим чадам мало душевного тепла; обделенные материнской любовью дети были нежно привязаны друг к другу. Между Фанни и Уильямом, старшими в семье, с давних пор установилась особая родственная и дружеская близость, пока позднее Фанни не отослали в Мэнсфилд, а Уильям не поступил на морскую службу; подобно им, Джон и Сьюзен всегда считались добрыми друзьями. Когда Джон уехал в Лондон, Сьюзен тосковала по нему; вдобавок, к вящему ее огорчению, унаследовав леность своей матушки, тот не часто утруждал себя перепиской с сестрой, ограничиваясь одним-двумя посланиями за три года. Вот уже полтора года, как он не давал о себе знать; Сьюзен опасалась, что молчание брата объясняется трудностями, которыми полна его жизнь в столице. Что же до Уильяма, тот писал исправно, рассказывая о всевозможных морских приключениях в простой, но выразительной, живой манере, что делало его послания чрезвычайно занимательными. Письма эти большей частью предназначались Фанни, впрочем, в последние годы, с тех пор как Сьюзен поселилась в Мэнсфилде, Уильям неизменно прибавлял несколько строк «милой сестрице Сью». Однако на сей раз послание было адресовано самой Сьюзен.

«Зная, что Фанни еще не возвратилась из-за границы, я обращаюсь к тебе, дорогая Сью, — писал он. — Поздравь меня! Я наконец произведен в капитаны и на будущей неделе должен прибыть в Лондон, чтобы получить в адмиралтействе свой патент и предписание. Мне также надобно будет найти время для визита к стряпчему, поскольку покойный дядюшка по щедрости своей отписал мне две тысячи фунтов, чего я вовсе не ожидал. Мое изумление и радость не выразить словами; я безмерно признателен сэру Томасу и более всего желал бы видеть его во здравии, дабы излить свою благодарность. Великодушный дядюшкин дар послужит мне немалым подспорьем, позволив приобрести приличную обстановку и обмундирование — капитану надлежит одеваться, как подобает его рангу, а

каюта его должна быть достойно меблирована, иначе офицеры не станут его уважать. Я ломал себе голову, как разрешить это затруднение, даже располагая тридцатью фунтами наградных за последнее наше сражение; но теперь благодаря дядюшкиной щедрости смогу обзавестись всем необходимым, не стесняясь в средствах. Есть и другая новость: мне полагается двухнедельный отпуск. Пока «Цапля», нуждавшаяся в починке, стояла на верфи в Портсмуте, я мог видаться с матушкой, отцом и малышами, а потому без колебаний обращаюсь к тебе с просьбой: узнай, пожалуйста, нельзя ли мне провести часть времени в Мэнсфилде. Будь так добра, спроси тетюшку и кузена Тома, примут ли они меня. Возражений с твоей стороны я не опасаюсь...

Твой любящий брат Уильям Прайс».

Не помня себя от радости, Сьюзен сообщила леди Бертрам об успехах Уильяма и осведомилась, можно ли ему погостить в Мэнсфилде.

— Уильям? Ах, ну конечно же, старший сын моей сестры. Славный, достойный молодой человек; помнится, в прошлый его приезд в Мэнсфилд сэр Томас был совершенно им очарован. Сэр Томас еще сказал, что Уильям сторицей вознаградил нас за наши благодеяния... как, разумеется, и надлежало. Я дала ему десять фунтов перед его отъездом... По правде сказать, надобно ли удивляться, что он столь многого добился?

— Вы не возражаете, сударыня, если я напишу, что он может приехать? — спросила Сьюзен, несколько озадаченная тем, что леди Бертрам, казалось, считала главной причиной повышения Уильяма по службе те десять фунтов.

— Нет, душенька, нисколько. Но тебе следовало бы также спросить твоего кузена Тома. Том бывает весьма недоволен, когда дела решаются без его участия.

Прекрасно сознавая это, Сьюзен твердо намеревалась получить дозволение Тома.

Она нашла кузена на выгоне, когда тот объезжал молодого, недавно купленного жеребца; Том рассчитывал подготовить коня к зимнему охотничьему сезону. Заметив подошедшую к ограде Сьюзен, он повернул коня и легким галопом направился к ней; еще не объезженный жеребец при виде девушки в белом платье сердито заржал, шарахнулся в сторону и взвился на дыбы, затем завертелся, вскидывая круп и брыкаясь. Кое-как его усмирив, Том спешился, передал поводья конюху и подошел к кухне, чтобы узнать, что ей надобно.

— Не слишком ли норовист твой жеребец, Том? — взволнованно воскликнула Сьюзен. — Я видела, как он укусил конюха Джона и пытался лягнуть тебя.

— Ах, оставь, кухня Сью! Не рассуждай о вещах, превосходящих твои понятия, и предоставь мне распоряжаться моими лошадьми. Помилуй, я не вижу у Фараона ни малейшего изъяна. Он игрив, горяч, не прочь пошалить, только и всего. К сентябрю из него выйдет превосходная лошадь для охоты; к тому времени я покажу ему, кто здесь хозяин, и отучу от всяческих глупостей.

Сьюзен благоразумно воздержалась от дальнейших замечаний о повадках Фараона и, вручив кузену письмо Уильяма, осведомилась, не станет ли Том возражать против приезда ее брата. Но Том и не думал протестовать, лицо его просветлело.

— Кузен Уильям? Превосходно! Я не видел его целую вечность. Он чудный малый. Произведен в капитаны? Прекрасная новость; надо думать, в самом скором времени он сделается адмиралом и вознесется много выше нас, бедных обитателей мэнсфилдского захолустья. Конечно, кухня, скорее напиши к нему, пусть поскорее приезжает и остается

здесь, сколько ему вздумается. И вот еще что... если бы он смог приехать до четверга, то отправился бы вместе с нами в Стэнби-Кросс и в Истон-Вуд. Твой брат — отличный наездник; помню, в прошлый свой приезд он отменно вышколил моего вороного Султана; Уильям мог бы взять себе моего чистокровного жеребца, а я поскакал бы на Фараоне.

Сьюзен усомнилась в разумности подобного плана, что тотчас отразилось на лице ее, однако ей хватило осмотрительности промолчать. Том же продолжал размышлять вслух:

— Кстати сказать, я тут подумал, неплохо было бы устроить бал в Мэнсфилде; не слишком пышный, знаешь ли, никакой вычурности — в нынешних обстоятельствах это было бы неуместно. Я слышал, будто Тейлор, которого я взял вторым лесничим, преотлично играет на скрипке; мы без труда могли бы набрать пять или шесть пар из числа ближайших соседей и побаловать себя танцами. Что скажешь, кузина? Можно пригласить Оливеров и Монфоров; думаю, Уодем с сестрой тоже согласятся прийти; она, конечно, стара для таких развлечений, но пастор наверняка танцует не хуже любого другого; будем мы с тобой и Мэддоксы с мисс Харли... Ну как тебе нравится мой план?

Мысль о бале увлекла Сьюзен чрезвычайно, ей не доводилось прежде бывать на балах; хотя Том временами посещал нортгемптонские балы, он ни разу не подумал взять с собой кузину, да и тетушка никак не смогла бы обойтись без нее; в последние годы сэр Томас и леди Бертрам вели жизнь тихую и уединенную, так что в Мэнсфилде подобные увеселения не были заведены. Опомнившись, Сьюзен с сомнением проговорила:

— Ты полагаешь, это будет правильно, кузен? Так скоро после смерти дяди?

— Скоро? По-твоему, скоро? Отец умер в марте, а нынче почти июнь. Господь с тобой, Сьюзен! Что тут такого, если мы немного развеемся? На мой взгляд, трех месяцев вполне довольно, чтобы отдать дань уважения покойному. Я, как и всякий почтительный сын, любил отца, но невозможно до конца дней своих ходить со скорбным лицом.

— Миссис Йейтс, возможно, станет возражать, ведь прошло не так много времени.

— Джулия? Да пусть себе ерепенится, сколько ей вздумается! В последнее время она постоянно брюзжит, рассуждает о приличиях, о том, что подобает, а что нет; а все потому, что вечно с ней рядом эта блеклая Шарлотта Йейтс. Можно ли поверить, что сама Джулия некогда оказалась способна на величайшее безрассудство? Меня несколько не заботит, что скажет она. Какая досада, что на балу придется терпеть ее присутствие. Уверен, она не упустит случая и станет весь вечер навязывать мне мисс Йейтс, потребует, чтобы я танцевал с ней; о, я слишком хорошо знаю, что у моей сестрицы на уме. Однако ее ждет разочарование, ибо у меня совершенно иные виды на будущее. Я сделаю предложение мисс Харли в ноябре; собственно, я заявил бы о своих намерениях прямо сейчас (когда джентльмен помолвлен, он может не беспокоиться, что его станут осаждать увядающие назойливые девицы, жаждущие во что бы то ни стало заполучить себе мужа), но я пока не желаю связывать себя семейными узами, по крайней мере до Рождества.

— Почему до Рождества? — спросила Сьюзен, чувствуя легкую обиду за мисс Харли. Отчего это Том столь самонадеянно убежден, будто Луиза готова терпеливо дожидаться, когда он надумает остановить на ней свой выбор?

— Да кто же станет обременять себя брачными обязательствами в самом начале охотничьего сезона? Ничего ужаснее и вообразить невозможно! Ты только представь, я сделаю предложение, а она его примет, и так далее, и тому подобное, а затем нам придется отправиться в омерзительное свадебное путешествие в Париж, во Флоренцию, в Рим или в еще какой-нибудь захудалый заграничный городишко, и как раз в ту пору, когда начнется

охота на лисят. Нет, это никуда не годится. Подобное безобразие кого угодно отвратит от самой мысли о женитьбе.

— Ты мог бы сделать предложение в ближайшее время, жениться в июле, незамедлительно отправиться во Флоренцию и вернуться в Мэнсфилд как раз к началу охоты на лисят, — предложила Сьюзен.

— Довольно, кузина! Позволь-ка мне самому решать свои дела. Не хватало только, чтобы еще и ты вмешивалась, — мне предостаточно хлопот подобного рода с Джулией. Я не желаю потратить все лето на составление списков гостей, неизбежные в таких случаях утомительные распоряжения и наводящие тоску приготовления к свадьбе.

Сьюзен пожалела, что миссис Йейтс не слышит рассуждений своего брата, — это, пожалуй, охладило бы пыл, с которым та старалась устроить брачный союз Тома и Шарлотты. В последнее время погода стояла ясная и сухая, а потому коляску Джулии можно было видеть в Мэнсфилде почти каждый день; миссис Йейтс с Шарлоттой сидели возле леди Бертрам или бродили по саду в поисках Тома. Единственная выгода, которую могла извлечь из этого Сьюзен, заключалась в том, что иногда ей удавалось оставить леди Бертрам в обществе дочери и, проскользнув через парк, навестить мисс Крофорд.

Одно возражение против затеи Тома с балом Сьюзен так и не высказала, зная, что этим лишь приведет кузена в ярость, однако ее не оставляло тягостное чувство вины; она сознавала всю неправильность, едва ли не греховность предстоящего увеселения, сулящего множество радостей и забав, ибо совсем рядом страдала та, что некогда царила в светских салонах, находя особое удовольствие в шумных и пышных празднествах. Разительный контраст этот был жестоким, слишком жестоким. Помышляя об атласных туфельках и украшенных блестками лентах, Сьюзен чувствовала себя изменницей, жалкой предательницей.

Поглощенная этими мыслями, она отворила калитку, ведущую из Мэнсфилд-Парка прямо в сад позади Уайт-Хауса, — близко сойдясь с обитателями дома, она пользовалась теперь коротким путем.

В саду, к своему удивлению, она обнаружила мистера Уодема, собиравшего букет из гвоздик различных сортов.

— Нет, — сказал он с улыбкой, поприветствовав Сьюзен, — мисс Прайс, вы не застигли меня врасплох за воровством цветов из соседского сада, и я не надеюсь снискать расположение хозяйки, преподнеся ей букет, сорванный в ее же цветнике. Больная сама отослала меня с поручением, пока доктор Фелтем ее осматривает. Мисс Крофорд захотелось вдохнуть аромат душистой гвоздики, и она поручила мне срезать несколько цветков.

— Я и не думала подозревать вас в таких ужасных вещах, — улыбаясь, отвечала Сьюзен. — Но скажите мне, как вы находите мисс Крофорд? Не стало ли ей лучше?

— Она объявила, что желает сойти вниз на будущей неделе; ей страстно хочется выйти из дома и посидеть в саду. Однако... — Мистер Уодем вздохнул, сокрушенно качая головой. — Нет, мисс Прайс, нам не следует обманываться. Я повидал слишком много больных на своем веку, чтобы ошибиться, то же говорит и Элинора. С каждым днем бедняжка мисс Крофорд угасает, становится все слабее. Ужасно, поистине ужасно видеть, как отчаянно сражается с недугом эта жизнелюбивая, сильная духом женщина.

— Вы полагаете, она цепляется за жизнь? — с сомнением спросила Сьюзен. — Я так не думаю. Кажется, единственное ее желание — вновь увидеть Фанни и Эдмунда; если это страстное стремление осуществится, уверена, она с легкой душой уйдет из жизни.

— И все же мисс Крофорд выказывает необычайно живой интерес к повседневным делам. Она с искренним участием расспрашивала меня о моих прихожанах, об их жите-бытье. Сестрица моя Элинор говорит то же самое, Мэри готова часами слушать ее рассказы. Вы, должно быть, удивлены, что я обращаюсь к ней запросто, по имени, при столь недолгом знакомстве, но мисс Крофорд настойчиво просила об этом нас с Элинор; вдобавок мы с сестрой навещаем Мэри так часто, что уже чувствуем себя ее старыми друзьями. Мне кажется, Элинор проводит в Уайт-Хаусе большую часть дня; она навещается сюда перед завтраком, а затем снова и снова — уж не знаю, сколько раз до самого вечера.

— Великое счастье, что у Мэри Крофорд такие соседи, — проговорила Сьюзен со слезами на глазах.

— Ей повезло и в том, что рядом с ней вы, мисс Прайс. Я знаю, заботы о леди Бертрам почти не оставляют вам свободного времени, однако при первой же возможности вы стремитесь навестить больную в Уайт-Хаусе. Мне также известно, сколь высоко ценит вас Мэри, почитая своей нежной сестрой. Наверное, счастливое озарение свыше привело ее в Мэнсфилд. Возможно, путешествие и изнурило мисс Крофорд, усугубив телесный недуг, но едва ли серьезно сказалось на ее состоянии. Мне представляется, что здесь, даже в отсутствие вашей сестры и зятя, Мэри обрела душевный покой и изумительную легкость духа, — вот истинное чудо.

— Я рада это слышать, — отозвалась Сьюзен. — Мне невыносимо было думать, какое жестокое разочарование испытала бедняжка, прибыв в Мэнсфилд и не найдя здесь тех, к кому так страстно стремилось ее сердце. Я боялась, что пережитое огорчение подтачивает силы мисс Крофорд и оттого желанного исцеления не происходит. Это чрезвычайно меня тревожит! — воскликнула девушка, без всякого жеманства вытирая слезы. — Я успела искренне привязаться к Мэри. Вначале мне казалось, что у нас с ней не может быть ничего общего — мисс Крофорд привыкла блистать в светских гостиных, и... вдобавок в прошлом моя сестра порой находила ее несколько суетной, отмечая, что та, кажется, излишне много думает о материальной выгоде, о деньгах и о высоком положении. Но я не замечаю ничего подобного.

— Думаю, в самом деле, с тех пор как Мэри приехала в Мэнсфилд, она совершенно переменилась, и с каждым днем перемена эта все заметнее, — согласился мистер Уодем. — Поистине она натура редкая, исключительная; я благодарен судьбе за то, что мне довелось свести знакомство с ней.

При этих словах тонкое лицо пастора озарилось таким восторгом и нежностью, что у Сьюзен невольно сжалось сердце. И словно молния, ее встревоженную душу пронзила внезапная мысль: «Он любит Мэри!» Мистер Уодем любит мисс Крофорд! Какая ужасная трагедия! Девушка замолчала, не в силах произнести ни слова, горло ее болезненно сжалось, к глазам подступили слезы. В эту минуту послышались шаги спускавшегося по лестнице доктора, и Сьюзен с мистером Уодемом повернулись к дверям.

Доктор Фелтем не смог сказать ничего утешительного. Он предписал больной принимать различные снадобья, которые помогут облегчить ее страдания, но не исцелят сам недуг.

— Все зависит от способности мисс Крофорд противостоять болезни, — вынес он свой вердикт. — Сколько ей осталось, сказать трудно. Возможно, два месяца, а может быть, меньше. Точнее оценить не берусь — наше знакомство с этой дамой не столь давнее, чтобы я взял на себя смелость судить о ее характере и крепости духа.

— Вы думаете, нам следует послать за ее братом? — нерешительно осведомился мистер Уодем. — Вопрос этот чрезвычайно беспокоит мою сестру. Сама мисс Крофорд настроена против подобной меры. «Это лишь напугает его, бедненького, — твердит она. — Да и к чему вызывать Генри? Я превосходно обхожусь без него; вокруг меня столько добрых друзей, что я ни в чем не нуждаюсь. Если послать за моим братом, тот в ужасе примчится в Нортгемптоншир, убежденный, будто я нахожусь на пороге смерти. Тогда как на самом деле — ничего подобного!» Но как полагаете вы, доктор? Страшно даже помыслить, что бы вышло, если бы мы не известили мистера Крофорда... а худшее случилось, когда его не было рядом. Мы никогда бы себе этого не простили. Как я понимаю, мистер Крофорд — преданный брат, нежно привязанный к своей сестре. Но в то же время мы не хотели бы напрасно его тревожить.

— Думаю, лучше будет послать за ним, — заключил доктор после короткого раздумья. — Вреда от этого не будет, а присутствие близкого человека, возможно, поможет больной преодолеть растущую слабость. — С этими словами доктор Фелтем откланялся.

Мистер Уодем проводил Сьюзен наверх, но сам задержался буквально на минуту, для того только, чтобы вручить мисс Крофорд букет и передать весточку от своей сестры, занятой в пасторате приготовлением аррорута^[4], который она собиралась принести больной немного позднее. Затем он покинул Уайт-Хаус, послав Сьюзен прощальный взгляд, исполненный особого значения, который та расценила как обещание, что сам пастор или миссис Осборн возьмут на себя труд написать Генри Крофорду.

— Вот поистине замечательный человек! — воскликнула Мэри, как только мистер Уодем ушел. — Его избраннице можно лишь позавидовать. О чем вы только думаете, Сьюзен? Отчего не ухватитесь за этот счастливый случай устроить свою судьбу?

Однако, заметив, что ее шутливый тон не созвучен настроению Сьюзен, Мэри тотчас умолкла и с величайшим вниманием и неподдельным интересом принялась слушать новости из усадьбы, касающиеся главным образом предстоящего приезда Уильяма.

— Он был таким милым, прелестным юношей. — Мэри хорошо помнила старшего брата Сьюзен. — Как счастливы они были с Фанни в обществе друг друга. Сердце радовалось, когда я видела их. Генри тоже искренне привязался к Уильяму; он одолжил ему лошадь для охоты и составил самое высокое мнение о его умении ездить верхом. Они вместе отправились в Лондон, и позднее Генри с восторгом отзывался о скромном нраве, рассудительности и благоразумии Уильяма. Так, значит, теперь он произведен в капитаны? Чудесно! И вскорости приедет в Мэнсфилд? Какая радость для Сьюзен! — Мэри склонялась к мысли написать Генри, сообщить радостную новость, чтобы тот приехал повидаться с Уильямом и задержался в Мэнсфилде на несколько дней.

— Почему бы так и не сделать, не откладывая? — подхватила эту мысль Сьюзен, обрадованная возможностью избавить мистера Уодема от тягостной повинности писать послание, которое скорее всего немало напугает мистера Крофорда. — Если вы находите чересчур утомительным писать самой, я с радостью напишу под вашу диктовку, а внизу вы поставите свою подпись. Как вам нравится такой план?

— О, если я уже не в состоянии сама писать письма, мой бедный милый Генри придет в ужас! Я привыкла отправлять ему длиннющие послания, на которые он, разумеется, обычно отвечает лишь парой коротких строк. «Дорогая Мэри, я получил твое письмо. В Эверингеме все по-старому. Буду у тебя одиннадцатого. Искренне твой». Вот и все.

Однако после недолгих уговоров Мэри в конце концов согласилась позволить Сьюзен

написать за нее письмо.

— Мне постоянно доводится писать письма под диктовку тетушки, — пояснила Сьюзен. — Так что для меня это дело привычное.

И вот письмо было завершено, притом в конце, по настоянию Мэри, появилась приписка: «Получением этого изящно написанного послания ты обязан любезности дорогого друга, с которым вас некогда свел случай, давным-давно, в далеком прошлом; надеюсь, ты встретишься с ней вновь в самом скором времени, уступив желанию сестры видеть тебя здесь».

— Ну вот! Довольно добавить лишь капельку таинственности, чтобы Генри поспешил явиться сюда. А теперь расскажите мне скорее о Томе, о его ухаживаниях за мисс Харли и о бесплодных попытках Шарлотты Йейтс обратить на себя внимание. Но сначала ответьте, отчего вы ни разу не привели ко мне мою маленькую тезку? Неужели я так ее и не увижу?

В ответ Сьюзен призналась, что привела с собой малютку Мэри, но оставила ее играть в саду, опасаясь, что присутствие ребенка может утомить больную.

— Утомить? Совсем напротив! Умоляю, пошлите за ней незамедлительно! — в восхищении воскликнула мисс Крофорд. — Да скажите Трантер, чтобы принесла сюда пирожные и фрукты. Милый ангелочек! Мне так давно не терпится ее увидеть!

Страхи Сьюзен оказались напрасными — мисс Крофорд и Мэри прекрасно поладили. Поначалу малышка немного робела в обществе знатной дамы, окутанной муслином и газом, но ласковое, приветливое обращение леди довольно скоро помогло девочке побороть застенчивость. Все туалетные принадлежности мисс Крофорд — серебряные, черного дерева и слоновой кости, черепаховые и хрустальные — полны были неизъяснимой притягательной силы, завораживавшей крошку Мэри. Сьюзен, смеясь, уверяла, что могла бы оставить племянницу в Уайт-Хаусе на весь день: малютка с благоговением разглядывала чудесные вещицы, бережно прикасалась к ним, приносила посмотреть даме, лежавшей в кровати, а затем осторожно возвращала на место.

— Дитя Фанни! — шептала Мэри Крофорд со слезами на глазах. — Дитя Эдмунда! Я узнаю их обоих в каждой черте ее прелестного личика.

— Я приведу ее завтра снова.

— Чудесная малышка. Пожалуйста, приходите вдвоем! Играя с ней, я будто вновь возвращаюсь в детство, и яркие картины прошлого проплывают перед моими глазами — до сих пор мне вспоминались лишь прописи да надоедливые крючочки и палочки.

Когда гости собрались уходить, мисс Крофорд послала им воздушный поцелуй. Возвратившись домой, Сьюзен послала записку в пасторат с известием, что писать мистеру Крофорду нет надобности, поскольку Мэри написала ему сама.

По тем или иным причинам поездку в Стэнби-Кросс и в Истон-Вуд откладывали несколько раз. Вначале маленького Томми Йейтса пришлось возить в Нортгемптон, дабы удалить больной зуб, в последующие дни мальчику нездоровилось, и любящая матушка не решалась отойти от его постели; затем одна из упряжных лошадей Мэддоксов вдруг охромела, а с коляской мистера Уодема приключилась неприятность — треснуло колесо; и наконец, весьма огорчительные, но необходимые встречи с членами приходского совета и суда несколько дней не позволяли Тому и мистеру Уодему предаться долгожданному удовольствию.

Тем временем, однако, в Мэнсфилде всю готовились к предстоящему танцевальному вечеру, назначив для этого день в конце следующей недели. Том разъезжал по округе, раздавая приглашения соседям; леди Бертрам, хоть и с некоторым опозданием, оповестили о готовящемся увеселении; возражений с ее стороны не последовало (разумеется, никто не ожидал, что сама почтенная дама примет деятельное участие в празднестве). Сьюзен распорядилась, чтобы из салона убрали мебель, а полы натерли воском; лесничему, обученному игре на скрипке, было наказано неустанно упражняться, повторяя деревенские танцевальные мелодии, вдобавок неожиданно ему сыскался товарищ, флейтист. Джулия, конечно же, довольно скоро прознала о замыслах Тома касательно бала и тотчас почувствовала себя обиженной, оттого что с ней не посоветовались; однако мало-помалу жалобы ее на неуместность подобных развлечений, когда со дня кончины сэра Томаса прошло столь мало времени, утихли: миссис Йейтс увлеклась мыслью свести ближе Шарлотту и Тома, благо танцы способствуют сближению как нельзя лучше; впрочем, впоследствии, обнаружив в числе приглашенных Мэддоксов и мисс Харли, она вновь пришла в величайшее раздражение и измучила Сьюзен бесконечными придирками и замечаниями, как надобно устроить празднество.

«В былые дни мы всегда распоряжались именно так; балы в Мэнсфилде никогда не устраивались эдаким манером», — недовольно твердила она.

— Моя сестрица Джулия с каждым днем все больше становится похожа на тетушку Норрис; клянусь, это какое-то наваждение, — проворчал Том, развалившись в кресле как-то вечером, когда Джулия после необычайно долгого обсуждения деталей бала покинула наконец дом. — Она вечно встревает в чужие дела и ведет себя так, будто все кругом обязаны следовать ее указаниям и потакать ее капризам. Ее назойливость переходит все границы. Я начинаю жалеть, что они с Йейтсом поселились по соседству с нами. Вот если бы она вышла за Рашуота и обосновалась в Созертоне, в двадцати милях отсюда, нам, верно, не приходилось бы выслушивать ее докучливые советы и пожелания по десять раз на дню. Кстати сказать, Сьюзен, раз уж речь зашла о Рашуоте, — добавил Том, понизив голос и опасливо покосившись на свою матушку, сладко дремавшую на диване чуть поодаль, — я слышал, будто моя сестра Мария вознамерилась вновь выйти замуж.

— В самом деле? Откуда же ты об этом узнал?

— Мне рассказал один приятель по имени Брукс, с которым я был дружен в Оксфорде; теперь он заседает в парламенте и владеет домом на Хэнскресент; он пишет, что о помолвке уже открыто говорят в Лондоне, брак Марии считается делом решенным, моя сестрица превосходно устроила свои дела.

— И кто же ее избранник?

— Говорят, этот счастливец — Рейвеншо; будем надеяться, что у него, не в пример бедняге Ращуоту, достанет твердости, чтобы держать жену в узде.

— Достопочтенный лорд Рейвеншо, бывший член кабинета? — с сомнением спросила Сьюзен.

— Ну да, тот самый; я немало удивлен, что ты слышала о нем, кузина. Не знал, что ты читаешь газеты.

— Разве не с ним был связан какой-то скандал в правительстве? Речь шла о мошенничестве, о создании фиктивных компаний или о чем-то в этом роде.

— Ох, не думаю, что прегрешения его столь ужасны; во всяком случае, он отделался всего лишь гневной отповедью главного судьи, вина его так и не была доказана. Зато Рейвеншо богат, как Крез, Мария будет ходить в шелках да бархате до конца своих дней. Ей это подойдет как нельзя лучше.

— Однако, кажется, ему пришлось оставить министерский пост и подать в отставку?

— Ну и что с того? В конце концов, Мария тоже не святая. А жених ее носит графский титул.

— Но он страх какой старый! Ему ведь за семьдесят, верно? А Марии всего двадцать семь!

— Полно, полно, кузина, тебя послушать, так никому в целом свете не надобно жениться. Ты не в меру разборчива, мне искренне жаль того беднягу, который когда-нибудь попросит твоей руки. Ты наверняка отыщешь в нем несметное множество изъянов.

Том внезапно осекся, ему неожиданно пришло в голову, что если Сьюзен вдруг вздумается выйти замуж, то хозяйство в Мэнсфилде лишится даровой и весьма опытной управительницы, ведущей дела чрезвычайно ловко, без излишней суетливости, не привлекая к себе внимания и вместе с тем никого не ущемляя.

Однако затем он с облегчением припомнил, что в ноябре собрался сделать предложение Луизе Харли, а стало быть, в декабре будет уже женат. Луиза превосходно справится с новой ролью; возможно, в умении вести хозяйство она пока уступает Сьюзен, но подобные навыки приходят с опытом, пройдет немного времени, и она освоится; зато мисс Харли обладает мягким, покладистым нравом, понятливостью, замечательной легкостью характера и природной веселостью.

— Есть ли известия от моего кузена Уильяма? — благодушно поинтересовался Том. — Когда нам его ждать?

— Завтра, кузен Том! — Глаза Сьюзен радостно блеснули. — Он пишет, что приедет вместе с другом, капитаном Сартоном; этот джентльмен намерен остановиться в гостинице «Георг», чтобы не доставлять нам неудобства.

— Полно, вот еще глупости, кузина! В этом нет нужды. Он может поселиться у нас.

— Уильям не хотел бы злоупотреблять твоей добротой, кузен; думаю, он поступает правильно.

— Ну-ну, посмотрим. Если капитан Сартон человек воспитанный, любезный в обращении... Кстати, Уодем, помнится, говорил, будто за Генри Крофордом послали или собираются послать, оттого что здоровье его сестрицы очень плохо; неужели это и вправду так? Она действительно столь серьезно больна, как говорят?

Сьюзен не хотелось обсуждать нездоровье мисс Крофорд с Томом, решительно не желавшим иметь касательство к Мэри или к Уайт-Хаусу. Она ограничилась уклончивым

ответом:

— Мисс Крофорд сама отослала брату записку с просьбой приехать, ей не хватает его общества. Я не нахожу в этом ничего удивительного, ведь и меня, пребывающую в добром здравии, мысль о скором приезде моего брата воодушевляет необычайно.

— Уверен, это не более чем хитрая уловка, — сурово заключил Том. — Интриганка прослышала о готовящемся бале и надеется, что Крофорд, будучи в Мэнсфилде, найдет способ попасть в число приглашенных.

Сьюзен, до сей минуты слушавшая кузена вполне миролюбиво, поспешно прикусила язык, чтобы не сказать сгоряча какую-нибудь резкость.

Наконец настал долгожданный день встречи Уильяма с сестрой и праздника в Мэнсфилде. За завтраком Сьюзен невольно вздохнула, вспомнив о Фанни и Эдмунде, которых судьба забросила так далеко от Нортгемптоншира. Фанни не раз рассказывала сестре о знаменательном бале в Мэнсфилде, когда она танцевала с кузеном Эдмундом: «И хотя, принимая приглашение на танец, я была совершенно счастлива, меня не оставляла горькая мысль, что надеяться не на что, ибо Эдмунд страстно влюблен в Мэри Крофорд». Кто мог тогда предугадать, что события примут столь неожиданный поворот? Уж конечно, не восемнадцатилетняя Фанни Прайс!

Днем немало хлопот наделало внезапное решение Тома перенести в салон фортепьяно, хотя было доподлинно известно, что играет на нем одна лишь Джулия; вдобавок Сьюзен пришлось увещевать кухарку, занятую выпечкой пирожных, и искать оставленную невесть где любимую вечернюю шаль леди Бертрам; однако, несмотря на все эти волнения, она сумела улучшить несколько минут и посетить Уайт-Хаус.

Она нашла мисс Крофорд внизу; та сидела в кресле, необычайно довольная этой приятной переменой. Плачевное состояние ее едва ли оправдывало подобный поступок, но пребывание в другой комнате, в ином наряде — в платье, в туфлях и с завитыми волосами — заставило Мэри, по ее собственному признанию, «почувствовать себя наконец представительницей рода человеческого».

Сьюзен от всего сердца поздравила больную, но втайне огорчилась при виде ее тонких, потускневших волос, бывших, наверное, когда-то черными и блестящими; несмотря на все старания искусной горничной, эти блеклые волосы выдавали истинное положение Мэри. От внимания Сьюзен не укрылось, что мисс Крофорд мучают постоянные боли в спине; бедняжка меняла позу, пытаясь устроиться поудобнее, но не находила покоя.

— В усадьбе есть полотняная опора для спины, — вдруг вспомнила Сьюзен. — Ее сделали давным-давно для Тома, когда тот лежал в лихорадке, и он считал ее весьма удобной. Я уверена, миссис Уиттемор знает, где ее искать. Я попрошу ее найти опору и отошлю вам эту вещицу.

— О, моя дорогая Сьюзен, умоляю, не беспокойтесь! Это так похоже на вас — предложить помощь, вы всегда необычайно внимательны и чутки! Но у вас и без меня довольно забот. Я в самом деле удивлена, что вы нашли время навестить меня сегодня. Разве не нынче вечером ожидается бал?

Сьюзен в который раз лишь ошеломленно развела руками: поистине невозможно сохранить тайну в деревне; она условилась с мистером Уодемом и миссис Осборн не говорить мисс Крофорд о бале, опасаясь причинить ей боль упоминанием о недоступном для нее празднестве, и вот, представьте, — Мэри все известно!

— Трантер, моя горничная, узнала новость от почтальона, — с улыбкой раскрыла источник своей осведомленности мисс Крофорд, увидев выражение лица Сьюзен. — Как я понимаю, мои добрые друзья отказывают мне в здравомыслии, полагая, будто я стану визжать, топя ногами, и швырну на пол тарелку с овсянкой оттого лишь, что меня не пригласили на вечер. Но, уверяю вас, это вовсе не так. Надеюсь, вы не пропустите ни одного танца, милая Сьюзен; не могу дождаться завтрашнего дня, так мне не терпится услышать ваш подробный рассказ о каждом танце; вы поведаете мне, как были одеты дамы, кто с кем сидел, кто с кем танцевал, сделал ли Том Бертрам предложение мисс Харли или же предпочел мисс Йейтс, показал ли себя мистер Уодем хорошим танцором. И я потребую точности в мелочах, так и знайте; Элинор Осборн также представит мне свой отчет, столь же достоверный (за исключением разве что последнего предмета), так что я смогу сравнить ее историю с вашей. — Сьюзен, смеясь, пообещала дать самое правдивое описание предстоящего события. — А что вы наденете? — живо осведомилась мисс Крофорд и со вздохом добавила: — Ох, кажется, прошла целая вечность с тех пор, как ваша сестра так же точно пришла ко мне накануне бала в Мэнсфилде. Я смогла уверить Фанни, будто цепочка, которую купил для нее Генри, — одна из моих старых, ну не ужасно ли это? Но иначе она ни за что не приняла бы эту вещицу. Милая, милая Фанни, как давно, безумно давно виделись мы с вами в последний раз!

На мгновение лицо Мэри омрачилось, затем, стряхнув задумчивость, она снова спросила, какой наряд выбрала Сьюзен для бала.

— Ну... у меня нет бального платья или одежды, подходящей для подобного торжества. Лучшее мое платье — то, что сэр Томас подарил мне по случаю свадьбы Фанни. К счастью, оно до сих пор мне впору; правда, я немного выросла за эти годы, но мне удалось удлинить юбку. В конце концов, нынешний бал не столь уж пышное празднество.

Мисс Крофорд, устремив взгляд в потолок, всплеснула руками.

— Боже милостивый, да эти Бертрамы ужасные скряги! Неужели вашей тетушке ни разу не пришло в голову, что вам необходимо новое платье или немного денег на его покупку? А о чем думает ваш кузен Том?

— О, если бы я сказала, что нуждаюсь в платье, то мне, несомненно, выдали бы деньги, но я ведь не выезжаю, а значит, наряды мне не надобны.

— Кошмар! Сущий кошмар! Должно быть, они ждут, что вы станете ходить в рубище, посыпая голову пеплом. Что ж, к сожалению, я не могу дать вам свое платье, как бы мне того ни хотелось, ведь вы выше меня на целую голову, но у меня есть прелестный пустячок, который, надеюсь, вы примете... — С этими словами Мэри развернула китайскую шелковую бумагу и достала изящную шляпку тончайшей работы, сплетенную из золотистых нитей. — Она не нова, и, боюсь, фасон не самой последней моды, но шляпку ни разу не надевали, и я надеюсь, вы окажете мне любезность — возьмете ее. В ней с вашей длинной шеей и миндалевидными карими глазами вы будете походить на Лукрецию Борджиа, а подобное сходство сулит немалые выгоды любой молодой девушке на балу. Быть может, Том Бертрам будет так ошеломлен, что, забыв мисс Йейтс и мисс Харли, незамедлительно попросит вашей руки.

— Если ваша шляпка способна на такое, то это, верно, шляпа Фортуната^[5]! — со смехом ответила Сьюзен. — Но даже будь она и впрямь волшебной, ей нипочем не заставить меня принять предложение кузена Тома. Однако если говорить серьезно...

— Довольно! Оставьте! Я не приму никаких «серьезных» отговорок! — Мэри в

притворном гневе закрыла уши руками. — Прошу вас, возьмите шляпку и покончим с этим. Сама я никогда не стану носить снова подобную чепуху, и мне нравится думать, что вы будете танцевать в ней буланже.

— В таком случае я ее надену, и благодарю вас от всего сердца за теплую заботу обо мне. Пришли ли известия о вашем брате? Вы ожидаете его?

— Нет и да. Никаких известий я не получала, но это так похоже на Генри. Через день-другой он войдет в дверь, не потрудившись доложить о себе, так что я нахожу удовольствие в постоянном ожидании. А ваш брат, помнится, приезжает сегодня; должно быть, вы совершенно счастливы.

Взгляд и улыбка Сьюзен подтвердили догадку мисс Крофорд.

— И Уильям привезет с собой друга, капитана Сартона, он остановится в «Георге».

— Какая удача! Так к вам на бал явится романтический незнакомец; все юные леди будут околдованы его неотразимой красотой и загадочным блеском глаз, но их ожидает разочарование, ибо при виде вас одной он замрет в восхищении, уронив на пол перчатки. — Мисс Крофорд на мгновение задумалась. — Сартон? Кажется, мой брат водил дружбу с джентльменом, носившим это имя; его отец был некогда закадычным приятелем моего дяди адмирала. Любопытно, не тот ли самый это Сартон? Весьма достойный молодой человек, с безупречной репутацией и довольно скромный, насколько мне помнится. Я буду рада принять его у себя, если он и впрямь тот, о ком я думаю.

Вскоре Сьюзен покинула Уайт-Хаус и вернулась в усадьбу, чтобы в четвертый раз обсудить с Томом, где лучше поставить фортепьяно, а также найти потерянную шаль леди Бертрам и разубедить кухарку, решившую, будто для устроенного наскоро приема трех блюд с пирожными будет довольно.

Чуть только наступили сумерки, Уильям спрыгнул с подножки почтовой кареты, представ во всем блеске мужественной красоты — в новеньком капитанском мундире, с офицерской бородкой. Поначалу Сьюзен с трудом его узнала из-за бронзового загара и изменившейся наружности: он стал полнее, солиднее, раздался в плечах и казался теперь сильным зрелым мужчиной. Однако, как скоро обнаружилось, за внешней суровостью и великолепием его нового облика скрывался все тот же живой, веселый, добродушный круглолицый Уильям, и полчаса спустя вся робость и неуверенность Сьюзен развеялись как дым.

Но беседа брата с сестрой оказалась недолгой, они едва успели обменяться первыми «А помнишь?..», «Когда мы в последний раз?..» и «А как там наш?..», как настало время одеваться к обеду.

В числе гостей были также Джулия, ее супруг и Шарлотта; Джон Йейтс обращался с Уильямом сердечно и дружелюбно, так что в самом скором времени мужчины завели разговор о лошадях, рыбной ловле и охоте, уделив особое внимание рассказам Уильяма о Пиренейском полуострове, где ему довелось сойти на берег. Обе гостьи держались с Уильямом холодно, неучтиво (мог ли рассчитывать на иное обхождение простой капитан, живущий на одно лишь жалованье в ожидании наградных?); но тот, опьяненный долгожданным возвращением в Мэнсфилд и предвкушением бала, этого не замечал. На обеде присутствовали и Уодем с сестрой, выказавшие Уильяму самое искреннее дружеское расположение, после того как Сьюзен с гордостью представила его своим друзьям: «Мой брат, капитан Прайс». Миссис Осборн с увлечением расспрашивала Уильяма о кораблях и

морских офицерах, многих из которых она знала, взгляд ее сверкающих глаз и добрая улыбка выражали похвалу и одобрение; пастор тоже с живостью поддерживал беседу: как оказалось, в прошлом корабль Уильяма заходил в порты Ост-Индии, хорошо знакомые мистеру Уодему. Сьюзен с сияющим от радости лицом слушала их оживленный разговор.

Полчаса, прошедшие после обеда, были наполнены скукой и нетерпением; леди Бертрам зевала в гостиной, миссис Йейтс с Шарлоттой о чем-то перешептывались, а миссис Осборн делилась со Сьюзен своими горестными мыслями о состоянии здоровья Мэри Крофорд. Джулия воспользовалась представившимся случаем, чтобы выказать решительное недоумение и негодование: как Тому могло прийти в голову, будто она захочет играть на фортепьяно для танцующих? Нет, это просто невысказано!

— Что? Барабанить по клавишам не переставая, пока другие будут танцевать? Благодарю покорно! Какая жалость, что тебя не обучали игре на фортепьяно, кузина Сьюзен, — с презрительной усмешкой проговорила миссис Йейтс. — Но, полагаю, в Портсмуте не так-то легко найти инструмент.

Сьюзен спокойно подтвердила слова кузины, добавив:

— К тому же наш домик слишком мал; право, не знаю, где можно было бы поставить фортепьяно, разве что в погребе.

В ответ на это замечание глаза миссис Осборн лукаво блеснули.

— Боюсь, и от меня вам будет мало проку, мисс Прайс, по той же причине: ни одна из кают моего мужа не была достаточно просторной, чтобы вместить рояль или хотя бы спинет, а потому после замужества все мое пристрастие к музыке, весьма сильное, уверяю вас, пришлось держать взаперти, под тремя замками, где оно по сей день и пребывает.

Вслед за этим Шарлотта и Джулия завели нескончаемый разговор о музыке, композиторах и музыкальных произведениях, а также о великой роли музыкального искусства в обществе и о том, сколь важно для леди ежедневно упражняться в игре на фортепьяно или на арфе, совершенствуя свое мастерство.

— А что друг вашего брата, мисс Прайс? — спросила миссис Осборн. — Верно ли я поняла, что он приехал в Нортгемптоншир вместе с капитаном Прайсом? Разве он не будет здесь нынче вечером?

— Да-да, капитан Сартон прибыл вместе с Уильямом и остановился в «Георге». Ему не хотелось доставлять нам беспокойство, ведь он незнаком с моей тетей и кузеном. Однако кузен Том весьма любезно отправил капитану записку в «Георг» с приглашением присоединиться к нам.

К счастью, разговор был прерван шумом подъезжающих экипажей и звоном дверного колокольчика. Гости начали собираться вокруг большого камина в салоне, слышались звуки скрипки, и Сьюзен почувствовала нетерпеливое покалывание в пальцах ног — так ей захотелось танцевать.

Составились пары для первого танца; Том нанес сестре и ее милому другу Шарлотте смертельную обиду, пригласив открыть бал мисс Харли, а не мисс Йейтс; впрочем, кавалером последней стал добрейший мистер Уодем, который тотчас завел с ней оживленный разговор, так что ее досада оказалась скрыта от посторонних глаз. Уильям повел танцевать Сьюзен, Джулию ангажировал старший из братьев Мэддокс, тогда как другой брат пригласил мисс Марию Стэнли, одну из двух добросердечных, приятных во всех отношениях сестер, живших неподалеку. Без этих любезных дам не обходилось ни одно увеселение в округе, они всегда рады были принять участие в празднестве, и одному Богу

ведомо, чем им удавалось занять себя в остальное время.

Вскоре после начала танцев Сьюзен заметила среди гостей незнакомого молодого человека; стоя возле леди Бертрам и миссис Осборн, которые сидели у камина вместе с другими почтенными матронами, незнакомец рассказывал им нечто весьма увлекательное, судя по выражению их лиц. Когда первый танец окончился, Уильям представил вновь прибывшего сестре; как Сьюзен уже догадалась, то был капитан Сартон. Худощавый, темноволосый, он не походил на красавца, но в чертах его лица угадывался глубокий ум. Беседа с ним доставила Сьюзен огромное удовольствие; они очень скоро обнаружили, что вкусы их во многом сходны: им нравятся одни и те же пьесы, стихи и очерки; капитан Сартон оказался на редкость занимательным собеседником, пожалуй, самым интересным, какого Сьюзен когда-либо встречала. Из-за пулевого ранения в колено во время последнего сражения капитан немного прихрамывал.

— Я был бы счастлив, если бы вы оказали мне честь, согласившись танцевать со мной, мисс Прайс, но должен предупредить вас, что я способен лишь шаркать, неуклюже волоча ноги.

— Для меня этого вполне довольно, — с улыбкой ответила Сьюзен. — Однако вы уверены, что вам следует танцевать?

— Прийти на бал и не танцевать? Нет, это невозможно!

Между тем Уильям, совершенно очарованный цветущей прелестью и живостью мисс Харли, ангажировал ее на два следующих танца, а поскольку в контрдансе их пара оказалась рядом с мисс Прайс и капитаном Сартонем, Сьюзен отчетливо слышала их беседу. Говорили исключительно только о животных.

— А вы любите собак, капитан Прайс? Я от них без ума! У меня живет старенький спаниель, по-моему, самое обворожительное создание на свете. Я его обожаю, у него такие печальные глаза, милые отвислые уши и благородное, преданное сердце; мне кажется, собаки намного превосходят нас, людей, вы не согласны?

Уильям незамедлительно согласился, припомнив историю о пойнтере, которого он незаметно протасил на борт «Латоны» в бытность свою лейтенантом на этом судне; его любимец превосходно показал себя во время охоты на побережье Испании, обнаружив редкостный ум и беспримерную верность.

— А лошади и свиньи разве не прелесть? Признаюсь, я равнодушна к свинкам; ах, как раз теперь на ферме у моего дядюшки появилось дивное семейство маленьких хрюшек... У них такие хорошенькие пяточки, они забавно загибаются вверх, а хвостики закручены в колечки, а их крохотные реснички такие белые, что устоять перед ними невозможно! А телята... я обожаю телят, а вы нет? У них такое сладкое дыхание, нежные бархатные носы и влажные глаза. А утки! У меня довольно долго была собственная утка, я так к ней привязалась! Она несла яйца через день, и у нее была такая милая улыбка, но потом ее утащила лисица, и я неделю не могла прийти в себя, все глаза выплакала. У вас когда-нибудь была утка, капитан Прайс?

Нет, Уильяму не доводилось держать уток, но у него был попугай, купленный в Вест-Индии. Рассказ о забавных словечках и комичных проделках этой птицы вызвал веселый смех у мисс Харли.

— А вы бывали на Ниле, капитан Прайс? Вы видели крокодила? Или верблюда? Или слона?

Да, Уильям видел всех этих тварей земных и с радостью описал их мисс Харли.

После того как закончились два танца капитан Сартон принес Сьюзен стакан оршада, с улыбкой заметив:

— Мой друг Уильям Прайс не может не нравиться. В целом свете, думаю, не сыщется человека сердечнее и добрее. Вы счастливица, мисс Прайс, повезло же вам иметь такого брата!

— Вы правы. Мне досадно лишь, что его служба не позволяет нам видеться чаще.

— Тем больше радости, должно быть, приносит вам каждая редкая встреча. Наверное, мне не следовало лишать вас его общества.

Однако Сьюзен надлежало уделить внимание леди Бертрам и старшей мисс Стэнли, а также позаботиться, чтобы музыкантам подали угощение; вдобавок ей пришлось успокаивать Джулию, разгневанную пренебрежением Тома, который ни разу не танцевал с мисс Йейтс.

— А теперь он пригласил на танец одну из этих бестолковых девиц Стэнли, младшую, и к чему это приведет? У нее нет и сотни фунтов собственного годового дохода, и она сроду не выезжала дальше Кеттеринга.

— Имея столько изъянов, она, несомненно, заслуживает скромной награды, — предположила Сьюзен.

Досада Джулии не вызывала у нее горячего сочувствия, однако поведение Уильяма, мисс Харли и Тома начинало ее беспокоить. Казалось, Уильяму с Луизой нужно было многое друг другу поведать; они или стояли где-нибудь в уголке и щебетали, или сидели на диване, болтая без умолку; Уильям обмахивал мисс Харли веером, а она, покрасневшись от удовольствия, увлеченно рассказывала ему о своей пятнистой кошке, о канарейке, о кобыле Дульсинее, о черных леггорнских курочках и о ягненке, который у нее когда-то был, а потом умер. Уильям с жадностью ловил каждое слово Луизы, тогда как Том, по всему было видно, находил растущую дружбу капитана с мисс Харли неожиданной и не слишком приятной.

Позднее леди Бертрам объявила о своем желании подняться в спальню, и Сьюзен, проводив тетушку наверх, препоручила ее заботам Чапмен; вернувшись в салон, она с удивлением обнаружила, что скрипку с флейтой сменило фортепьяно, на котором играли с немалым мастерством и подлинным чувством. Музыкантом оказался капитан Сартон; не прерывая игры, он улыбнулся Сьюзен:

— Мне редко выпадает подобное удовольствие, мисс Прайс. Не останавливайте меня. Я сказал тем двум беднягам, что им следует немного отдохнуть; кое-кто из гостей, как я вижу, готов танцевать до самого рассвета.

— Если вам не в тягость... Вы очень любезны.

— Вовсе нет, — отозвался капитан Сартон, продолжая играть с еще большим воодушевлением, — я немного лукавлю; давая отдых колену, я прикидываюсь добрым малым, готовым из человеколюбия пожертвовать собой во имя общественного блага.

В следующем танце партнером Сьюзен был мистер Уодем, показавший себя превосходным танцором и галантным кавалером. В глазах его читалось восхищение ею, ее платьем и ажурной золотистой шляпкой, которая, как и предсказывала мисс Крофорд, чрезвычайно шла к темным волосам Сьюзен, придавая ей сходство с какой-нибудь знатной итальянкой, сошедшей с полотна великого мастера. Это молчаливое восхищение нравилось Сьюзен намного больше, нежели банальные любезности братьев Мэддокс.

Было довольно поздно, когда ее внимание привлек легкий шум возле дверей — один из лакеев разыскивал капитана Сартона, Сьюзен увидела, как тот встал из-за фортепьяно и

вышел в холл. Вернувшись, Сартон окинул взглядом зал, ища кого-то глазами, взор его остановился на ней самой. Решив, что капитану что-то понадобилась, Сьюзен пересекла зал и, приблизившись к Сартону, спросила, не нужна ли ему помощь.

— Не мне, сударыня, но другому джентльмену, который вызывает к вашему милосердию.

— К моему милосердию?

Капитан Сартон благодаря, должно быть, приобретенному за годы службы опыту умел объяснить с предельной краткостью самые запутанные положения.

— Обедая в «Георге» сегодня вечером, я встретил старого приятеля, знакомого мне еще по Лондону, он поселился в той же гостинице. Теперь он явился просить моей помощи — ему нужна опора для спины, обещанная ранее его сестре. Она тяжело больна и страдает от болей, иначе мой друг ни за что не решился бы побеспокоить вас в столь поздний час. Его зовут Крофорд. Он ждет в холле.

Сьюзен едва ли могла бы сказать, каким представляла себе мистера Генри Крофорда, и все же наружность этого джентльмена ее удивила. Возможно, она ожидала, что Крофорд выглядит старше. Вдобавок, несмотря на нежную привязанность, которую питала к нему Мэри, и свидетельство миссис Осборн в его защиту, рассказы о его испорченности запечатлелись в памяти Сьюзен; наверное, она воображала его эдаким корсаром с черными усами, со шрамом и с горящими глазами, человеком опасным, распутным и порочным. Их первая и единственная встреча, случившаяся давно, когда Сьюзен едва исполнилось четырнадцать лет, оставила воспоминания слишком скудные и туманные, чтобы судить о внешности Крофорда.

Темноволосый мужчина, представший перед ней взамен образов, нарисованных ее воображением, хотя и не был красавцем, имел наружность самую благородную; одетый в изысканное платье, испачканное дорожной пылью, чисто выбритый, бледный, Крофорд казался усталым и встревоженным, поглощенным своими мыслями. Однако, увидев Сьюзен, он встрепенулся, лицо его просветлело. Капитан Сартон представил его, и Крофорд заговорил:

— Я проявил чудовищную бестактность, мисс Прайс, явившись к вам во время бала в такой час. Но рассказы моей сестры о вас уверили меня в вашей великодушии...

Вконец смешавшись, Сьюзен с запинкой пробормотала слова приветствия и извинения, а затем отправила служанку на поиски обещанной вещи — опоры для спины.

— Мне очень стыдно, мистер Крофорд, что в Уайт-Хаус до сих пор не доставили опору. Право, я была совершенно уверена, что вы ее уже получили; мне следовало убедиться, что мое распоряжение выполнено, но сегодня выдался такой хлопотливый день. Опору сейчас принесут. У вас есть повозка, чтобы перевезти ее?

— Да, благодарю вас, я приехал в двуколке. Я остановился в «Георге», чтобы не стеснять сестру. — После недолгого молчания мистер Крофорд вновь заговорил тихим взволнованным голосом; казалось, он слишком глубоко погружен в свои мысли, чтобы придерживаться формальностей, предписанных правилами вежливости: — Пожалуйста, скажите мне, мисс Прайс, как вы находите состояние здоровья моей сестры? Увидев ее нынче вечером, я был потрясен; она сильно переменялась с тех пор, как я видел ее в последний раз. Я надеялся, что деревенский воздух пойдет на пользу Мэри, однако вышло наоборот, ей стало лишь хуже. Вам так не кажется?

Сьюзен заколебалась. Она понимала, кто-то должен открыть несчастному мистеру Крофорду истинное положение дел, но следует ли ей, особе посторонней, лишь недавно знакомой с его сестрой, брать на себя подобную роль? Вдобавок и случай неподходящий: мистер Крофорд утомлен путешествием, расстроен встречей с больной, чье состояние внушает тревогу, а из салона доносятся звуки музыки, слышатся оживленные голоса, смех танцующих. Нет, сейчас не время для объяснений, беседу с мистером Крофордом лучше отложить до утра, к тому же вести столь нелегкий разговор более пристало кому-то другому — мистеру Уодему, миссис Осборн или доктору.

Мысли эти вихрем пронеслись в голове у Сьюзен, пока она подыскивала ответ, какою-нибудь ничего не значащую любезную фразу, дескать, должно пройти время, следует принять во внимание слишком раннюю весну, сухую погоду и волнение, вызванное

ожиданием приезда любимого брата, выздоровление в подобных случаях наступает не скоро и прочее, и прочее.

Намереваясь перечислить все эти банальности, она посмотрела в глаза мистеру Крофорду (тот был невысок, примерно одного с ней роста) и вдруг поняла, что не в силах произнести их.

— Ваша сестра совершенно счастлива, мистер Крофорд, — проговорила она, — в этом я могу вас заверить. Думаю, теперь она счастлива, как никогда в жизни. Не странно ли? Как смею я, впервые увидевшая мисс Крофорд лишь несколько недель назад, столь уверенно утверждать? И все же я убеждена, это так. Теперь, когда вы здесь, ей нечего больше желать.

Сьюзен с Крофордом обменялись долгими проникновенными взглядами, будто знали друг друга последние десять лет.

Подросла служанка с парусиновой опорой для спины; торопливой скороговоркой она передала извинения миссис Уиттемор, дескать, та просит прощения — приготовления к балу заставили ее забыть обо всем, занятая пирожными и лимонадом, она не позаботилась исполнить указание мисс Прайс и доставить опору в Уайт-Хаус.

В этот миг из бального зала вышел Том. Он оставил танцующих, пытаясь разыскать Уильяма с мисс Харли, которые, вместо того чтобы танцевать, отправились на террасу.

Миссис Мэддокс, тетушка Луизы, попросила сэра Бертрама оказать любезность и убедить мисс Харли вернуться в зал, как того требовали приличия, или хотя бы уговорить ее набросить на плечи шаль. Увидев Сьюзен и Крофорда, стоявших в холле, Том на мгновение изумленно замер, а затем медленно направился к ним.

— Крофорд? Я не ошибся? Как вы... мне так... я хотел сказать — здравствуйте.

Он казался весьма смущенным, неожиданная встреча привела его в замешательство. Сьюзен это несколько не удивило. Лицо ее вспыхнуло, она почувствовала, что покраснела до корней волос. Пугающие, тягостные мысли путались, сменяя одна другую: как разгневается Том, узнав, что она осмелилась без спросу отдать принадлежащее Мэнсфилду имущество незваному чужаку, вторгшемуся в дом. Ей хотелось провалиться сквозь землю от стыда.

Однако Том хотя и проводил недоуменным хмурым взглядом опору, которую несли к двуколке мистера Крофорда, казалось, не собирался расспрашивать о ней Сьюзен.

— Дорогой мой Бертрам, — торопливо проговорил Крофорд, — я только что просил прощения у мисс Прайс. Примите же и вы мои извинения. Это дурно, более того, непростительно врываться к вам в столь поздний час. Нездоровье моей сестры, бедственное ее положение — единственное, что служит мне оправданием. Я немедленно уйду, чтобы вновь почтительнейше извиниться перед вами завтра в более подходящее время.

Он уже повернулся, собираясь уйти, когда Том, вспомнив о былой дружбе или о своем долге хозяина, воскликнул:

— Оставайтесь... разве вы не войдете? Не присоединитесь к нам? Моя сестра Джулия...

Том осекся, в растерянности глядя на Крофорда. Тот скупно улыбнулся в ответ:

— Ваша сестра Джулия едва ли придет в восторг от встречи со мной. Нет, благодарю, я спешу вернуться к сестре. Но очень любезно было с вашей стороны пригласить меня. Позвольте пожелать вам доброй ночи.

Он поспешно скользнул в открытую дверь, и почти тотчас послышался шум уносящейся прочь двуколки.

Мгновение спустя в холле появилась Джулия с шалью в руках.

— Это уехала мисс Стэнли? — спросила она.

— Нет, никто из гостей еще не уезжал. То был Крофорд.

— Крофорд? Этот ужасный человек? Но как он здесь оказался, скажи на милость? Должно быть, надеялся выпросить приглашение.

— Вовсе нет, Джулия, — устало возразил Том. Он выглядел таким смущенным и подавленным, что кузина невольно прониклась к нему сочувствием.

Однако Джулия ждала объяснений, и Сьюзен пришлось сказать:

— Мистер Крофорд пришел, чтобы одолжить старую полотняную опору для спины, которую Кристофер Джексон смастерил когда-то для Тома, страдавшего лихорадкой. Мисс Крофорд... очень слаба и мучается от боли, вот мы... я и подумала, что с опорой ей станет немного легче.

При иных обстоятельствах Джулия, возможно, воспользовалась бы представившимся случаем, чтобы отчитать Сьюзен за легкомыслие и безрассудство, с которым та потворствует наглým проходимцам, зарящимся на чужое имущество, и распоряжается мэнсфилдским достоянием, а заодно обвинить кузину в дерзком самоуправстве, скрытности, бесстыдной самонадеянности и коварстве, однако события этого вечера настроили миссис Йейтс на самый благодушный лад. Хоть Том и не пригласил Шарлотту открыть бал, как ему надлежало поступить, ухаживания его за мисс Харли не увенчались успехом, что необычайно окрылило Джулию, надежды ее стали теперь, как никогда прежде, близки к осуществлению. Что ж, если Уильям Прайс намерен всерьез добиваться руки этой простушки Луизы Харли, Бог ему в помощь! Джулия сомневалась, что у Уильяма за душой есть хотя бы тысяча фунтов; лишенный связей и покровительства влиятельных друзей, он едва ли поднимется выше капитана, разве что случится чудо.

На сей раз миссис Йейтс удовольствовалась замечанием, исполненным высокомерного изумления:

— Опора для спины? Ее одолжил Крофорд? Не думаю, что мы когда-нибудь увидим ее вновь. — Промолвив это, Джулия проследовала в танцевальный зал.

Едва ли ожидалось, что на следующее утро за завтраком будут царить сердечность и благодушие; накануне все разошлись по своим спальням глубокой ночью и теперь, усталые, опустошенные, не испытывали желания говорить за чашкой чая или кофе. Исключение составлял один лишь Уильям; поднявшись в семь часов, он успел прогуляться по саду и окрестным рощицам и теперь завтракал с отменным аппетитом, неустанно расспрашивая кузена Тома об осушении почвы, о пахоте, о валке леса и о множестве тому подобных вещей. Его неиссякаемая веселость, живость и искренность, не омраченная сознанием вины, коей Уильям за собой не чувствовал, счастливое неведение, беззаботность, с которой он поглощал холодную ветчину и горячие гренки, а более всего неизменная доброжелательность гостя совершенно обезоруживали Тома, затаившего было обиду на новоявленного капитана. После завтрака кузены вышли на залитую солнцем террасу, и Том пригласил Уильяма отправиться вместе с ним на выгон, взглянуть на недавно приобретенного жеребца.

Чуть позднее пришли мистер Уодем с миссис Осборн поговорить о бале и показать леди Бертрам шараду, сочиненную мистером Уодемом:

Мой первый слог укажет направление,

Когда приблизиться ты пожелаешь.

Второй — та статья, что служит украшением,

Коль в ней гармонию ты наблюдаешь.
Бродя по лесу, третий слог заметишь,
Найдешь в его сени отдохновенье
И, может статься, мое слово встретишь,
Сверкающее пестрым опереньем^[6].

— Боже мой, мистер Уодем, как изящно, как умно! Уверена, мне никогда не угадать, что это значит. Это какая-то птица... О Господи, может быть, лебедь? Павлин? Орел?

Видя, что леди Бертрам нашла себе приятное занятие на долгие часы, Сьюзен ускользнула из дома, чтобы наведаться в Уайт-Хаус и узнать, пригодилась ли мисс Крофорд опора для спины, помогла ли хоть немного смягчить страдания.

Она нашла брата с сестрой в освещенном солнцем саду, мисс Крофорд полулежала в кресле, откинувшись спиной на опору. Сьюзен искренне порадовалась счастливой перемене: больная выглядела лучше, казалась живее, ее обычная бледность сменилась легким румянцем.

Почти тотчас Генри поднялся и откланялся, сказав, что сестре, как ему кажется, удобнее принимать не более одного посетителя, а ему надобно позаботиться о своих лошадях в «Георге», он задумал прокатиться по деревне, освежить старые воспоминания.

— Генри встретил одного знакомого в «Георге», — заметила Мэри. — Капитана Сартона, товарища вашего брата по путешествию. А теперь расскажите мне скорее о бале. Сделал ли ваш кузен Том предложение мисс Харли? Имели ли вы успех? Могу немедля сообщить вам, что одним обожателем вы, несомненно, обзавелись: мой брат не был так потрясен со времени своей последней поездки во Флоренцию, когда он посетил галерею Уффици, а это, позвольте заметить, случилось много лет назад. В самом деле, Генри был совершенно очарован вашей наружностью, он сожалеет лишь о том, что вам приходится прозябать здесь, вдали от света, в расцвете вашей юности и красоты. Я говорю ему, что здесь вы играете важную роль, наполняя мою жизнь весельем и радостью, и это он готов принять, хотя и неохотно. Однако скажите мне откровенно, что вы думаете о Генри? — продолжала Мэри, заметив, что Сьюзен не поддержала ее шутливого тона. — Он таков, как вы ожидали? Таким вы воображали себе поклонника вашей сестрицы Фанни?

— Нет, вовсе нет. Ох, разве я могу сказать? Не знаю. Он кажется очень... серьезным.

Вопросы мисс Крофорд смущали Сьюзен, она отвечала почти наобум. Мэри, смерив ее долгим пронизательным взглядом, добродушно промолвила:

— Вы устали, вечерние увеселения и хлопоты утомили вас. Не будем вспоминать о них. Это подождет. Как-нибудь в другой раз вы расскажете мне, как мисс Йейтс обдала презрением капитана Сартона и как Джулия выискивала недостатки в пирожных.

Внимательнее приглядевшись к своему другу после ухода мистера Крофорда, Сьюзен заключила, что кажущееся улучшение лишь видимость: цвет бледным щекам Мэри придал легкий слой румян, а оживление ее объяснялось радостью от встречи с братом. Больная, однако, храбро уверяла, что чувствует себя лучше, много лучше и надеется на полное исцеление. Одни лишь глаза выдавали ее.

— Ваша опора для спины необычайно удобна. Я бесконечно благодарна вам за то, что вспомнили о ней. Спинки стульев и кресел такие твердые, вдобавок в них нет никакого наклона. И я безумно рада, что вы встретились с Генри; я втайне мечтала об этом, но не

смела надеяться, что мечта моя осуществится. Теперь мне осталось лишь желать, чтобы вернулась Фанни.

От ее улыбки, полной горькой иронии, у Сьюзен мучительно сжалось сердце.

— Вы не привели ко мне сегодня малышку Мэри? Вы, верно, подумали, что я слишком занята Генри и не захочу ее видеть. Но вы были не правы, решительно не правы; я всегда рада малышке, а она неизменно приносит мне утешение. Умоляю, приведите ее скорее снова, приведите завтра.

Сьюзен пообещала взять с собой племянницу и вскоре после этого ушла, не желая своим присутствием разлучать брата с сестрой. Вдобавок ей предстояло разыскать собственного брата. Предстоящая беседа с Уильямом занимала все ее мысли. Как дать ему понять, что, ухаживая за мисс Харли столь откровенно, не имея, возможно, серьезных намерений, он наносит несомненный урон своему кузену Тому? Как убедить его, какие найти слова? Сьюзен воображала, как Уильям рассмеется и скажет, что кузену Тому следует хорошенько задуматься: если молодая леди столь легко забывает о первом своем поклоннике, отдавая предпочтение второму, то, верно, ее чувства не слишком сильны. Однако сестринские увещания пришлось отложить до лучших времен; возвратившись домой, Сьюзен обнаружила, что Уильям, взяв охотничью лошадь Тома, отправился на верховую прогулку с капитаном Сартоном. Он появился лишь к ужину: двое друзей совершили путешествие по окрестностям, попутно заехав в Грешем-Хилл, чтобы справиться о мисс Харли, узнать, не слишком ли ее утомили недавние увеселения. Миссис Мэддокс оказала им самый теплый и радушный прием, пригласив пообедать. Уильям сообщил, что упряжная лошадь Мэддоксов уже не хромает и обитатели Грешем-Хилла готовы ехать к римским развалинам в любой день, какой только выберет Том.

Сам Уильям, узнав об экспедиции, пришел в восторг и горел воодушевлением; ему уже доводилось видеть великолепные руины в Геркулануме и Риме, а также в Испании. Эти древние римляне настоящие дьяволы, право слово! Они только и делали, что бродили по миру, оставляя повсюду грандиозные развалины. Неясно лишь одно: отчего они вечно строили свои дома без стен, обходясь одними только огромными колоннами и арками, открытыми всем ветрам и вовсе не защищенными от непогоды? Но если во владениях кузена Тома имеются римские развалины, Уильям с радостью взглянет на них, а понадобится их раскопать, за этим дело не станет: дайте ему лопату, и вы получите отменные руины; это будет превосходное развлечение.

Энтузиазм самого Тома, в последнее время несколько поугасший, получив подобную поддержку, вспыхнул вновь. Были немедленно разосланы новые приглашения, и, поскольку погода благоприятствовала путешественникам, ехать решили через два дня.

До назначенного дня времени оставалось не много, а потому число участников неизбежно сократилось: Ховарды и Монфоры уговорились быть в другом месте, капитану Сартону надобно было вернуться в Лондон, однако Йейтсы, как и Мэддоксы, выразили желание ехать; дали свое согласие и сестры Стэнли при условии, что им найдется место в экипаже. Том заверил их, что уже заручился обещанием мистера Уодема; тот с радостью присоединится к компании, а в его коляске найдется место еще для троих — обеих мисс Стэнли и Сьюзен.

Сьюзен заявила, что должна остаться с тетушкой, которой никак без нее не обойтись. Тем же вечером, к немалому своему удивлению, она получила записку от миссис Осборн.

«Моя дорогая мисс Прайс, — писала почтенная дама, — надеюсь, Вы окажете мне любезность, отправившись на пикник и доверив леди Бертрам моим заботам. Сказать по правде, остатки римских поселений меня несколько не привлекают, я вдоволь насмотрелась на них; их предостаточно в каждом средиземноморском порту, какой ни возьмите. Я предпочла бы спокойно посидеть с Вашей тетей в ее уютной гостиной или в саду, в тени беседки, пока все вы будете копать землю под палящим солнцем или глодать куриные кости, скорчившись на траве. Уверена, ваше начинание только выигрывает, если в нем примет участие та, что взяла на себя все приготовления.

Искренне Ваша, Элинор Осборн».

«Ах, как это великодушно со стороны миссис Осборн! — подумала Сьюзен. — Ее главная забота — чтобы я подольше оставалась в обществе Уильяма и не потеряла ни одного драгоценного дня».

Отыскав тетюшку в беседке, Сьюзен спросила, не станет ли она возражать против замены.

— Миссис Осборн предлагает посидеть с вами в четверг, чтобы я поехала на пикник. Согласны ли вы, сударыня?

— Ты собралась на пикник, дорогая? Но зачем? Это Том выдумал? Он желает, чтобы ты непременно поехала? А Джулия согласна? Ты сама этого хочешь?

— Ну... думаю, они не станут возражать, если я поеду. Я могла бы присмотреть за слугами, позаботиться о закусках и всякое такое.

— Ты никогда прежде не бывала на пикниках.

— Но... прежде их никогда не устраивали, сударыня.

— Ох, милочка... не знаю, что сказать. Мы лучше спросим Тома, когда он вернется.

Вскоре пришел Том, усталый и раздраженный. Он провел весь день, объезжая нового жеребца. Участие кузины в поездке не встретило ни малейших возражений с его стороны. Поступок миссис Осборн, пожертвовавшей собственным удовольствием, Том нашел в высшей степени великодушным и любезным. Разумеется, теперь Сьюзен сможет позаботиться об угощении, что, пожалуй, совсем не плохо.

В отличие от брата Джулия решительно воспротивилась тому, чтобы Сьюзен допустили к участию в пикнике. Она не видела в этом никакой надобности. Отчего миссис Осборн вздумалось вмешаться и решать, кто едет? Занималась бы лучше своими делами.

— Возможно, Уильяму хотелось бы, чтобы его сестра поехала с нами, — заметил Том.

— В Мэнсфилде он не больно-то балует ее своим вниманием, в усадьбе его не видно, — возразила Джулия.

И верно, Уильям, несмотря на нежную привязанность к сестре, не имел обыкновения проводить большую часть дня в обществе леди Бертрам, как того требовали повседневные обязанности Сьюзен. Он находил смертельно скучной свою тетюшку, неспособную уяснить различие между Мальтой и Майоркой, и хотя, поддерживая разговор с ней, оставался неизменно вежливым и учтивым, проводил подле нее не больше времени, чем предписывали правила приличия. Он с радостью сопровождал Сьюзен в деревню, да и повсюду, где ей доводилось бывать, однако в усадьбе надолго не задерживался. Иногда, взяв удочку Тома, он ловил рыбу в ручье, в самой гуще Мэнсфилдского леса. Заявив, что ему неловко вечно совершать набеги на конюшню кузена, Уильям нанял лошадь в «Георге» и с удовольствием ездил верхом, изучая окрестности, отсутствуя временами по несколько часов кряду.

Наступил четверг, и хотя погода стояла теплая и безветренная, как и в предыдущие дни, в знойном неподвижном воздухе чувствовалась тяжесть, предвестие бури. Взглянув на небо, Том покачал головой:

— Хорошо бы нам выехать пораньше. Лучше бы мы отправились в путешествие сразу, как только его задумали; жаль, что поездка тогда сорвалась. Боюсь, погода вот-вот переменится; нам повезет, если не будет грозы.

Сьюзен надеялась, что Том ошибается. Ей самой некогда было разглядывать небо — предстояло сделать еще многое: убедиться, что тетушкин гобелен в надлежащем состоянии, все нити распутаны и леди Бертрам может продолжать трудиться над ним; надобно было найти развлечение для крошки Мэри, слишком маленькой, чтобы ехать вместе со всеми; да еще требовалось проследить, как выполняются распоряжения относительно угощения для пикника (первоначальные указания Тома и самой Сьюзен Джулия так часто отменяла, что слуги пребывали в замешательстве, не зная, за что хвататься).

— Ты хочешь, чтобы повозку с закусками доставили в Истон или в Стэнби, Том? Баддели совсем сбит с толку, он говорит, что ты ясно распорядился насчет Стэнби-Кросса, но миссис Йейтс сказала ему, будто ты передумал. И когда следует подавать кушанья: в полдень или в час пополудни?

— Какая досада, что Джулия находит нужным вмешиваться во все! Пусть лучше позаботится о своих двух надоедливых неотесанных отпрысках и предоставит мне самому решать мои дела.

Невзирая на все эти трудности и печальную перспективу расставания с Уильямом, уезжавшим на следующий день, Сьюзен не могла сдержать радость, когда, отдав последние распоряжения (как получившие, так и не получившие одобрения со стороны кузена Тома и кузины Джулии), уселась в коляску мистера Уодема. Заняв место миссис Осборн, которая уже поднялась к леди Бертрам, Сьюзен обменялась приветствиями с обеими мисс Стэнли, оживленными, полными радостного ожидания.

— Какой очаровательный повод для прогулки! — восторгались они. Им доводилось бывать на увеселениях, где собирали орехи или ежевику, писали этюды с натуры, но римский пикник — это нечто совершенно необычное, о нем будет судачить вся округа! — Быть может, мистеру Уодему удастся отыскать римские бани... Может статься, после всех этих раскопок Мэнсфилд совершенно преобразится, станет фешенебельным водным курортом, будет соперничать с Батом.

Сьюзен находила подобный исход маловероятным, но спорить ей не хотелось. Она нечасто выбиралась за пределы Мэнсфилда, разве что в тех редких случаях, когда приходилось сопровождать тетушку к дантисту в Кеттеринг, поэтому все вокруг поражало ее своей новизной и прелестью — зеленые рощи, цветущие луга, зреющие колосья; она охотнее предпочла бы сидеть молча, любуясь незнакомыми пейзажами, но поскольку добродушные сестрицы Стэнли любили поговорить, вежливость требовала поддерживать беседу.

— Верно ли говорят, что капитан Уильям Прайс наведывается в Грешем-Хилл каждый день, что он всерьез собирается просить руки мисс Харли? Их кухарка слышала об этом от возчика, которому сказала его сестрица, молочница на ферме Грешем-Хилл. И правда ли, что мистер Крофорд, брат несчастной больной дамы из Уайт-Хауса, собирается взять в аренду Стэнвикс-Лодж? Так говорит мистер Найт, аптекарь, он это знает наверняка, ведь его брат, мистер Сэм Найт, — помощник поверенного, составлявшего договор.

Сьюзен не могла подтвердить ни один из этих слухов; упоминание об Уильяме изрядно ее смутило, она начала склоняться к мысли, что, хотя ей будет недоставать общества брата, возможно, его предстоящий отъезд послужит ко всеобщему благу.

Том с Уильямом, ехавшие верхом, вскоре обогнали экипаж и ускакали вперед; Том, обернувшись, крикнул, что не может держаться возле коляски, потому что Фараон слишком горяч.

— Ему нужен галоп, тогда он успокоится!

Фараон и вправду показывал норы — вскидывал голову, нетерпеливо грыз удила и прыгал под седоком. Сестры Стэнли слышали, будто сэр Эндрю Пикеринг, у которого Том купил жеребца, рад был избавиться от упрямого животного, поскольку так и не смог его объездить. Тревога, вызванная этим сообщением, слегка омрачила Сьюзен удовольствие от путешествия. Том никогда не выезжал на Фараоне за пределы выгона, он надеялся, что жеребец будет вести себя смиренно и выдержит все испытания предстоящего дня. «Хорошо бы все благополучно вернулись домой», — подумала Сьюзен.

Условились, что Йейтсы и Мэддоксы, которые должны были прибыть с разных сторон, присоединятся к компании из Мэнсфилда у перепутья Стэнби. Оттуда тянулась проселочная дорога к Истонской роще, с этого места путешественникам предстояло идти пешком.

Коляска Мэддоксов уже стояла на обочине, когда мистер Уодем осадил лошадей возле каменного креста; на проселочной дороге виднелись фигуры всадников — Том с Уильямом и братья Мэддокс верхом на лошадях успели проехать с четверть мили.

Миссис Мэддокс и мисс Харли сердечно приветствовали сестер Стэнли, Сьюзен и мистера Уодема.

— Добрый день! Сегодня вовсе не жарко. Наши друзья и братья уехали вперед, они просили передать, что дальше надобно идти пешком; почва сухая, нам не придется вязнуть в грязи, но экипажу там не проехать, тропа слишком узкая. Сэр Томас уверяет, что Истонская роща превосходно подходит для пикника, деревья укроют нас от солнца; за угощением мы сможем оценить достоинства этого местечка. Быть может, мистер Уодем проводит нас, несчастных дам, покинутых своими галантными кавалерами?

Мистер Уодем тотчас объявил, что почтет за честь сопровождать леди.

— Не следует ли мне остаться и подождать Йейтсов? — нерешительно произнесла Сьюзен. — Иначе, боюсь, они не найдут нас. Я вчера слышала, как Джулия договаривалась с Томом о встрече, и мне показалось, что ей незнакома эта часть владений; думаю, она не вполне поняла, о каком месте шла речь. Я нигде не вижу следов их коляски.

Все внимательно огляделись. Перепутье Стэнби лежало на небольшой возвышенности, с которой хорошо просматривалась значительная часть местности, однако разбросанные тут и там островки леса скрывали от глаз некоторые участки. Дорога, ведущая к имению Йейтсов, видна была не вся, отрезок длиной более полумили прятался за деревьями.

— Неужели, увидев экипажи, они не догадаются, куда мы ушли?

— Но здесь скрещиваются две дороги, а я сомневаюсь, что Джулия верно поняла намерения Тома. Вчера они довольно долго спорили о месте для пикника. Вы идите дальше, а я останусь здесь, посижу у дорожного столба, пока не увижу, что приближаются Йейтсы, — предложила Сьюзен. — Тогда я смогу указать им дорогу.

Она твердо стояла на своем, отменяя все возражения, в том числе и любезное предложение сестер Стэнли подождать Йейтсов вместе с ней, так что в самом скором времени осталась одна, с удовольствием наблюдая, как остальные пятеро спускаются по

узкой тропинке. Одиночество вовсе не было ей в тягость, напротив, Сьюзен хотелось посидеть в уединении, наслаждаясь летним зноем и тишиной, нарушаемой лишь пением жаворонков; подобные радости редко выпадали на ее долю.

Примерно четверть часа спустя она начала, однако, немного беспокоиться: уж не отложили ли Йейтсы поездку, не сбились ли с пути, а может статься, спутали время или ошиблись днем?

Наконец, к огромному ее облегчению, вдали показался красный с зеленым экипаж Джона Йейтса, запряженный парой лошадей, но вот незадача — повернул не в том направлении, выехав на дорогу, огибавшую холм, вместо того чтобы направиться прямо к перепутью. Сьюзен попыталась привлечь внимание возницы, окликнула его и даже, вскарабкавшись на придорожный камень, размахивала зонтиком от солнца, но все было напрасно: карета, продолжая свой путь, скрылась из глаз за дубовой рощицей.

Встревоженная Сьюзен задумалась, как следует поступить: присоединиться к остальным и сообщить им о случившемся или остаться на перепутье в надежде, что Йейтсы, поняв свою оплошность, повернут назад?

Пока она медлила, не зная, на что решиться, красный с зеленым экипаж показался снова, направляясь в обратную сторону. Через четверть часа он медленно вкатился на холм и остановился у перепутья.

— Эй! — позвал Джон Йейтс, правивший лошадьми. — Это вы, мисс Прайс? Но, вижу, вы одна. Где же остальные?

В следующее мгновение из окон кареты высунулись Джулия и Шарлотта, на их раскрасневшихся лицах читалось недовольство. Из глубины экипажа слышались сердитые крики мальчиков, затеявших драку.

— И снова ты, как всегда! — раздраженно воскликнула Джулия. — Похоже, тебе тут прохладно и удобно, сидишь себе в теньке, пока мы разъезжаем туда-сюда по жаре. Куда все подевались?

— Они ушли по тропинке к Истонской роще, — отозвалась Сьюзен. — Я осталась здесь, чтобы предупредить вас об этом. Дорога слишком узка для экипажа.

Но тут вмешался Джон Йейтс, выкрикнув:

— Фи, какие глупости! Разумеется, дорога достаточно широка, здесь не проедет разве что ленивый болван. Невелика хитрость, с этой задачей справится всякий, кто умеет сносно править лошадьми. Готов биться об заклад, что проеду до самой Истонской рощи без единой царапины на кузове кареты.

Джулия выразила решительное несогласие с последним утверждением, что побудило ее мужа попытаться доказать свою правоту, однако стоило экипажу проехать чуть дальше, как тропа резко сузилась, мистеру Йейтсу пришлось соскочить с козел и медленно, с немалым трудом отвести лошадей назад, к дорожному столбу, где стояла коновязь. Пока осуществлялся этот непростой маневр, Джулия, потеряв терпение, выбралась из кареты, прошла через калитку в живой изгороди и позвала:

— Идемте, дети! Идем, Шарлотта! Раз путь по тропинке прегражден из-за глупости Джона, мы пойдем через луг. К тому же идти по траве намного приятнее, дорога такая пыльная.

Мальчики с Шарлоттой последовали за миссис Йейтс и скрылись за густым кустарником.

Сьюзен хватило здравого смысла не указывать миссис Йейтс на то, что луг, о котором шла

речь, — засеянное поле, и вряд ли фермер придет в восторг, обнаружив вытопанные посевы. Она благоразумно промолчала, а поскольку Джулия с Шарлоттой не пригласили ее в свою компанию, Сьюзен, дождавшись, пока мистер Йейтс уберет карету с дороги, неторопливо направилась вниз по тропинке. Джон Йейтс, быстро шагая, вскоре догнал ее.

— О, мисс Прайс! Почему, объясните на милость, кузен Том сказал моей жене, будто самая короткая дорога к перепутью Стэнби лежит через Торнтон-Парва и Номан-Бэнк? Ничего подобного! Мы проделали по меньшей мере четыре лишних мили. А после Джулия настояла, чтобы мы объехали вокруг холма, а не поднимались на его вершину, — она уверяла, будто Том говорил об этом со всей определенностью; мы бы и по сию пору колесили по округе, если бы не встретили пастуха, который указал нам путь.

Сьюзен, слышавшая, как Том с Джулией накануне обсуждали дорогу, хорошо знала, что ее кузен не говорил сестре ничего подобного, однако едва ли стоило подливать масла в огонь, разжигая вражду между родственниками и умножая всеобщую досаду. Она мирно заметила, что брат с сестрой, должно быть, неверно друг друга поняли.

— Но это уже не важно, раз вы теперь здесь.

Вскоре на тропинке к Сьюзен с мистером Йейтсом присоединились Джулия с Шарлоттой и дети, все четверо пасмурные и разобиженные. Один из мальчиков упал и ушиб коленку, а мисс Йейтс пребольно обожглась крапивой в зарослях; вне себя от досады, она жаловалась на нестерпимые мучения, которые доставляют ей волдыри на локтях и лодыжках, и не желала слушать увещаний невестки.

— Поищите листья щавеля и приложите их к обожженным местам, — добродушно посоветовала Сьюзен, ей стало немного жаль несчастную мисс Йейтс, явно не привыкшую к прогулкам по полям. На Шарлотте были голубые нанковые сапожки, очень элегантные, но совершенно неподходящие для ходьбы по буграм и колдобинам. Вдобавок Сьюзен заподозрила, что сапожки слишком тесны и нещадно сжимают ноги. Щеки мисс Йейтс пылали, ее изысканная шляпа с перьями сбилась набок, а растрепанные локоны развились; казалось, Шарлотта вот-вот заплачет от злости и унижения. Однако любезные слова Сьюзен она оставила без ответа, надменно отвернувшись, будто общество мисс Прайс, подобно прочим напастям, вызывало у нее одну лишь досаду.

— Полно, Шарлотта, перестаньте разыгрывать трагедию из-за нескольких волдырей! — без тени сочувствия воскликнула Джулия. — Маленький Джонни тоже обжегся крапивой, но он не плачет. Правда, мой ангел?

Однако в этот самый момент маленький Джонни оцарапался, пытаясь сорвать дикую розу, и его вопли заглушили голос миссис Йейтс. Поскольку Шарлотта продолжала сетовать, что обожженная кожа горит огнем, Джулия поспешно достала из сумочки флакон с ароматическим уксусом и слегка смочила ожоги у детей и золовки.

Процессия брела по тропинке; дети капризничали, а Шарлотта непрестанно жаловалась, что дорожная пыль пачкает ее прелестные сапожки — через каждые несколько ярдов она останавливалась у обочины и пыталась очистить нанку пучками травы.

Вскоре Сьюзен заметила в отдалении остальных участников пикника; она предпочла бы обогнать своих спутников и уйти вперед, вместо того чтобы плестись черепашьям шагом, но решила, что это было бы невежливо.

Наконец путники присоединились к небольшой группе, дожидавшейся их у ворот, в тени прекрасного боярышника, сплошь усеянного гроздьями цветов, побледневших до золотисто-сливочного оттенка.

Миссис Мэддокс, сестры Стэнли и Йейтсы обменялись приветствиями. Поискав глазами мужчин, Джулия недовольно спросила:

— А где же мисс Харли? — И добавила тоном более оживленным: — Она не смогла приехать?

— Луиза углубилась в рощу вместе с мистером Уодемом, там же и остальные джентльмены; мы остались здесь, в этом восхитительном месте, чтобы дожидаться вас, — отозвалась миссис Мэддокс. — Не отправиться ли нам туда теперь?

Между воротами и Истонской рощей — небольшим дубовым леском, где и предполагалось устроить пикник, — лежал довольно широкий зеленый луг, на котором в отдалении паслись немногочисленные овцы и коровы. Почва здесь была усеяна мелкими камнями, в середине пастбища земля шла под уклон, а в низине темнели заросли камыша, должно быть, под густой травой скрывалось болотце или ручей.

Пройдя в ворота, семеро взрослых и двое детей направились через луг к роще; Джон Йейтс, сопровождаемый сыновьями, которых он вовсе не замечал, быстрым шагом ушел вперед и, обогнув болотистое место, скрылся среди деревьев.

Сьюзен, миссис Мэддокс и сестры Стэнли нестройной стайкой брели следом за Йейтсом, стараясь не ступить в воду; девицы Стэнли временами останавливались, чтобы сорвать первоцвет, полюбоваться лютиками или громко выразить восхищение теплым, солнечным днем и лиловыми цветами ятрышника, живописно разбросанными по зеленому лугу.

Тетушка Луизы вовлекла Сьюзен в разговор, весьма любезно заметив, что очень рада видеть ее на пикнике.

— Знаю, мисс Прайс, как нелегко вам отлучаться из дома, покидая леди Бертрам, однако, к моему несказанному удовольствию, счастливый случай позволил нам свести более близкое знакомство.

«Что бы это значило?» — обеспокоенно подумала Сьюзен в первое мгновение, но отвечала с обыкновенной своей сердечностью и вскоре уже вела приятную непринужденную беседу с почтенной дамой.

Позади Шарлотта плаксивым тоном высказывала жалобы Джулии:

— Более чем странное обхождение, где это видано, предоставить дамам одним идти через луг! — Нет, к такому она не привыкла. Комары и мошки вконец ее измучили. Да где же мужчины, во имя всего святого? Ей решительно не нравятся эти ужасные огромные быки, или вола, или как там именуют этих тварей. Здесь повсюду камни, недолго и лодыжку вывихнуть! Какой жаркий день, сущий кошмар! Нет, вовсе не этого она ожидала.

Сьюзен услышала ответ Джулии:

— Моя дорогая Шарлотта, я совершенно разделяю ваши чувства. Это дурно, недостойно, непростительно, в высшей степени неучтиво — оставлять нас одних. Но можно догадаться, кого нам следует за это благодарить. Нет, Мэнсфилд теперь совсем не тот, что прежде; где благородный дух, царивший здесь в те дни, когда я была ребенком? Увы, боюсь, нынче здесь правят бал безразличие, вульгарность и воинствующее бесстыдство. Все это скверно, очень скверно. Ничтожества пользуются вниманием, хотя вовсе его не заслуживают, тогда как достойные пребывают в небрежении. Как жаль, что Мэнсфилд столь ужасающе изменился, утратив былое величие. Возможно, место осталось прежним, те же камень и кирпич, деревья и лужайки, но утонченность и благовоспитанность исчезли без следа. Однако я не теряю надежды на возрождение ушедших идеалов, восстановление попорченного достоинства. Я

верю, Мэнсфилд станет таким, как раньше, здесь надобны мудрое руководство, безупречный вкус, чувство благопристойности; особа, наделенная подобными достоинствами, сумеет исправить многочисленные изъяны, привив обитателям усадьбы надлежащие понятия и манеры.

Мисс Йейтс фыркнула и остановилась, чтобы избавиться от прицепившихся к юбке репьев, но ничего не ответила.

Во время этой беседы Сьюзен немного ускорила шаг, не желая быть невольной свидетельницей чужого разговора. Миссис Мэддокс с сочувственной улыбкой последовала ее примеру. Должно быть, она слышала рассуждения Джулии и, найдя их достойными сожаления, сочла, что комментарии они не заслуживают.

Достигнув роши, Сьюзен и миссис Мэддокс с наслаждением ступили под благодатную сень деревьев, как вдруг позади послышался приглушенный крик. Удивленные дамы с тревогой обернулись, чтобы узнать, что случилось.

Они увидели, как один из быков, пасшихся в отдалении, лениво щипая траву, медленно побрел в сторону Джулии и мисс Йейтс. При его приближении охваченная паникой Шарлотта бросилась бежать, не разбирая дороги, и угодила в болотце, окружавшее истоки ручья. Она по колено увязла в илистой грязи и беспомощно топталась на месте, тщетно стараясь выбраться.

— Помогите! Помогите! — взывала она. — Да помогите же мне! Живо!

Визжащая, размахивающая руками леди привлекла внимание других пасущихся на лугу четвероногих, которые незамедлительно устремились к болотцу.

Джулия не двинулась с места. Всем своим видом выражая недовольство, она вовсе не попыталась прийти на помощь золовке; казалось, в случившемся она видит чей-то злой умысел, преследующий одну цель — вконец испортить ей этот злополучный день.

— Они не причинят вам вреда, Шарлотта, если вы умолкнете и будете стоять тихо! — раздраженно бросила она.

Заметив неподалеку среди деревьев мистера Уодема, Сьюзен позвала его на помощь, и тот вместе с подоспевшим Уильямом отогнал коров. Затем джентльмены и мисс Прайс, осторожно ступая по поросшим камышами кочкам, добрались к мисс Йейтс и, протянув ей руки, вытащили ее из трясины. Один нанковый сапожок остался в болоте, но Сьюзен его нашла. Мисс Йейтс была спасена, однако все — спасенная и спасители — вымазались в грязи.

Хромающую, жалобно причитающую Шарлотту проводили в рошу и усадили на поваленное дерево, предоставив заботам миссис Мэддокс, которая тотчас достала нюхательные соли, и мисс Стэнли, хранившей в своей сумочке флакон с одеколоном. Мисс Мария, младшая из сестер Стэнли, робко предложила Шарлотте засахаренные фрукты, но та холодно отказалась.

— Что ей нужно, так это как следует подкрепиться, — заметила миссис Мэддокс.

Показались остальные мужчины; они пришли пешком поодиночке, привязав лошадей в дальнем конце роши. С едва скрываемой досадой оглядев мисс Йейтс, Том осведомился:

— В чем дело?

Его вопрос остался без ответа. Мальчики, вооружившись палками, яростно колотили друг дружку, вопя во всю мощь своих легких (от боли или от злости, сказать затруднительно).

— Не пора ли нам перекусить? — предложила Сьюзен. — Уверена, легкое угощение

пойдет всем на пользу.

— Угощение? Я желал бы его всей душой, — хмуро отозвался Том. — Но никаких закусок не видно. Баддели так и не появился.

— Как странно! Я сказала ему, что повозка с кушаньями должна быть здесь до полудня, а теперь уже второй час.

— Но это не Стэнби-Вуд, — возразила Джулия.

— Стэнби-Вуд? С какой стати? Разумеется, это не Стэнби-Вуд! — воскликнул Том. — Стэнби-Вуд в трех милях отсюда.

— Баддели должен был доставить туда обед, я распорядилась об этом вчера вечером.

— Дорогая Джулия, — вскричал Том, видимым усилием заставляя себя сдержаться, — могу я спросить, зачем ты это сделала?!

— Я поняла с твоих слов, что мы договорились собраться там...

— Но я не говорил ничего подобного, отчего тебе вздумалось...

Пока брат с сестрой обвиняли друг друга, остальные с грустью думали о недостижимом угощении. Сьюзен горестно вздохнула, вспомнив, как вместе с миссис Уиттемор заботливо составляла список блюд для обеда. Видно, не в добрый час отправились они в путешествие, раз их преследуют злосчастья. Не лучше ли вернуться домой?

Услышав, что закусок не будет, мальчики подняли громкий негодующий крик, но мать не сделала попытки их утихомирить.

В эту минуту речь Уильяма, взволнованная и пылкая, внезапно придала мыслям присутствующих иное направление.

— Я намеревался объявить вам эту новость, когда мы сядем обедать и откроем бутылку вина, но поскольку закуски и вино к нам не придут, я не могу более ждать, мне не терпится поделиться своей радостью. Друзья, поздравьте меня! Я самый счастливый мужчина во всем Нортгемптоншире, да что там — во всей Англии! Я получил дозволение миссис Мэддокс оповестить вас, что мисс Харли оказала мне честь, согласившись стать моей женой!

Тут все заметили, что Уильям стоит подле мисс Харли, держа ее за руку, а она, алая, как маков цвет, смущенно улыбается, прелесть какая хорошенькая и счастливая.

Со всех сторон посыпались восклицания, оживленные возгласы и поздравления. Шестеро из присутствовавших были искренне рады и громко выражали свое восхищение; Джулия держалась холодно, ограничившись скупыми притворными любезностями; мисс Йейтс, все еще сидевшая на поваленном дереве, исполненная презрения, не произнесла ни слова, лишь скосила свои маленькие глазки, пронзив Тома острым, как игла, взглядом. Сьюзен с болью видела, что Том совершенно ошеломлен, потеряв, будто мир рухнул у него на глазах. Однако у него достало решимости и самообладания принести надлежащие поздравления мисс Харли и кузену Уильяму, хотя и не выказывая особой сердечности, что, впрочем, заметила одна лишь Сьюзен.

Поскольку джентльмены объявили, что роца не подходит для раскопок — земля слишком сырая и каменистая, — было решено вернуться к экипажам и проехать пять миль до Стэнби-Вуда, где дожидался Баддели с закусками. Сьюзен подозревала, что семейство Йейтсов, пребывавшее в самом дурном расположении духа, возможно, предпочтет вернуться домой, не принимая участия в исторических изысканиях.

Мистер Уодем всеми силами старался скрыть разочарование. Идя по тропинке рядом со Сьюзен, он признался, что всегда считал земли возле перепутья местом более подходящим

для археологических раскопок, нежели лес.

— Эти дороги почти наверняка относятся к римскому периоду, мисс Прайс. Весьма вероятно, тут располагалась почтовая станция или усадьба. Но, боюсь, в настоящее время участники нашей экспедиции не намерены здесь задерживаться.

Сьюзен от души сочувствовала пастору, чьи ожидания не оправдались. Как, должно быть, горько тому, кто задумал все путешествие и вдруг обнаружил, что его желания и стремления оставлены без внимания!

— Когда собирается большое общество, неизбежно возникают подобные сложности, — проговорила она. — Людьюми невозможно управлять. Вот если бы земли возле перепутья были живописнее, кое-кто из наших путешественников, наверное, пожелал бы побыть здесь немного...

Однако нельзя было не признать, что поля, примыкавшие к перекрестью дорог, вспаханные, засеянные ячменем и овсом, выглядели скучно и обыденно. Ряды молодых колосьев тянулись до самой живой изгороди, отвесные склоны по обеим сторонам тропинки не позволяли расположиться на обочине, и большинство путников желали поскорее покинуть это место, чтобы наконец отдохнуть, освежиться и перекусить.

Вдобавок, когда процессия подошла к экипажам, подъехал мистер Ноукс, здешний арендатор, верхом на своей коренастой лошадке. Его заинтересовало, откуда столько карет возле Стэнби-Стоун-Кросса.

Услышав от Тома, что на овсяных и ячменных полях будут проведены раскопки римских древностей, фермер сделался угрюмым и несговорчивым, отчего Том пришел в ярость и в запальчивости пригрозил мистеру Ноуксу расторжением договора об аренде.

Сьюзен было искренне жаль фермера, бедняга боялся, что плоды его трудов погибнут из-за затеи, представлявшейся ему пустым капризом. Ей хотелось возразить кузену, но мысль о постигшем Тома разочаровании заставила ее сдержаться. Встретившись глазами с мистером Уодемом, она послала ему умоляющий взгляд, и пастор с присущим ему тактом и благожелательностью сумел погасить страсти, примирив враждующие стороны; все сошлись на том, что после сбора урожая, когда на поле останется одна солома, можно будет начинать раскопки.

Малютки Джонни и Томми от скуки принялись взбираться на крутой склон у самой дороги и скатываться вниз, тузя друг друга и лягаясь; их занятие прервали первые тяжелые капли дождя и оглушительный раскат грома, возвестившие, что, пока мысли всех были заняты другими предметами, погода переменилась. Набежали тучи, небо почернело, резкий порыв ветра взметнул пыль на тропинке.

Дамы с испуганными возгласами поспешили укрыться в экипажах. Том не потрудился попрощаться с сестрой и мисс Йейтс, тогда как миссис Мэддокс весьма сердечно простилась со Сьюзен, пообещав на днях заглянуть в Мэнсфилд, чтобы продолжить столь приятное знакомство.

— Тем более что в самом скором времени вы с Луизой станете сестрами, милая мисс Прайс!

— Так свадьба уже скоро? — спросила Сьюзен, лишь теперь с изумлением осознав, что Уильям женится на наследнице большого состояния.

— Ну да, как только капитан Прайс получит назначение на корабль. Он думает, что это будет «Медуза», но, уверена, вы сами все знаете. Луиза хочет отправиться в плавание вместе с Уильямом; она говорит, что всегда мечтала стать женой моряка. Мы все так рады за нее,

мисс Прайс; ваш брат чудесный человек, о лучшем супруге и мечтать нельзя.

— Приятно слышать, что вы столь высокого мнения о нем, — тепло сказала Сьюзен и рассталась с Мэддоксами дружески, с самым добрым чувством.

На прощание Луиза порывисто поцеловала ее, а после крикнула из окна кареты:

— Вы должны непременно прийти в Грешем-Хилл, мисс Прайс, посмотреть на моих котятков!

Экипаж покатило прочь, и Уильям с братьями Мэддокс отправились следом верхом.

Дождь хлынул потоками, и больше уж никто не предлагал отправиться в Стэнби-Вуд отведать угощение — если только угощение и вправду было там. Теперь незадачливые путешественники желали лишь одного — добраться поскорее до дома.

Том уже ускакал резвым галопом на Фараоне, и Сьюзен, с тревогой проводив его взглядом, всю обратную дорогу, рассеянно поддерживая разговор с сестрами Стэнли и принимая их сердечные поздравления, не находила себе места от беспокойства.

Возвратившись домой и обнаружив мирную картину — миссис Осборн, распутывая кружево леди Бертрам, рассказывала о гигантских черепахах с Галапагосских островов, — Сьюзен невольно поразились: так странен был контраст между тихой безмятежностью Мэнсфилда и бурными страстями, волнениями и раздорами, сопровождавшими неудавшийся пикник.

Дождь все не переставал, слышались удары грома, но в тихих просторных залах Мэнсфилда этого почти не замечалось.

— А вот и ты, Сьюзен, — проворчала тетушка. — Верно, непогода заставила вас вернуться, так мы и думали; там ужасная гроза, не так ли? Помнится, я предостерегала тебя. Слава Богу, теперь ты дома.

Сьюзен коротко рассказала о поездке, не забыв упомянуть о помолвке Уильяма с мисс Харли. Она подумала, что Тому будет легче снести боль, если первые удивленные восклицания прозвучат в его отсутствие. Миссис Осборн встретила новость с живым интересом, леди Бертрам — более равнодушно.

— Луиза Харли славная девушка, и за ней тридцать тысяч. Уильяму повезло, это весьма удачная партия. Я не жалею, что он будет связан узами родства с нашими соседями. Хотя одно время я было решила, будто Том, возможно, попросит руки мисс Харли. Но это даже к лучшему, что он пока не думает жениться. Ты не могла бы позвонить, чтобы зажгли свечи, Сьюзен? Становится слишком темно, мне уже не разобрать цвет ниток. А где Том, кстати сказать?

— Разве Том еще не возвратился? — с тревогой спросила Сьюзен. Том поскакал вперед, обогнав коляску мистера Уодема, и давно должен был вернуться домой.

Однако в усадьбе его не видели; слуга, принесший свечи, подтвердил, что хозяин не давал о себе знать.

Но вскоре, когда миссис Осборн покидала усадьбу, собираясь ступить на подножку коляски брата, укрытая от дождя зонтиком, который держал над ней Баддели, из деревни прискакал посыльный с известием, что мастера Тома сбросила лошадь и он без чувств лежит в Уайт-Хаусе.

Дамы пришли в ужас. Послышались взволнованные восклицания: как могло такое случиться? Что теперь делать? Кто ухаживает за Томом?

— Во всем виноват его дурной жеребец, мисс Сьюзен; мастер Том ехал по деревенской улице резвым галопом, когда внезапно ударил гром, лошадь испугалась и сбросила седока на булыжник. Это случилось как раз напротив Уайт-Хауса, тамошняя леди велела отнести мастера Тома в дом — она сидела возле окна и все видела. Мистер Крофорд тотчас поскакал за доктором Фелтемом, а леди послала меня сообщить вам.

Услышав эти тревожные новости, миссис Осборн с присущей ей добротой отложила намерение вернуться в пасторат; вместе с мистером Уодемом она осталась подле леди Бертрам, пытаясь утешить почтенную даму, успокоить ее страхи, смирить расстроенное, возбужденное воображение, пока не появятся сведения более определенные. В ожидании вестей из Уайт-Хауса все пребывали в сильном волнении.

Сьюзен в случившемся винила себя, хотя едва ли могла бы сказать за что. За то, что не смогла отговорить Тома ехать на пикник верхом на Фараоне? Но тот не стал бы слушать ее

доводов. За то, что не предвидела последствий объявления о помолвке Уильяма с мисс Харли, сделанного столь внезапно, и не попросила отложить его? Но откуда ей было знать о нем? За то, что не воспрепятствовала Джулии вмешаться и расстроить все приготовления к пикнику? Как будто Джулию можно остановить, если она что-то задумала!

Даже сознавая, что Уильям наверху блаженства, Сьюзен невольно чувствовала себя глубоко несчастной; в который раз страстно желала она, чтобы рядом была Фанни, милая, нежная Фанни, умеющая рассеять тревогу, исцелить душевную боль и утешить.

Бедняжка Мэри Крофорд, надо же такому случиться у самых дверей ее дома, ведь для больной в ее состоянии подобные волнения губительны! Как глубоко она, должно быть, потрясена! Вдобавок несчастье произошло не с кем иным, как с Томом Бертрамом. Тот, кто отказался поддерживать знакомство с мисс Крофорд, почитая ее своим врагом, водворился теперь в ее доме.

Три дамы сидели рядом, с волнением и тревогой ожидая новостей, пока мистер Уодем тихо говорил о подобных злополучных падениях, свидетелем которых ему доводилось быть и которые неизменно оканчивались пустяковыми ранениями, а также об искусстве врачей, о крепком сложении Тома и тому подобных утешительных предметах. Но ничто не могло развеять уныния, охватившего всех. Не приносила утешения и погода: за окном свирепствовала буря, деревья и кусты угрожающе раскачивались, растерзанные ветром цветы и сломанные сучья в беспорядке разбросаны были по траве, а садовые дорожки затопило дождем.

Наконец мало-помалу ветер начал слабеть, небо очистилось; перед закатом тяжелые тучи рассеялись, в ясном воздухе вновь повеяло свежестью. В это благодатное время прибыл еще один посланец из Уайт-Хауса — явился сам мистер Крофорд с весточкой о Томе.

— Я не прошу у вас прощения, сударыня, за это вторжение; знаю, вы не находите себе места от тревоги.

Возможно, леди Бертрам и не испытывала столь сильного беспокойства, однако она подняла глаза и не сводила взора с лица мистера Крофорда, пока тот говорил.

— Фелтем постоянно находился при сэре Томасе и теперь объявил, что состояние больного не внушает опасений. Сэр Томас получил легкую контузию, перевозить его сейчас домой было бы неразумно, у него также повреждена левая рука, но, к счастью, кость лишь треснула, доктор уже наложил повязку. Фелтем — весьма опытный хирург, я ассистировал ему и уверяю вас, сударыня, даже врачи его величества не справились бы лучше. Ваш сын в надежных руках.

— Но он не дома! — посетовала леди Бертрам. — Он в Уайт-Хаусе, и это, право, так неудобно. Как мы сможем справляться о его здоровье?

— Не говоря уж о чрезвычайном... великом беспокойстве, доставленном вашей сестре, — добавила Сьюзен.

Мистер Крофорд живо повернулся к ней:

— Прошу, не придавайте этому значения, мисс Прайс! Сестра знала, что вы станете тревожиться за нее, и просила успокоить вас. Все устроится. Мэри уверяет, что пребывание вашего кузена в доме несколько ее не стеснит; напротив, уход за больным поможет ей отвлечься от мыслей о собственном недуге. И я убежден, она говорит правду; моя сестра всегда блистательно справлялась с трудностями; ее деятельная натура предпочитает волнения тихому существованию.

Сьюзен с трудом верилось, что Мэри Крофорд согласилась бы променять свою

спокойную, размеренную жизнь на неизбежные хлопоты, связанные с пребыванием в доме раненого. Некогда — возможно, но теперь едва ли. И все же Сьюзен по достоинству оценила великодушные мисс Крофорд и, понимая, что возражения делу не помогут, лишь осведомилась, что надобно прислать в Уайт-Хаус из усадьбы, помимо ночного белья и туалетных принадлежностей Тома. Возможно, понадобятся свежие простыни, лекарства, салфетки? Дополнительная прислуга в помощь?

— Но если отправить большую карету... Тому лучше всего будет дома, — вновь и вновь твердила леди Бертрам.

Мистер Крофорд с необычайной любезностью и благоразумием убеждал ее, что это никак невозможно; раненого нельзя трогать с места по крайней мере сутки. Сьюзен была совершенно очарована той мягкой, дружественной непреклонностью, с которой этот достойный джентльмен повторял одно и то же еще и еще, вовсе не выказывая нетерпения или гнева. В увещеваниях его было столько сочувствия, столько непринужденности и доброй приязни, что Сьюзен не могла не восхищаться им. Даже мистер Уодем не проявил бы больше деликатности и такта. Крофорд заслуживал самой лестной похвалы. Этот человек нравился ей все более.

Пока Сьюзен отдавала распоряжения экономке насчет необходимых вещей для Тома, мистер Крофорд оставался в гостиной и беседовал с дамами, выражая сострадание, давая советы и пытаясь отвлечь леди Бертрам от печальных мыслей. Вернувшись, Сьюзен услышала, как он объяснял, что недавно арендовал Стэнвикс-Лодж — солидный дом с землей, расположенный неподалеку от мэнсфилдской деревни.

— Я, без сомнения, не смог бы покинуть эти места, не убедившись, что здоровье моей сестры поправляется, но вечно оставаться в гостинице крайне неудобно, а Уайт-Хаус недостаточно велик, чтобы вместить меня вместе с моими слугами.

— Да, Стэнвикс-Лодж весьма приличный дом. — Мысли леди Бертрам и вправду приняли иное направление. — Там некогда жил адмирал Ли, и мой муж, сэр Томас-старший, бывало, заходил к нему; сэр Томас говорил, что это весьма приличный дом, только вот трубы прегадко дымят, когда ветер с востока.

— Что ж, поскольку топить камин теперь не время, мне это не доставит беспокойства, — ответил мистер Крофорд, поднимаясь, чтобы уйти.

Удостоверившись, что леди Бертрам успокоилась и можно ее оставить, мистер Уодем с сестрой также пожелали откланяться.

Сьюзен тепло поблагодарила всех троих за их доброту и сердечность.

— Мне очень жаль, что ваш замысел римских раскопок не осуществился, — сказала она мистеру Уодему. — Сегодня выдался поистине злосчастный день, неудачи преследуют нас. Но будем надеяться, нам не придется ждать слишком долго, чтобы исполнить ваш план. В сентябре здесь часто стоит сухая теплая погода, и быть может, после сбора урожая... возможно, тогда...

— Возможно, тогда, мисс Прайс, ваши брат с сестрой благополучно вернутся к нам, — с доброй улыбкой проговорил мистер Уодем.

— Ах да, конечно... — Сьюзен с удивлением обнаружила, что совсем забыла о возвращении Фанни. Но день этот был полон самых невероятных событий. — Разве вы не сможете задержаться здесь еще на несколько недель после возвращения Эдмунда и Фанни? Вам ведь нет надобности вновь отправляться в путешествие так скоро?

— Мой брат страстно привержен долгу, мисс Прайс, — усмехнулась миссис Осборн. —

Стоит ему почувствовать, что он может ехать, и никому не удастся его удержать.

Пастор с сестрой покинули усадьбу, а мистер Крофорд задержался, чтобы сказать:

— Мэри шлет вам сердечный привет, мисс Прайс. Понимая, что при нынешних горестных обстоятельствах вам надобно оставаться подле леди Бертрам, которая едва ли сможет обойтись без вас в ближайшие дни, моя сестра все же надеется увидеть своего дорогого друга, пусть на краткий миг, и будет рада принять вас в любое время, если вдруг у вас выдастся свободная минутка. Должен признаться, я горячо поддерживаю ее пожелание. Мне известно — я сам был тому свидетелем, — какое неизъяснимое удовольствие и несомненную пользу приносят ей ваши посещения.

— О... какие пустяки... просто... мы очень быстро стали друзьями! — краснея, воскликнула Сьюзен. Она торопливо заговорила вновь, опасаясь, что мистер Крофорд спросит ее о здоровье Мэри, а в теперешнем своем состоянии Сьюзен не смогла бы отвечать с обычной сдержанностью и спокойствием: — Мне думается, я знаю, о чем хочется услышать вашей сестре. Она ждет от меня подробного отчета о сегодняшнем путешествии. И если ей по душе ужасные истории, вы могли бы удовлетворить ее любопытство, сказав, что с нами приключились все мыслимые несчастья: одна дама увязла в болоте и вдобавок подверглась нападению диких быков; мой кузен едва не сошелся в кулачном бою с фермером, не желавшим, чтобы вытаптывали его ячмень; повозка с кушаньями потерялась и, насколько мне известно, до сих пор не нашлась. И наконец, происшествие с Томом стало естественным завершением этого злополучного дня.

Мистер Крофорд невольно рассмеялся, но тотчас сдержал смех, вспомнив, что в доме воцарились печаль и тревога.

— Я расскажу Мэри, — пообещал он. — Это лишь распалит в ней желание видеть вас как можно скорее. — Поклонившись Сьюзен, мистер Крофорд ушел.

На следующий день у Тома началась лихорадка, и хотя поврежденная рука и контузия уже не причиняли больному сильных страданий, доктор Фелтем настоял, чтобы он оставался в постели, задержав переезд еще на два дня, несмотря на все жалобы и мольбы леди Бертрам.

По этой причине в последующие сорок восемь часов между Мэнсфилд-Парком и Уайт-Хаусом неустанно сновали посланники. Мистер Крофорд почти каждый час привозил свежие новости о Томе, и не меньшее усердие выказывал мистер Уодем.

На второй день добросердечная миссис Осборн пришла посидеть с леди Бертрам, и Сьюзен смогла навестить больного. Она чувствовала, что, несмотря на любезное внимание и заботливый уход, кузен несчастен и нуждается в утешении; поверить в это было совсем нетрудно, ведь Том пережил постыдное падение с лошади и оказался в весьма незавидном положении тотчас после того, как узнал о помолвке мисс Харли. Нужно ли удивляться, что он пребывал теперь в самом скверном расположении духа?

Мисс Прайс, по обыкновению, встретили ласково и сердечно — Мэри Крофорд, сойдя вниз, сидела в парадной гостиной; но, взглядевшись в ее бледное, изнуренное лицо, Сьюзен с тревогой подумала, что лучше бы та оставалась в постели.

— Знаю, вам страстно хочется увидеть кузена, так что я задержу вас всего на минутку, — с улыбкой проговорила мисс Крофорд. — Хотя я сгораю от любопытства, мне не терпится услышать историю о злополучном пикнике из ваших уст! Быть может, вы уделите мне несколько минут после того, как уверитесь, что состояние нашего страдальца благополучно? Нам пришлось устроить сэра Томаса в задней гостиной, прежде всего потому,

что в доме недостает спален, вдобавок Фелтем запретил поднимать больного по лестнице.

Зная, как любила Мэри сидеть в тишине задней гостиной, просторной солнечной комнаты, выходящей в сад, Сьюзен была тронута ее великодушием. Проскользнув в гостиную, она увидела Тома, лежащего на кровати, которую поставили здесь для него; голова его покоилась на пышной горе подушек; интересная бледность лица и рука на перевязи придавали ему вид романтического героя. Небритый, со взъерошенными волосами, он казался совсем юным, много моложе прежнего Тома.

— О, Том!

— А, это ты, Сьюзен? Вообрази, какая досада! — проговорил Том, безуспешно стараясь придать голосу обычную веселость. — Как дома? Должно быть, матушка тревожится обо мне?

— Ну конечно! Потому-то я и пришла навестить тебя. Каждые полчаса она спрашивает, когда доктор Фелтем позволит привезти тебя домой.

— Да, это чертовски неприятно, Сьюзен. Фелтем уверяет, будто рука у меня воспалилась; я уверен, дело пустяковое, но эти доктора всегда лучше всех знают; он запретил перевозить меня в ближайшие несколько дней. Все это чушь несусветная, как ты понимаешь: я в превосходной форме и могу ехать немедля, ей-богу, не вижу никаких препятствий; мне совестно доставлять столько неудобств мисс Крофорд. Она необычайно любезна и просит меня не беспокоиться, но будь все проклято! Это ее гостиная, ей, должно быть, хочется посидеть здесь днем в тишине и покое. Тут стоит арфа, привезенная ее братом, но мисс Крофорд не имеет возможности играть. Мне крайне неловко оттого, что я стесняю ее, причиняя массу хлопот: надеюсь, ты принесешь за меня мисс Крофорд надлежащие извинения, как того требуют правила вежливости.

Сьюзен была немало озадачена. Ей еще не доводилось слышать, чтобы Том произносил столь длинную речь, проявляя искренний интерес к нуждам и заботам других, ставя чужие удобства выше собственных. Вдобавок говорил он о Мэри Крофорд, которую доселе почитал воплощением зла; должно быть, случившееся произвело в нем изумительную перемену.

Присев на стул возле кровати, Сьюзен внимательно оглядела кузена. Он казался изнуренным, кожа приобрела желтоватый восковой оттенок; при виде его запавших глаз, окруженных темными тенями, Сьюзен мысленно согласилась с вердиктом доктора: Тома не следовало перевозить.

— Что случилось с моим жеребцом, Сьюзен? Как Фараон? — без обиняков спросил Том. — Крофорд не мог сказать мне, но ты, думаю, знаешь. Конь цел?

— Немного повредил копыто, бабка распухла, но в остальном нисколько не пострадал. — Угадав, что кузен непременно захочет узнать о судьбе своего жеребца, Сьюзен справилась у конюхов. — Уэдерби нашел его в парке, поймал и привел домой.

— Слава Богу, — облегченно вздохнул Том. — Я и за тысячу фунтов не согласился бы потерять его. Он себя еще покажет, надобно только его вышколить, этот конь необычайно умен. Но ты была права, Сьюзен: мне не следовало седлать его в тот злополучный день, Фараон еще не объезжен как следует. Но надо же было случиться грозе! Беда, да и только! Я все думаю об этом, лежа тут; если бы не тот удар грома, все бы обошлось.

— И наверняка к тому времени ты немного устал, — добавила Сьюзен. — Твои мысли были заняты не столько жеребцом, сколько чередой злоключений этого дня, превратностями нашего путешествия, разочарованиями.

Сьюзен намеревалась исподволь перевести разговор на помолвку мисс Харли, полагая,

что беседа эта принесет Тому облегчение. Нельзя держать боль в себе: тайная рана непременно начнет гноиться, отравляя кровь.

— Разочарованиями? Ах да, мы лишились угощения из-за треклятого вмешательства Джулии, верно?

— Да, она велела Баддели отправить повозку с кушаньями в Стэнби-Вуд.

— Быть может, это научит ее не совать вечно свой нос в дела Мэнсфилда. Занималась бы лучше собственным домом и оставила нас в покое. Джулия иногда бывает несносной.

Соглашаясь всей душой с этим утверждением, Сьюзен, однако же, не пожелала отзываться пренебрежительно о сестре Тома и заговорила о другом:

— Мой брат Уильям шлет тебе сердечный привет и самые добрые пожелания. Ему пришлось отправиться в Лондон по долгу службы. — Уильяму надлежало незамедлительно явиться в адмиралтейство. — Однако он был искренне огорчен тем, что покидает тебя в такую минуту, притом даже не попрощавшись.

— Да, он чудесный малый, мне тоже очень жаль, что мы с ним не повидались перед его отъездом. Надеюсь, он еще приедет к нам. Я желаю ему всяческого благополучия. Твой брат непременно сделается адмиралом, вот увидишь; я самого высокого мнения об Уильяме.

— Еще он просил передать... — нерешительно проговорила Сьюзен. — Уильям очень надеется, что в случившемся нет его вины... возможно, новость... объявление о его помолвке с мисс Харли... Уильяма терзает мысль о том, что причиной твоего падения с коня могла быть рассеянность, что известие опечалило тебя...

Том недоуменно нахмурился, раздумывая над словами Сьюзен, потом лицо его разгладилось, и он весело расхохотался.

— О, теперь я тебя понял, кузина! Уильям решил, будто я тоскую и убиваюсь из-за его помолвки с Луизой Харли! Да ничего подобного! Вы думаете, будто я разобиделся оттого, что кузен Уильям вмешался и обскакал меня. Но я вовсе не держу на него зла. Я сам виноват, что не потрудился раньше завоевать благосклонность мисс Харли; однако теперь, когда она обручена с другим, я нисколько о том не жалею. Луиза чудесная девушка, она будет Уильяму хорошей женой. В самом деле, эти двое прекрасно подходят друг другу. Твой брат славный малый и, безусловно, достоин счастья с Луизой. Но, подумав хорошенько, я нисколько не печалюсь о себе. У Луизы добрый, мягкий нрав, это верно, но глубиной мыслей она не блещет. — Признав правоту этих слов, Сьюзен тотчас почувствовала облегчение, будто тяжесть свалилась с ее души. Том между тем продолжал: — Помолвка Уильяма заставила меня задуматься о собственной судьбе; когда я женюсь, то выберу себе женщину не в пример более умную, нежели Луиза Харли. Таковую, с которой интересно поговорить, чьего совета можно спросить, не услышав в ответ какой-нибудь пустой банальности; женщину разумную и здравомыслящую, вроде миссис Осборн... или мисс Крофорд. Такие, как она, встречаются одна на тысячу, Сьюзен!

— Это верно.

— Я горько сожалею теперь, что незаслуженно обижал ее, — добавил Том, понизив голос. — Она так мила, так приветлива со мной. Сьюзен, она ангел! И вот я здесь, в ее доме, бессовестно занимаю ее гостиную, причиняя ей столько неудобств... а ведь я, пренебрегая вежливостью, даже не потрудился нанести ей визит, хотя она серьезно больна. Но мисс Крофорд не упрекнула меня ни словом, ни намеком; она неизменно добра, непритворно, искренне добра. И притом вовсе не изображает из себя мученицу, готовую к всепрощению, что бывает несносно; нет, она умеет быть необычайно занимательной и забавной. О, я не

удивляюсь теперь, что вы с ней так подружились. До сих пор я неверно судил о мисс Крофорд и с готовностью признаю это. — Сьюзен молча смотрела на кузена, ошеломленная случившейся с ним переменой. — А Крофорд, ты знаешь сама, человек в высшей степени достойный. Должен признаться, мне трудно поверить рассказам о нем и моей сестрице Марии.

Тут, видя, что Том в самом благодушном настроении, Сьюзен сочла своим долгом развеять его заблуждение относительно связи Крофорда с Марией, опровергнув ложные слухи. Коротко она изложила подлинную историю, рассказанную миссис Осборн.

Внимательно выслушав ее, Том заговорил:

— Право, это похоже на Марию. Моя сестра сызмальства была злобной; помню, еще ребенком она выдумывала всякие небылицы о людях, желая с ними поквитаться. Я рад, что имя Крофорда очищено от наветов. Я всегда чувствовал расположение к нему.

Услышав эти слова, Сьюзен невольно упрекнула себя, что не рассказала кузену всей правды раньше, однако, по некотором размышлении, рассудила, что Том в прежнем своем душевном состоянии вряд ли поверил бы ей.

Тем временем Том вновь заговорил о мисс Крофорд, и Сьюзен пришлось выслушать еще один восторженный панегирик в честь Мэри. Как она сметлива, как остроумна и прозорлива, как чутка; женщина с сильным характером, с возвышенной душой, такие глубокие натуры встречаются крайне редко, вдобавок прелестна, как ангел.

Терпеливо выслушивая все эти излияния, Сьюзен вдруг почувствовала, как мучительно сжалось сердце. Том любит мисс Крофорд! С ним случилось то же, что и с мистером Уодемом. Всего два дня в обществе Мэри, и он уже очарован ею.

Но стоит ли этому удивляться? Восхищение Тома легко понять. Сьюзен соглашалась всей душой, что мисс Крофорд заслуживает похвал, которыми осыпал ее Том. Однако даже то, что легко понять, не всегда легко бывает принять. Сьюзен обнаружила, что открытие причиняет ей боль. В случае с мистером Уодемом она смогла отстраниться, замкнуться. Но на сей раз все было иначе.

Пытаясь усмирить бурю чувств, поднявшуюся вдруг в ее душе, она слушала Тома.

— Эдмунд был влюблен в нее, до того как женился на Фанни. Меня это удивляло, знаешь ли, я находил мисс Крофорд живой, довольно приятной, но не видел в ней ничего особенного. Наружностью она значительно уступала моим сестрам, Марии и Джулии, во всяком случае, так я в ту пору думал. Тогда я не понимал, что это женщина редких достоинств. Она напоминает мне шекспировскую героиню, Порцию или Виолу, одну из тех блестящих ученых женщин, что так остры на язык. Теперь меня удивляет, что Эдмунд не приложил больше стараний, чтобы завоевать ее. Хотя, конечно, всему виной эта проклятая история с Марией и Крофордом. Чертовски жаль, что так вышло. Однако Эдмунд женился на Фанни и правильно сделал. Вдобавок он слишком скучен для Мэри Крофорд; ей нужен мужчина поживее.

— Том, — мягко заговорила Сьюзен, чувствуя, что сердце ее готово разорваться на части, — ты ведь понимаешь, что мисс Крофорд серьезно больна?

Том посмотрел в глаза кузине. Схватив его руку, лежавшую поверх одеяла, Сьюзен порывисто сжала ее. Никогда прежде она не позволяла себе подобных вольностей. Том не вырвал руку, напротив, сдал ладонь Сьюзен, будто умоляя что-то ему пообещать.

— Мисс Крофорд не выглядит безнадежно больной, — резко возразил он. — Думаю, ей нужно лишь... отдохнуть и развеяться.

— Но доктор говорит...

— А, доктор! Доктора подчас ничего не смыслят в подобных случаях. Последние двадцать лет доктор сокрушенно качает головой, навещая мою матушку, а между тем я готов поклясться, она переживет нас всех.

Сьюзен не стала говорить, что леди Бертрам — всего лишь праздная, ленивая, себялюбивая женщина, потакающая своим капризам и слабостям, готовая в любую минуту вообразить себя больной, лишь бы избежать малейшего напряжения сил, и вдобавок наделенная отменным здоровьем, если не считать недостатка ума.

— Я только хотела сказать, Том, что тебе следует помнить о хрупком здоровье мисс Крофорд и не утомлять ее, не позволять ей чрезмерно изнурять себя.

— Разумеется, я не сделал бы ничего подобного! Лышу себя надеждой, я не такой грубиян и невежа.

Прежде чем покинуть Уайт-Хаус, Сьюзен немного посидела в передней гостиной с Мэри Крофорд, рассказав ей вкратце о злополучном пикнике. Та слушала историю с сияющими глазами.

— Значит, ваш брат Уильям заполучил богатую наследницу! Превосходно. Он этого заслуживает. Я очень за него рада, теперь на борту его корабля соберется целый зверинец из попугаев, морских свинок и обезьянок. А мисс Йейтс увязла в болоте, что ж, так ей и надо. Жаль, что вы лишились обеда. Но признаюсь, я нисколько не жалею о несчастье, постигшем вашего кузена, поскольку благодаря его падению с лошади мне представилась счастливая возможность возобновить наше знакомство. Он сильно переменился, Сьюзен! Я помнила его довольно легкомысленным молодым человеком, интересующимся лишь бегами да карточной игрой, без единой сколько-нибудь серьезной или занимательной мысли в голове, однако теперь он, кажется, возмужал. В нем больше достоинств, чем мне представлялось прежде. Вы были правы, защищая его в беседе со мной. Теперь я верю, что со временем кузен ваш станет таким же, как его отец. Мэнсфилд не придет в упадок под его управлением. Как видите, Сьюзен, меня заботит судьба Мэнсфилда, — смеясь, продолжала Мэри. — Это место исполнено величия, но самая суть его — не стены, не деревья и камни, но царящий здесь дух праведности, возвышенные идеалы, искренняя приязнь, связывающая его обитателей с соседями. Вот что такое для меня Мэнсфилд. Но я вижу, вы сидите как на иголках, вам не терпится вернуться к вашей беспокойной тетушке. Преданная, самоотверженная Сьюзен! Ужасно, что вам приходится проводить так много времени в заботах о леди Бертрам. И все же, будем надеяться, судьба еще преподнесет вам приятный сюрприз, изюминку в пудинге. Ну, довольно! Поцелуйте меня и ступайте. Мне нет надобности просить вас прийти поскорее; коль скоро ваш кузен теперь под одной крышей со мной, не сомневаюсь, мы будем иметь удовольствие видеть вас каждый день.

— Уверю, я навещала бы вас, даже если бы его не было здесь. — Немного уязвленная, Сьюзен направилась к дверям. Мэри послала ей вслед воздушный поцелуй.

Возле дома Сьюзен увидела Генри Крофорда, вылезавшего из своей двуколки. Он тотчас предложил отвезти мисс Прайс в усадьбу, и Сьюзен с радостью приняла приглашение, поскольку, возможно, из-за волнений предшествующих дней больше обыкновенного чувствовала себя усталой.

Видя мисс Прайс рассеянной, поглощенной своими мыслями, Генри с предупредительностью истинного джентльмена не стал утомлять ее долгими разговорами, ограничившись лишь заверениями в том, что состояние Тома не внушает опасений,

воспаление вскоре пройдет. Крофорд и сам некогда страдал лихорадкой из-за сломанной кости, но через несколько дней здоровье его совершенно поправилось, теперь он даже не вспоминает о пережитом недуге; обе руки его одинаково сильны, он уж и не помнит, которая из них была сломана. Том непременно вернется домой в самом скором времени целым и невредимым. После этих ободряющих уверений Генри дал беседе увянуть, в двухколке воцарилось дружественное молчание. О здоровье Мэри не говорили, лишь однажды Сьюзен упомянула:

— Я видела, вы привезли сестре арфу. Должно быть, она очень рада. Жаль, инструмент стоит в комнате, где теперь находится мой кузен, и мисс Крофорд лишена возможности играть.

— Не вовсе лишена, — отвечал Генри. — Она пообещала, что станет играть для вашего кузена, когда тот расположен будет слушать, и сэр Томас выразил горячее желание насладиться ее игрой. Но сестра говорит, что не сможет играть подолгу, она находит это занятие утомительным.

Сьюзен ничего не сказала в ответ; они с мистером Крофордом слишком хорошо поняли друг друга. Ею овладело странное чувство, будто она знает Крофорда долгие годы.

Подъезжая к дому, она увидела коляску Джулии. Зрелище это повергло ее в уныние, хотя и не удивило. Разумеется, миссис Йейтс, извещенная письмом о происшествии с Томом, преисполнилась сестринской заботой и явилась справиться о самочувствии брата. Шарлотта не смогла сопровождать невестку (Сьюзен была крайне признательна судьбе за эту крохотную милость). Вконец обессиленная чередой злоключений, выпавших на ее долю в минувший четверг, мисс Йейтс вот уже несколько дней оставалась в постели.

Джулия сидела подле леди Бертрам и миссис Осборн. Дамы принялись расспрашивать о состоянии Тома, и Сьюзен не замедлила обнадежить их уверением, что больной уже на пути к выздоровлению. Впрочем, леди Бертрам была немало разочарована тем, что Тому по-прежнему не позволяют вернуться домой.

— Конечно, в Уайт-Хаусе о нем не позаботятся лучше, чем дома, тут и говорить нечего.

Сьюзен, вспомнив, сколь сильное влияние оказала мисс Крофорд на Тома, не могла согласиться с этим утверждением, однако мнение свое оставила при себе.

— Вот глупец! — воскликнула Джулия. — Мне нисколько не жаль Тома. Он сам навлек на себя несчастье. И Джон совершенно со мной согласен. Отчего ему вздумалось ехать на пикник на этом необъезженном норовистом жеребце? Всею виной его тщеславие, пустое бахвальство, глупое безрассудство! Вдобавок он был отвратительно груб с мисс Йейтс — не потрудился уделить ей внимание после всего, что бедняжке пришлось пережить, за весь день не удостоил ее и парой слов, даже не попрощался; она глубоко оскорблена подобным пренебрежительным обхождением. Том выводит меня из терпения. Конечно, весьма досадно, что он лежит в доме этих коварных, лживых интриганов Крофордов... Но в конце концов ему некого в том винить, кроме себя самого. Полагаю, теперь Крофорды ждут, что их станут принимать в этом доме. Что до меня, то я не собираюсь возобновлять знакомство с ними. Как я поняла со слов миссис Осборн, слухи о связи Крофорда с моей сестрой Марией не во всем правдивы... что ж, возможно, и так... но, по-моему, дыма без огня не бывает. Думаю, дело это темное, тут каждой стороне найдется что сказать. Мне никогда не нравился Генри Крофорд — хитрый, самоуверенный прохвост из тех, что норовят втереться в доверие к порядочным людям, и сестрица его не лучше. Всегда во всем искала свою выгоду. Я решительно не намерена поддерживать связи с ними и настоятельно советую вам,

сударыня, — Джулия повернулась к матери, — сделать то же самое.

— О, дорогая, — вздохнула леди Бертрам. — Все это так неприятно. Весьма досадно. Но я подожду, что скажет Том, воротившись домой.

Сьюзен невольно улыбнулась про себя, представив, каким будет ответ Тома, когда матушка обратится к нему за советом.

Желая дать разговору иное направление, миссис Осборн любезно осведомилась, нет ли вестей от путешественников, пребывающих в Вест-Индии.

— О, думаю, они никогда уж не вернутся в Англию, — небрежно отозвалась Джулия. — Эдмунд столь успешно ведет отцовские дела, что, даю голову на отсечение, Том попросит его и Фанни остаться на Антигуа, чтобы продолжать управлять семейными владениями. В самом деле, зачем им возвращаться? Я слышала, климат там восхитительный, плантаторы живут как принцы, каждый имеет по двадцать слуг, тогда как в Англии довольствовался двумя; мой брат и Фанни сделают глупость, если не останутся там до конца жизни.

Услышав, что Фанни с Эдмундом могут не вернуться, Сьюзен ужаснулась, подобная мысль не приходила ей в голову. Однако приходилось признать: слова Джулии, возможно, не лишены здравого смысла. Семейные владения, несомненно, будут приносить большой доход, если управлять ими станет разумный, добросовестный человек, а кто лучше Эдмунда справится с этой ролью? К тому же Эдмунд, возможно, почтет своим долгом остаться; обязанности настоятеля прихода он с тем же успехом мог бы нести на Антигуа, как в Нортгемптоншире. А если останется он, Фанни, разумеется, не покинет его.

Сьюзен охватило отчаяние. Нет, ей не выдержать вечной разлуки с сестрой, ведь Фанни — ее душевный друг, любимица, наперсница и мудрая наставница, готовая разрешить все сомнения и утешить в печали. Со дня отъезда сестры Сьюзен мучительно тосковала по ней, единственным утешением служили ей длинные письма к Фанни, в которых она изливала свою душу. Неужели ее беседы с сестрой навеки сведутся к одной лишь переписке, к тягостно медлительному обмену посланиями? Думать об этом было невыносимо.

Однако, по счастью, Сьюзен вспомнила, что Джулия всегда терпеть не могла Фанни и вдобавок никогда не разделяла чувств и мыслей своего брата Эдмунда. Миссис Йейтс нередко случалось выдавать желаемое за действительное — надеясь втайне, что Фанни с Эдмундом никогда не вернутся в Мэнсфилд, она убедила себя в этом.

— Кстати сказать, сударыня, — продолжала Джулия, — я слышала новость, которая, возможно, вас немало удивит! Моя сестра Мария, как вам известно, вышедшая замуж за Рейвеншо, вернулась в Нортгемптоншир.

— Боже! В самом деле?

— Лорд Рейвеншо, кажется, близкий друг герцога Брекона, так что теперь эта парочка — Мария со своим мужем — гостит у герцога в Беллами. Там собралось большое общество, чтобы поглядеть на скачки. Должна сказать, это так похоже на Марию — бесстыдно явиться туда, где ее вовсе не хотят видеть, навязаться в соседи к бывшим своим знакомым. Подумать только, какое нахальство!

— Должно быть, герцог Брекон рад был ее принять, — заметила Сьюзен.

Джулия надменно вскинула брови.

— Прошу прощения, кузина? Возможно, тебе неизвестно, что герцог Брекон — распутный старый негодяй. Этот греховодник содержит с полдюжины любовниц и не заслуживает доброго слова, хотя богат, как Крез.

— Ах, какой стыд, — вздохнула леди Бертрам.

— Надеюсь, вы не станете принимать у себя мою сестру Марию, сударыня?

— Как я могу обещать? Я не знаю, что и думать, — посетовала леди Бертрам. —

Надобно спросить у Тома.

— Разразится ужасный скандал, если Мария и Рейвеншо появятся вместе с гостями герцога на нортгемптонском балу. Моя родная сестра! Я не буду знать, куда девать глаза.

— Быть может, тебе следовало бы воздержаться от посещения нортгемптонского бала, коль скоро моя кузина Мария гостит неподалеку? — предложила Сьюзен.

— Что? Пропустить бал в Нортгемптоне, единственное увеселение в здешних краях? Лишить себя такого удовольствия из-за Марии? Хорошенькое дело, нечего сказать! Это лучшее, что ты можешь предложить? Я буду признательна тебе, кузина Сьюзен, если впредь ты станешь держать свои советы при себе.

Изрядно раздосадованная, Джулия покинула усадьбу. Она осталась недовольна своим визитом, поскольку леди Бертрам так и не дала твердого обещания не встречаться с Марией, вдобавок присутствие миссис Осборн в комнате во время беседы помешало планам Джулии залучить матушку себе в союзницы. Теперь, когда Луиза Харли более не представляла угрозы, Тома надлежало образумить: пусть наконец встряхнется и сделает предложение мисс Йейтс.

Выздоровление Тома, как и предсказывал Генри Крофорд, не затянулось надолго: лихорадка прошла, к больному вернулся аппетит, вскоре Том уже мог сидеть в постели, затем начал ходить, и наконец доктор Фелтем объявил, что мистера Бертрама можно везти домой в карете.

Том с неохотой покидал Уайт-Хаус, хотя и сознавая, что учтивость требует уехать как можно скорее.

— Быть здесь, слушать ее речи, внимать божественным звукам ее арфы, — вздохнул Том. — Ах, Сьюзен! Несколько дней с ней совершенно изменили мою жизнь. Я убежден — изменили навсегда.

Сьюзен вполне верила кузену. Она заметила в нем перемену. Том сделал кузину своей наперсницей, но его откровения приносили ей одновременно и радость, и боль. Он еще не окреп настолько, чтобы надолго выходить из дома или посвящать себя какому-либо занятию в усадьбе, а потому часами предавался безделью, бродя по саду или беседуя с кузиной, пока леди Бертрам дремала над своим рукоделием под мерное похрапывание мопса. Сьюзен находила эти доверительные разговоры весьма обременительными. Особенно когда Том допытывался вновь и вновь: «Ты думаешь, мое пребывание в Уайт-Хаусе утомило мисс Крофорд? Послужило ей во вред? Вызвало у нее досаду? А может, она находила удовольствие в моем обществе?» Вопросы эти приводили Сьюзен в замешательство, она не знала, что отвечать.

Избежать бесконечных расспросов кузена можно было, лишь отправившись в Уайт-Хаус, чтобы повидаться с Мэри; этот план вызвал самое горячее одобрение Тома, который каждый день уговаривал Сьюзен навестить соседку.

— Ты не думаешь, что тебе следовало бы посетить мисс Крофорд и справиться о ее здоровье? Возьми экипаж, кузина, если ты устала. Я посижу с матушкой.

Никогда прежде Том не был столь мягким, заботливым и внимательным.

Вопросы Тома смущали Сьюзен, вызывая у нее двойственное чувство: она полагала, что пребывание Тома в доме Мэри и вправду дурно сказалось на здоровье больной, подточив ее силы; мисс Крофорд выглядела изнуренной, живость ее увяла. Но вместе с тем не приходилось сомневаться, что общество Тома приносило ей радость, Мэри сама охотно в этом призналась. Однако ее вопросы показались Сьюзен не менее затруднительными, чем вопросы Тома.

— Душенька Сьюзен, я гадко поступила, испробовав свои чары на вашем кузене? Ну может быть, самую малость. Это доставило мне огромное удовольствие! Сие невинное занятие показалось мне даже более приятным, чем игра на арфе, и куда менее утомительным! Признаюсь, я чуточку горда тем, что не утратила бывшего умения обольщать, хотя так давно не упражнялась в этом искусстве. Однако уверяю вас, я и не думала кокетничать с Томом, вовсе нет. Не стану отрицать, я испытала удовлетворение, восторжествовав над умом, исполненным предубеждения и неприязни ко мне. Но поведение мое всякий счел бы безупречным, я ни на минуту не забывалась, так что, будьте уверены, кузен ваш не подвергался опасности потерять голову.

Сьюзен оцепенела, смятение и ужас мешались в ее душе с чувством, похожим на отвращение. Никогда прежде не слышала она от Мэри подобных речей. Казалось, глазам ее

предстала картина пожара в огромном особняке: огонь, кажется, удалось погасить, как вдруг в окнах верхнего этажа вспыхнуло зарево, мгновение — языки пламени взвились, пожирая стены, и вот дом уже пылает, как факел.

— Мне необычайно занятно было наблюдать, как меняется обхождение вашего кузена, милочка Сьюзен. Я помню его в прежние дни. Беспечный, самодовольный Том Бертрам пребывал в убеждении, что любая женщина с восторгом примет его ухаживания; еще недавно он полагал, будто, сделав предложение мисс Харли, осчастливит ее. Однако минувший месяц благотворно сказался на мастере Томе. Заметьте, ваш кузен даже не догадывался о моих намерениях — подлинное искусство не терпит нарочитости, игра моя так тонко переплетается с естественностью, что распознать ее невозможно. Я покорила нашего Тома глубокомысленными беседами. Ему никогда прежде не доводилось бывать в обществе женщин, наделенных живым умом, это совершенно ясно, — за исключением вас, моя дорогая. Однако, привыкнув смотреть на вас свысока, он не замечал ваших достоинств, не знал вам цены. Я возвращаю его вам, исправив некоторые из его изъянов; по крайней мере он стал более приятным собеседником, способным поддерживать разумный разговор, его ум открыт новым впечатлениям и мыслям. Осмелюсь предположить, что ваш кузен почти влюблен в меня, а поскольку доселе он ни к кому не питал сердечной склонности, подобный опыт пойдет ему на пользу. Любовь возвышает и облагораживает молодого человека.

Сьюзен слушала мисс Крофорд в молчании, изумляясь необычайной оживленности и пылкости ее речи. То была совсем иная Мэри! Так кошка, дремлющая у камина, ничуть не походит на ту же кошку, изготовившуюся к прыжку в охоте за мышью. Сьюзен будто увидела перед собой незнакомку.

Заметив выражение лица девушки, Мэри улыбнулась и умолкла. Дамы сидели в саду, в густой тени тутового дерева. Составленные вместе кресла, бесчисленные подушки и полотняная опора для спины помогали Мэри расположиться с удобством, и все же заметно было, что ее мучают боли. Временами на ее щеке вздрагивал мускул. День выдался необычайно душный. После бури, послужившей причиной несчастья с Томом, вернулась ясная, сухая погода, еще более теплая, чем раньше; жаркий июль сменился знойным августом.

— Надеюсь, я не смутила вас, моя милая Сьюзен? Боюсь, я не могла бы говорить в той же свободной манере с нашей обожаемой Фанни, но вы не так хрупки и пугливы, как ваша сестра. А об этих вещах надобно думать. Отношения между мужчиной и женщиной не следует оставлять на волю случая; подобно тому как во всем остальном в жизни мы руководствуемся привитыми нам благонравием и разумной рассудительностью, так же надлежит поступать, когда речь идет о самом важном — об отношениях двух полов. По моему желанию Том преобразился, так глина в умелых руках гончара превращается в полезный сосуд. В будущем у некой неизвестной мне женщины (надеюсь, не мисс Йейтс) будет причина поблагодарить меня, хотя к тому времени обо мне уже давно забудут.

Сьюзен с горестным возгласом пролепетала в ответ нечто невразумительное о «более прохладной осенней погоде», о «возвращении Фанни» и о «новом лечении», но Мэри улыбнулась, качая головой:

— Нет, моя дорогая, я не обманываюсь и буду признательна, если вы тоже не станете тешить себя несбыточными надеждами. Время, которое мы проводим вместе, слишком драгоценно, чтобы тратить его на споры. Я не увижу Фанни. Мне осталось жить считанные

недели, а может быть, дни. Я попросила нашего доброго Фрэнка Уодема поскорее причастить меня, пока я еще в здравом рассудке; боюсь, потом слабость и беспамятство помешают мне принять таинство. Вы удивлены, вам странно слышать от меня подобные речи, ведь только что я говорила совсем в ином тоне. Но таков уж мой нрав. Если мне доводилось поступать дурно по безрассудству или недомыслию, надеюсь, прегрешения мои не слишком велики, и теперь я искупаю их. Признаюсь, я считаю легкий флирт грехом куда меньшим, нежели мстительность, высокомерие и гордость, в коих я неповинна.

— Истинная правда!

— Я послала за своим поверенным, душенька Сьюзен, дабы отдать последние распоряжения; мне ненавистна мысль, что семейство Ормистон наживется на моей кончине. У них и без того предостаточно золота. Все свое богатство (а оно невелико, ибо я была беспечной стрекозой, а не бережливым муравьем) я оставляю вам, дорогая, чтобы избавить вас от надобности обращаться к кузену Тому всякий раз, когда вам вздумается купить себе новое платье; на большее моего наследства едва ли хватит. — Сьюзен хотела было возразить, в неясном ее восклицании слышались печаль и благодарность, но Мэри лишь досадливо отмахнулась. — А теперь послушайте меня: я хочу сказать нечто важное. Пожалуйста, отнеситесь внимательно к моим словам. Я ни к чему не принуждаю вас, не пытаюсь указывать или увещевать. Драматические сцены у смертного одра — не мое амплуа, и мысль о мертвой руке, тянущейся из прошлого, дабы управлять людскими судьбами, мне отвратительна. Но если бы вы с Генри соединились узами брака, сбылась бы самая заветная моя мечта.

— О... но...

— Ш-ш! Я ни о чем не прошу и не задаю вопросов. Генри о вас самого высшего мнения, я знаю. После Фанни мой брат не помышлял о женитьбе, ни одна другая женщина не пробуждала в нем подобного чувства. Так было до встречи с вами. Из Генри получился бы хороший муж — добрый, внимательный, любящий. Он окружил бы вас самой нежной и преданной заботой, к чему, полагаю, вы не привыкли, — с легкой улыбкой сказала Мэри. — Но возможно, надеждам моим не суждено осуществиться. Я не вправе требовать или убеждать. Единственный урок, усвоенный мной здесь, в Мэнсфилде, заключается в том, что нам не следует стремиться непременно подчинить себе другого. Я научилась этому у вас, дорогая, как и многому иному.

— У меня?

— Вы не умеете ценить свои достоинства, и это одна из ваших добродетелей. А вот и Генри приехал, чтобы отвезти вас домой. И верно, пора. Я выбилась из сил, пичкая вас наставлениями, бедная Сьюзен, а вам есть о ком заботиться, помимо меня. Умоляю, приведите сюда завтра малышку Мэри, она найдет множество любопытных вещиц в моем бюро, и прошу передать мой душевный привет Тому.

Утомленная долгой речью, Мэри задышалась, бледная от слабости, однако в ее прощальной улыбке сквозило былое лукавство.

Отвозить Сьюзен домой вошло у Генри в обычай. В пути оба чаще всего молчали или вели нехитрые разговоры о погоде, об урожае, о том, какие фрукты выбрать для Мэри, однако, будучи вместе, ни тот ни другая не испытывали неловкости и держались с дружеской простотой, словно брат с сестрой. Приятная непринужденность в их отношениях не нарушилась и после памятной беседы Сьюзен с Мэри.

Иногда Генри ненадолго заходил в усадьбу, чтобы побеседовать с леди Бертрам или

сыграть на бильярде с Томом, чье здоровье почти совсем поправилось. Если возле дома стояла коляска Джулии, Генри деликатно воздерживался от визита. Он знал, что миссис Йейтс питает к нему неприязнь и едва ли обойдется с ним любезно, случись им встретиться.

В середине августа пришли письма из Вест-Индии; одно для Сьюзен от Фанни, другое — от Эдмунда Тому. В послании Эдмунда говорилось, что все дела благополучно завершены, и назывался день отплытия с Антигуа, день давно прошедший, поскольку письмо писалось в июне, а отъезд назначен был на июль.

— Выходит, сейчас они уже в море! — радостно воскликнула Сьюзен.

Известие о скором возвращении сестры принесло ей невыразимое облегчение, до встречи с Фанни оставалось лишь несколько недель, но Сьюзен чувствовала, что не в силах терпеливо ждать. Весь день она носила с собой послание сестры, словно талисман.

«Я отправила письмо Мэри Крофорд с той же почтой», — писала Фанни, и вечером Сьюзен, взяв с собой малютку Мэри, направилась по мягкой, согретой солнцем траве в Уайт-Хаус, чтобы узнать, доставлена ли почта.

Письмо было получено. Сьюзен застала мисс Крофорд в необычайном волнении. День ото дня больная становилась все слабее и теперь казалась изможденной, однако лицо ее сияло восторженной радостью, на губах играла счастливая улыбка, будто случилось нечто удивительное, чудесное.

— Нет, я не скажу вам, что пишет Фанни! Вижу, вы тоже получили от нее письмо. Но подобные письма не показывают никому, даже самому дорогому другу. И Фанни не хотела бы этого. Я не спрашиваю, что она написала вам. Я вижу, ее письмо сделало вас счастливой, и это главное. Скорее иди сюда, крошка Мэри, я покажу тебе, как древние греки приносили жертвы своим богам, дай-ка мне трут и свечу со стола, мы разожжем дивный костер. — Девочка изумленно замерла, глядя во все глаза, как Мэри осторожно, один листок за другим, сжигает письмо от Фанни на каменном полу террасы. — Ну вот и все! Письмо исчезло. А теперь, малышка, ты должна развеять пепел. Вдохни поглубже, округли щечки и подуй, вот так! А когда ты станешь старой-престарой леди, то вспомнишь, как дула на сгоревшие страницы, и задумаешься, что же там было написано.

Неделю спустя Сьюзен, придя вечером в Уайт-Хаус, встретила возле дома Фрэнка Уодема.

— Я причастил мисс Крофорд, — сказал он. — Фелтем говорит, она едва ли доживет до утра, и я боюсь, это правда. В последнее время бедняжка совсем слаба; Элинор приготовила ей мятного чая, но та лишь пригубила его. Идите к ней, она надеется вас увидеть. Мисс Крофорд в задней комнате, ей не хватило сил подняться по лестнице, но она не захотела, чтобы ее отнесли наверх.

Мэри лежала в кровати, которую когда-то поставили для Тома. Дверь и окно, выходящие в сад, оставались открытыми, после жаркого дня вечер выдался душный, безветренный. Генри, погруженный в беспокойные думы, большими шагами расхаживал по террасе.

— Вас мучают сильные боли, милая Мэри? — спросила Сьюзен.

Мэри едва заметно качнула головой в знак отрицания. У нее не было сил говорить, но брови ее слегка приподнялись, а по губам скользнула легкая улыбка. Немного погодя Мэри прошептала:

— Думаю, эта боль — предвестие смерти. Смертная мука, никакая другая не сравнится

с ней! Разве что родовые муки, но собственного рождения я не помню, а дать жизнь другому существу мне не довелось... — Ее голос затих.

В комнату вошла Элинор Осборн с салфеткой, смоченной в лавандовой воде, но Мэри безмолвно махнула рукой. Голова ее слегка подрагивала на подушке, однако Мэри ничего больше не сказала, только один раз тихо прошепестела бледными губами:

— Хоть бы пошел дождь!

Войдя в комнату, Генри встал у пустого камина. Сьюзен отступила было к дверям, но Крофорд поймал ее за руку, будто умоляя остаться. На самом деле Сьюзен и не думала возвращаться в усадьбу, она хотела лишь перейти в переднюю комнату. Том обещал посидеть с леди Бертрам, если Сьюзен не сможет оставить Мэри. «Передавайте ей мой сердечный привет», — пробормотал он охрипшим голосом, и Сьюзен исполнила его просьбу, вызвав слабую улыбку на лице Мэри.

В полночь послышался стук тяжелых дождевых капель, падавших на листья тутового дерева в саду; сквозь открытые настежь окна звук доносился отчетливо.

— Слышите? — воскликнула Сьюзен. — Пошел дождь!

Взгляд темных глаз Мэри скользнул к окну, с губ ее сорвался тихий радостный вздох. Шум дождя усилился, перерос в барабанную дробь; в растворенное окно внезапно пахло влажной травой и листвой. Грохот дождевых капель заглушил все звуки.

— Славный дождь, — прошептала Мэри. — Настоящий ливень. — Она снова вздохнула, пошевелилась, будто хотела устроиться поудобнее, и замерла.

— Она скончалась, — тихо произнесла Элинор.

Генри, наклонившись к кровати, закрыл сестре глаза.

Не в силах покинуть комнату, все трое оставались подле Мэри, слушая дробный стук дождя по каменным плитам террасы.

— Итак, Мэри Крофорд наконец умерла, — провозгласила миссис Йейтс, входя в гостиную леди Бертрам. — Что ж, потеря невелика. Мэнсфилд только выиграл, избавившись от присутствия этой особы в Уайт-Хаусе. Ей вообще не следовало приезжать сюда, ее вторжение — верх бесцеремонности. Полагаю, теперь ее братец уберется восвояси, и превосходно сделает.

Сьюзен, сидевшая в дальнем конце комнаты с корзинкой для рукоделия, а потому незамеченная кухней, тихо поднялась и направилась к двери.

— Я буду признательна вам, сударыня, — произнесла она, поравнявшись с Джулией, — если впредь вы не станете говорить так о мисс Крофорд в моем присутствии. Я самого высокого мнения о ее душевных качествах и почитаю ее образцом благонравия, здравомыслия и тонкого вкуса; она была мне другом, дорогим другом. Мне нестерпимо слушать, как о ней говорят дурное, и я покидаю вас.

— Нет, вы слышали?! — вскричала Джулия в немалой досаде, когда Сьюзен выскользнула из комнаты. — Сколько шума из-за пустяка! Хотела бы я знать, какое право имеет эта девчонка запрещать мне высказывать свои суждения в моем собственном доме?!

— Но это не твой дом, — спокойно возразила леди Бертрам. — Твой дом в Шоукроссе.

Оставив без внимания мягкое замечание матери, Джулия заговорила вновь:

— И к лучшему, что эта ужасная женщина умерла, если она внушала подобные мысли моей кухне. Полагаю, вы, матушка, не станете по ней горевать, благо Сьюзен не будет теперь постоянно бегать в Уайт-Хаусе, как она имела обыкновение делать в последние

месяцы.

В комнату вошел Том. Он выглядел изможденным и осунувшимся.

— Я счел нужным, сударыня, отправиться в Уайт-Хаус, чтобы выразить соболезнования мистеру Крофорду от нас с вами. Мистер Крофорд просил передать вам поклон и благодарность.

— Ты видел покойницу? — спросила Джулия. — Как она выглядит? Когда состоятся похороны? Будет ли мистер Уодем служить панихиду?

— Служба состоится в церкви Гроба Господня в Нортгемптоне, — ответил Том. — Мистеру Уодему отведена роль более скромная, а совершать богослужение будет епископ Оксфордский, который, кажется, дружен с мистером Крофордом.

— Гм... странно, право! В таком случае, полагаю, нам нет надобности ехать. Если бы панихиду служили здесь, в деревне, тогда дело другое. Я уж точно не поеду, и, уверена, вам тоже не следует, сударыня.

— Я собираюсь ехать, — тихо произнес Том. — Похороны состоятся во вторник. Если вы пожелаете присутствовать, матушка, я буду рад сопровождать вас.

— Ах, дорогой, — вздохнула леди Бертрам. — Нет, не думаю, что я поеду. Похороны всегда так утомительны. И потом, дорога в Нортгемптон ужасно неприятна. Вдобавок я не видела Мэри Крофорд много лет, с тех самых пор как они с братом гостили в пасторском доме. Нет, я не выдержу подобного путешествия. Будет довольно, если поедешь ты, Том.

Джулия окинула брата пронзительным взглядом.

— Тебе опять нездоровится, Том? Ты неважно выглядишь.

— Нет, я вполне здоров. Пустяки. Я просил Крофорда отужинать с нами сегодня вечером, матушка; ему не следует оставаться одному в такое время.

— Ты думаешь, в этом и вправду есть нужда, дорогой? Разве мистер Крофорд не может пойти в пасторат?

— Уодем с сестрой и без того постоянно с ним.

— Что ж, ладно, если ты думаешь, что так надо. Наверное, ты должен сказать Сьюзен, чтобы она предупредила Баддели.

Джулия, прислушивавшаяся к разговору с явным неодобрением, решила вмешаться:

— В высшей степени неудобно, что все это происходит здесь. Не стану спорить, правила вежливости требуют, чтобы ты принимал Крофорда у себя, и все же это крайне нежелательно. Подобная связь! Кстати сказать, Том, думаю, тебе не мешало бы вразумить нашу кузину... или, быть может, это надлежит сделать вам, сударыня... не подобает девице поддерживать столь близкие, доверительные отношения с джентльменом, а с недавних пор, как меня уведомили, Сьюзен изо дня в день разъезжает в двуколке Крофорда — он отвозит ее из деревни в усадьбу. Это совершенно недопустимо, крайне неприлично и не сообразуется с теми строгими правилами, в которых вы, леди Бертрам, воспитывали своих дочерей.

— Сьюзен наделена здравомыслием и имеет ясное понятие о приличиях, — безмятежно возразила леди Бертрам. — Уверена, она не может совершить ничего неподобающего.

— И все же ей следует вести себя осмотрительнее. Думаю, Том, ты должен узнать о намерениях этого джентльмена. Да, так будет лучше всего. Разумеется, Крофорд не та партия, которую можно пожелать своим друзьям, однако для Сьюзен он достаточно хорош; в самом деле, ей повезет, если удастся заполучить такого мужа. Шесть тысяч в год и поместье в Эверингеме — едва ли она может рассчитывать на большее. Немного усердия с твоей стороны, Том, уладит это дело и обеспечит Сьюзен вполне сносное будущее. Да, ты должен

поговорить с Крофордом, и чем скорее, тем лучше; пока он пребывает в смятении после кончины сестры и сердце его размягчено, он готов будет выказать благосклонность любой женщине, которая пожелает его утешить. А такая девица, как Сьюзен, несомненно, все, чего этот человек вправе ожидать.

К концу своей речи миссис Йейтс необычайно воодушевилась, на лице ее показалась довольная улыбка.

Леди Бертрам, не слишком внимательно следившая за рассуждениями дочери, озадаченно спросила:

— Так мистер Крофорд сделал предложение Сьюзен? Мне помнится, он питал склонность к Фанни, впрочем, это, как вам известно, ни к чему не привело, поскольку та вышла замуж за нашего дорогого Эдмунда.

— Кажется, Джулия убеждена, будто Крофорд оказывает исключительное внимание Сьюзен, — раздраженно отозвался Том. — Я же не заметил ничего неподобающего.

— Что ж, в таком случае, Том, тебе следует осведомиться, каковы намерения мистера Крофорда, и связать его обязательствами.

— Но вы ведь не хотели бы лишиться Сьюзен, сударыня?

— Если ей сделает предложение человек состоятельный, с положением, я не стану возражать. Я считаю, Сьюзен должна выйти за него, долг всякой молодой женщины принять подобное предложение.

Обе дамы увлеклись планом выдать Сьюзен замуж за мистера Крофорда; причем леди Бертрам руководствовалась бескорыстными побуждениями, тогда как у Джулии были свои резоны. Миссис Йейтс прозорливо рассудила, что отсутствие Сьюзен неизбежно расстроит размеренную жизнь Мэнсфилда и приведет Тома к мыслям о женитьбе. Леди Бертрам, в свою очередь, полагала, что если мужчина со средствами, такой, как мистер Крофорд, до сих пор не женат, какая-нибудь молодая женщина непременно должна склонить его к браку, это вопрос нравственности; и коль скоро Крофорда можно заполучить в мужья, Сьюзен надлежит это сделать, ведь она девушка в высшей степени достойная.

Придя к согласию в этом вопросе, дамы принялись убеждать Тома так долго и настойчиво, что в конце концов тот, подавленный, глубоко несчастный, уступил их натиску и, терзаясь чувством вины, нехотя пообещал исполнить пожелание матери с сестрой, после чего поспешно ретировался.

Однако случай поговорить с Крофордом представился только через несколько дней, после похорон, на которые Том приехал вместе со Сьюзен. В церкви миссис Осборн сидела рядом с ними на скамье. Мистер Уодем прочел отрывок из Священного Писания, сопроводив его прочувствованной речью, а епископ выступил с волнующей проповедью на тему «Им не суждено состариться».

Генри Крофорд сидел в стороне от других. Все отнеслись с уважением к его желанию уединиться. Сьюзен, по обыкновению, старалась держаться незаметно, она успела произнести все надлежащие слова соболезнования во время прошлых встреч с мистером Крофордом, весьма частых после смерти Мэри, — сокрушенный горем Генри так сильно переживал свою утрату, что миссис Осборн и Сьюзен боялись оставлять его одного.

После панихиды Том с кузиной без промедления отправились домой. Джулия согласилась посидеть с леди Бертрам, но предупредила, что не останется более чем на два часа. Малютка Томми покрылся сыпью, и она опасалась, что мальчик, возможно, подхватил ветрянку оспу.

Горстка скорбящих, стоявшая в церковном дворе, вскоре рассеялась, все разошлись. Смотря в окно уносившей ее прочь кареты, Сьюзен заметила возле могилы, украшенной венками из роз, одинокую женщину, которая рассматривала цветы и надписи на лентах. Роскошно одетая дама в бархате и в шляпке с перьями не носила траура, лицо ее показалось Сьюзен незнакомым. Должно быть, это просто случайная прохожая, не связанная с похоронами, решила девушка. Однако довольно скоро странная дама была забыта, поскольку бедный Том принялся изливать душу, обвиняя себя и горестно жалуясь, что случилось с ним по меньшей мере раз на дню.

— Я ускорил ее кончину, Сьюзен. Бесспорно, я приблизил ее гибель; всему виной моя проклятая глупость, если бы я не злоупотреблял ее добротой, не навязывал бы ей свое общество, утомляя ее, лишая последних сил... уверен, она была бы теперь жива.

— Это было лишь делом времени, неизбежное все равно случилось бы, Том, — мягко повторяла Сьюзен, как всегда поступала в подобных случаях. — Мы все об этом знали, доктор Фелтем предупреждал, что надежды нет. Он ожидал трагического исхода много раньше и был удивлен, что Мэри удалось прожить так долго. Доктор приписывает это целительным свойствам мэнсфилдского воздуха, уверяя, будто в любом другом месте больная угасла бы много раньше. Здоровье ее было расстроено.

— Но если бы я не нарушил ее покой своим грубым вторжением, если бы не помешал ее уединению, она, возможно, прожила бы дольше и встретила бы с Фанни, что было самым заветным ее желанием. Я никогда не прощу себе этого, никогда!

— Ты должен простить себя, Том, ибо Мэри вовсе не досадовала на тебя; напротив, она не уставала повторять, что рада представившейся возможности узнать тебя поближе, чего, как тебе известно, не произошло бы, если бы не несчастный случай.

— Да, потому что я, неотесанный грубиян и невежа, не потрудился нанести ей визит! Ох, Сьюзен, я бесконечно несчастен, мне нет прощения! Я вел себя ужасно. Как бы я хотел, чтобы Мэри по-прежнему была с нами.

Того же страстно желала и сама Сьюзен. Как недоставало ей ироничной житейской мудрости мисс Крофорд. Каждую минуту с тоской вспоминала она своего дорогого друга; окажись Мэри на ее месте, она побранила бы Тома за ложное чувство вины и насмешливо пожурила бы за непомерное самомнение, сквозившее в его скорби. Сьюзен тяготили непрерывные приступы самообличения и покаяния, которым был подвержен Том, ведь, помимо кузена, ей приходилось утешать Генри Крофорда в его горе, куда более глубоком, хотя и безмолвном.

Как-то вечером, позднее на той же неделе, она прогуливалась с Генри по парку, но, заметив приближение Тома, извинилась и ускользнула прочь по боковой дорожке. Не имея сил утешить обоих мужчин, Сьюзен надеялась, что, оставшись вдвоем, они смогут помочь друг другу справиться с отчаянием.

Она успела спросить Генри о его планах, и тот ответил, что ничего пока не решил.

— Случившееся стало для меня жестоким ударом, мисс Прайс. Знаю, вы предупреждали об этом; теперь я ясно вижу: вы делали все возможное, пытаетесь меня предостеречь, но я не мог заставить себя взглянуть правде в глаза. Думаю, даже теперь, когда неизбежное свершилось, потребуется время, чтобы принять его. Пожалуй, мне следует отправиться в путешествие; быть постоянно в движении — единственно возможный для меня образ действий. Завтра я покину Мэнсфилд, вначале поеду в Норфолк, а затем — сам не знаю куда. Возможно, в Китай.

Искренне сочувствуя скорби мистера Крофорда, Сьюзен невольно позавидовала его свободе и, оставив мужчин одних, поспешила исчезнуть в глубине узкой аллеи. Ей хотелось насладиться одиночеством, ведь подобные минуты так редко выпадали на ее долю. «Ах, какое облегчение побыть наедине со своими мыслями, когда не требуется никого утешать, занимать или развлекать, оказывать всевозможную помощь и служить опорой», — подумалось ей. Но в следующий миг, к немалому своему удивлению, Сьюзен услышала, как произнесли ее имя.

Мужчины стояли недалеко, в дикой части парка, исчерченной извилистыми тропинками; густые заросли сирени скрывали их, однако до Сьюзен отчетливо доносился голос кузена Тома, настроенного весьма решительно. Намеревается ли мистер Крофорд жениться на мисс Прайс, вопрошал Том, а если нет, то сознает ли он, сколь сильно компрометирует девушку, постоянно бывая в ее обществе и оставаясь с ней наедине?

То был голос прежнего Тома, грозного, надменного, властного Тома, который, казалось, исчез навсегда благодаря целительному влиянию мисс Крофорд.

Сьюзен ошеломленно застыла, но изумление ее почти тотчас сменилось гневом. По какому праву эти двое распоряжаются ее судьбой, не спросив на то ее дозволения? Сколько томительных часов провела она, утешая день за днем то мистера Крофорда, то кузена Тома, и вот теперь они говорят о ней так, словно она бессловесная тварь, лишенная собственной воли!

Подхватив юбки, Сьюзен побежала назад по петляющей тропинке, туда, где стояли двое мужчин.

— Перестань! — воскликнула она. Глаза ее сверкали негодованием. — Я этого не вынесу! Это несправедливо, недостойно! Умоляю тебя, Том, сейчас же замолчи и не смей вновь заговаривать об этом. Я не вещь, выставляемая на продажу, не какой-нибудь предмет мебели. А что до вас, сэр... — она повернулась к мистеру Крофорду, — могу лишь извиниться перед вами. Том поставил вас в неловкое положение. Прошу, постарайтесь не придавать этому значения. Я... мне очень неприятно, что наша последняя встреча оказалась омрачена подобным унижением. А теперь позвольте проститься с вами.

Не в силах удержаться от слез, Сьюзен поспешно отвернулась и устремилась прочь, оставив обоих мужчин стоять в замешательстве, как только что стояла она сама.

Несколько дней Том и Сьюзен почти не разговаривали друг с другом. Взаимное понимание, установившееся между ними в последнее время, казалось, исчезло навсегда. Сьюзен не могла простить кузену его бесцеремонного, грубого вмешательства, а Том, в свою очередь, был так же удивлен и уязвлен ее поведением, как если бы галстук, который он повязывал себе на шею, вдруг обернулся ядовитой змеей и укусил его.

Мистер Крофорд покинул Мэнсфилд на следующий день после сцены в парке, но перед отъездом оставил письмо для Сьюзен.

«Дорогая мисс Прайс!

Подобно Вам, я глубоко сожалею, что наша последняя встреча оказалась омрачена весьма неприятным, ненужным объяснением с Вашим кузенком. Я не виню его, он лишь исполнял свой долг, однако мое безрассудное поведение заслуживает самого строгого порицания; мне надлежало меньше думать о собственных нуждах и больше — о Вашем добром имени. Ваша неизменная доброта оказала мне услугу, незабвенную и неоценимую; признаюсь Вам со всей искренностью: мне едва ли удалось бы пережить недавнее трагическое событие, если бы не Ваша дружба и участие, что были мне поддержкой в трудные минуты. Я никогда не забуду, чем обязан Вам. И если бы не вмешательство Вашего кузена, по всей вероятности, я просил бы Вас явить мне еще одну милость, великодушно согласившись стать моей спутницей жизни, — так часто привык я находить в Вас опору и утешение.

Но я не прошу Вас об этом теперь. Разгневанная поступком сэра Томаса, Вы можете подумать, будто его настойчивость принудила меня просить Вашей руки. Мы невольно оказались бы в ложном положении. На наши отношения с самого начала легла бы тень, видимость принуждения, давления обстоятельств.

И все же, смею надеяться, в будущем, когда печаль развеется, а пережитое унижение забудется, ничто не помешает нам встретиться вновь, и мне дозволено будет задать вопрос, который я не задаю сейчас, давая Вам время обдумать возможность нашего союза. Что же до меня, самое горячее желание моего сердца — разделить жизнь с Вами. Ваш тонкий ум, добрый нрав и рассудительность всегда вызывали у меня восхищение. Уверен, Вы сделали бы меня счастливым человеком. И если преданность, забота и уважение способны служить залогом благополучия, мне думается, я смог бы составить Ваше счастье. Знаю, Мэри, покинувшая земную юдоль, улыбнулась бы, видя, как сбываются ее потаенные надежды.

Ваш преданный друг, Генри Крофорд».

Прочитав письмо, Сьюзен поплакала над ним, перечла его вновь и лишь затем отложила. «Не буду думать о нем, — сказала она себе. — Вернусь к этому позднее. Дождусь возвращения Фанни и покажу ей письмо, а пока постараюсь о нем забыть».

Однако следовать принятому решению оказалось весьма нелегко. Разумеется, Сьюзен часто думала о письме, хотя, верная своему слову, не перечитывала его. Ее решимость укрепил злобный выпад Джулии, явившейся несколько дней спустя в гостиную леди Бертрам.

— Нет, вы только представьте себе! Крофорд снова встречался с Марией прямо у нас

под носом!

— В самом деле? — вяло осведомилась леди Бертрам. — Подумать только, какой скандал!

Том встретил новость с большим недоверием.

— Откуда тебе это известно, Джулия? Кто тебе сказал?

— Сестра Шарлотты Йейтс, леди Дигвид, ездила недавно в Нортгемптон купить башмаки своим деткам и видела Крофорда с Марией. Вы не поверите, они беседовали, точно старые друзья! Вы можете себе вообразить нечто более постыдное?

— Что в том плохого, если мистер Крофорд вступил в разговор с дамой, которую некогда знал? — тихо возразила Сьюзен. — Или ты полагаешь, будто беседовать с Марией, оставившей своего первого мужа, предосудительно для всякого джентльмена?

Проигнорировав замечание кузины, Джулия продолжала:

— Это случилось в день похорон. В церковном дворе. Крофорд стоял возле могилы, а Мария подошла и заговорила с ним. Леди Дигвид видела их обоих так же близко, как я вижу вас. У могилы собственной сестры! И это человек, бывавший здесь запросто на правах близкого друга, едва ли не члена семьи! Какое счастье, что Крофорд покинул Мэнсфилд, надеюсь, он никогда здесь больше не появится и не осквернит этот дом своим присутствием.

Сьюзен охватил гнев, и, как не раз случалось прежде, она поспешила выйти из комнаты, чтобы удержаться от опрометчивых слов. Ничтожная, пустая история, поведенная Джулией, была, несомненно, подсказана злобой, никто в здравом уме не принял бы ее всерьез. Должно быть, Генри Крофорд встретил Марию Бертрам, носившую теперь имя Рейвеншо, совершенно случайно. Если та гостила неподалеку от Нортгемптона, то, вполне возможно, проходила мимо церкви и, увидев Крофорда возле свежей могилы, остановилась, чтобы выразить ему свои соболезнования. Что могло быть проще и естественнее этого объяснения?

И все же Сьюзен невольно призналась себе, что история ее смутила. Она и сама не могла бы сказать почему. У нее не было причин не доверять Генри Крофорду, и все же рассказ Джулии вызвал у нее смутное беспокойство.

Она с облегчением думала о том, что мистер Крофорд покинул Мэнсфилд и ей не придется какое-то время видеть его, а потому она сможет обдумать его предложение и разобраться в своих чувствах.

«Буду ли я когда-нибудь полностью уверена в Генри? — спросила она себя. — История леди Дигвид — не более чем вздор. И все же она заставила меня встревожиться. Со временем подобные подозрения неизбежно отравили бы наши отношения. Яд таился бы во мне, не в Генри, однако действие его было бы губительно».

Между тем, к своему удивлению, Сьюзен все больше утверждалась в мысли, что смущенное молчание Тома в ее обществе объясняется не возмущением, негодованием или недовольством, причиной которого послужила ее несдержанность во время сцены в парке. Напротив, маленькие знаки внимания, оказываемые ей Томом, его красноречивые взгляды, выражение глаз, когда он смотрел на нее, — все убеждало Сьюзен в том, что кузен глубоко сожалеет о случившемся и хотел бы принести извинения.

В конце концов он так и поступил. Как-то вечером, когда леди Бертрам уснула за доской для криббиджа и Сьюзен тихо отложила карты, Том шепотом позвал ее в другой конец комнаты.

— Сьюзен, вот уже пять дней я собираюсь с духом, чтобы извиниться за свой поступок. Мне не следовало заводить тот разговор с Крофордом. Я не должен был вмешиваться в ваши

дела. Знаешь, я не выношу привычку Джулии вовсе совать свой нос, а сам повел себя так же, это непростительно. Если бы не Джулия с матушкой, мне бы, верно, и в голову не пришло ничего подобного. Зря я их послушал.

Сьюзен давно догадывалась, что без Джулии здесь не обошлось, и, услышав об этом от Тома, не испытала облегчения, скорее наоборот, однако не подала вида, мягко заметив:

— Не огорчайся, Том. Это была ошибка. Все мы совершаем их. Но ничего страшного не случилось. Думаю, я все равно отказала бы мистеру Крофорду. Но теперь у меня больше времени, чтобы обдумать его предложение.

Виноватое выражение на лице Тома сменилось растерянным.

— Так Крофорд все же сделал тебе предложение? — быстро спросил он.

— Не думаю, что обязана делиться с тобой, но не стану скрывать: да, он просил меня стать его женой. И мне нужно время, чтобы принять решение.

— Сьюзен! — вскричал Том, немало изумив кузину и, весьма возможно, самого себя. — Сьюзен! Не выходи за Крофорда! Будь моей женой... пожалуйста, пожалуйста, подумай об этом, Сьюзен! Я не представляю, как мы обойдемся без тебя, в самом деле не представляю!

Сокрушенное, потерянное лицо Тома и его униженный, молящий взгляд поразили Сьюзен.

— Мне очень жаль, Том. Поверь, мне искренне жаль. Но я не могу стать твоей женой... только лишь для того, чтобы вести дела в Мэнсфилде. Никогда, никогда... Боюсь, это совершенно невозможно.

Забыв об осторожности, они заговорили громче — Том взволнованно умолял, а Сьюзен непреклонно стояла на своем, — пока наконец не пробудилась леди Бертрам. Подняв голову, она открыла глаза и хриплым со сна голосом пробормотала:

— Я не спала. Который теперь час? Уже пора ложиться?

Сьюзен, с радостью придя на помощь тетушке, принялась распутывать нитки для вышивания, обвившиеся вокруг ее тувель, а угрюмый Том выбежал вон из комнаты, громко хлопнув дверью. Проводив леди Бертрам в спальню, Сьюзен с тяжелым сердцем направилась к себе в комнату. На столике в изящной шкатулке лежали два письма — от Фанни и от Генри Крофорда, — но Сьюзен не стала их читать. Погруженная в печальные мысли, она улеглась в постель и почти всю ночь пролежала без сна.

Следующий день выдался безрадостным. Взглянув на календарь, Сьюзен увидела, что со дня кончины Мэри Крофорд миновало три недели. Всего три недели, однако за это время успело произойти многое. Жизнь Мэнсфилда совершенно переменялась. Том, хмурый и молчаливый, уныло бродил по дому или проводил целые дни в пасторате; Генри Крофорд уехал, о нем надлежало забыть, и больше некого было навещать в Уайт-Хаусе.

Сьюзен с малышкой Мэри срезали поздние розы в саду, пока леди Бертрам дремала на террасе. Заметив на дорожке миссис Осборн, идущую через парк, Сьюзен радостно вышла ей навстречу.

— Итак, мисс Прайс, ваша сестра возвращается через две недели. Вы, должно быть, рады.

— Да, очень, очень рада, — откровенно призналась Сьюзен. — Я с нетерпением считаю дни.

— А у нас в пасторате царит уныние, — весело улыбнулась миссис Осборн. — «Иеронимо, пора тебе уйти»^[7]. Как ни печально, нам придется покинуть Мэнсфилд. Приход

не нуждается во втором пасторе, а ваш брат прекрасно справляется со своими обязанностями, прихожане будут рады видеть его вновь.

— Жаль, что вы уезжаете, — искренне огорчилась Сьюзен. — А вы не могли бы... поселиться в Уайт-Хаусе? Мы так тесно сдружились с вами и с вашим братом.

— Нет, моя дорогая. Это невозможно. Я должна вернуться к своему заброшенному садику в Камберленде. Не знаю, как там обходятся без меня мои бедные соседи. Сказать по правде, я уже давно чувствую себя виноватой перед этими славными людьми; многие из них стары и бедны, очень бедны, а мне удавалось быть им полезной. Слишком надолго я оставила их без внимания. Мне страстно хотелось поехать в Мэнсфилд — отчасти из любопытства, должна сознаться, — но теперь настало время вернуться домой.

— Из любопытства, сударыня?

— Я так много слышала об этом месте и о его обитателях от миссис Норрис, что воспользовалась случаем побывать здесь вместе с братом; я мечтала увидеть всех вас воочию и решить, насколько близки к правде рассказы вашей тетушки.

— И что же вы решили? — с улыбкой спросила Сьюзен. — Уж верно, тетушка описывала Мэнсфилд весьма пристрастно!

— О да, но я умею отделять зерна от плевел. А надо сказать, действительность оказалась необычайно захватывающей. Мне будет над чем поразмыслить снежными камберлендскими зимами.

— Но разве вы не можете остаться хотя бы ненадолго, чтобы поближе познакомиться с Фанни и Эдмундом? И чтобы мистер Уодем смог произвести раскопки в Стэнби-Кроссе после сбора урожая?

— Бедняга Фрэнк! Боюсь, ему так и не удастся откопать эти руины. Придется ему удовольствоваться раскопками какого-нибудь индийского храма. Нет, моя милая; оставаться в Уайт-Хаусе было бы слишком тяжело для нас обоих, ведь мы успели так близко сойтись с нашей дорогой Мэри. Знаете, Фрэнк был даже немного влюблен в нее.

— Думаю, то же можно сказать и обо всех нас, — негромко отозвалась Сьюзен. — Мэри была... необыкновенной. непохожей на других.

— Но вы не должны принижать себя, дорогая, — возразила миссис Осборн, проницательно смотря на девушку. — Фрэнк был немного влюблен и в вас. Мой брат чрезвычайно восприимчив к женской красоте.

— Влюблен в меня? — изумилась Сьюзен. — Мистер Уодем всегда был очень добр и дружелюбен, но, разумеется...

— О, Фрэнк никогда не стал бы добиваться вашей руки, моя дорогая. Мы часто говорили с ним об этом. Он понимает, что это невозможно. Мы оба видим: вы не в силах оторваться от Мэнсфилда. Да что тут говорить, вы с вашим кузеном созданы друг для друга. Да и Фрэнк ни за что не посмел бы безрассудно подвергнуть вас опасности, увезя в тропики с их губительным климатом, который едва не стоил жизни ему самому. Мой брат смирился со своей участью: ему предстоит окончить дни холостяком. И сказать по правде, только между нами, думаю, холостяцкая жизнь подходит ему как нельзя лучше.

Ошеломленная этими внезапными откровениями, Сьюзен могла лишь молча смотреть на миссис Осборн. Наконец, немного поколебавшись, она нерешительно произнесла:

— Вы только что сказали, сударыня... мне кажется, вы упомянули... вы говорили о моем кузене? О моем кузене Томе?

— Разве он еще не сделал вам предложения? Вот дурачок! Он так сильно вас любит!

Сэр Томас без конца забрасывал меня вопросами о вас. Хотел знать, согласитесь ли вы выйти за него... сокрушался, сможет ли перенести ваш отказ...

— Но вы не думаете, сударыня, что он решил сделать мне предложение... из желания помешать мне стать женой мистера Крофорда и покинуть Мэнсфилд? Для того лишь, чтобы я продолжала ухаживать за его матушкой?

— Нет! — решительно возразила миссис Осборн. — В противном случае я не посоветовала бы вам принять его предложение, даже сознавая, что этим отдаю несчастную леди Бертрам на милость мисс Йейтс!

— Так, значит... вы советуете мне принять его предложение?

— Глупышка! Да будь я на вашем месте, сказала бы «да» при первой же возможности!

Сьюзен вспомнилось письмо Фанни.

«Моя дорогая Сьюзен!

Признаюсь, меня немного тревожит мысль о том, что вы с Генри Крофордом сделали столь близки. Я предвижу, чем это может завершиться! Ты та женщина, что ему нужна. И если, как ты пишешь, мистер Крофорд действительно остепенился, ваш с ним брак был бы хорош во многих отношениях».

«Да, — подумала Сьюзен, — если бы только я могла доверять ему так же, как верю Тому».

«Но если ты выйдешь замуж за Генри Крофорда, что станет с бедным Томом? Наше с Эдмундом заветное желание — видеть вас мужем и женой, мы давно об этом мечтаем. Вы замечательно подходите друг другу. Если бы только Том нашел время посмотреть вокруг и заметить твои достоинства! Милая Сьюзен, пожалуйста, не спеши, умоляю! Подожди по крайней мере, пока вернемся мы с Эдмундом, чтобы помочь тебе добрым советом.

Твоя любящая сестра Фанни».

— Простите, сударыня, — поспешно проговорила Сьюзен. — Я вижу, моя тетушка просыпается. Вы не пройдете на террасу? Леди Бертрам будет рада вас видеть...

Окрыленная радостью, Сьюзен бросилась в противоположную сторону. Она знала, где искать Тома — тот с завидным упорством объезжал Фараона на выгоне.

Наклонившись к изгороди, Сьюзен окликнула его:

— Том, Том, пожалуйста, удели мне минутку! Мне нужно кое-что тебе сказать...

Что же сказала Сьюзен Тому? Не более того, что дозволяют приличия и хороший тон, не более того, что надлежит говорить благовоспитанной молодой девице в подобных случаях, однако довольно, чтобы уведомить кузена о счастливой перемене в его судьбе, ибо, приняв во внимание сведения, сообщенные миссис Осборн, Сьюзен готова была выслушать вновь признание Тома, выслушать куда более благосклонно, с очевидным намерением принять предложение, если кузену вздумается его повторить.

— Но как же это возможно, Сьюзен? Ведь ты сказала, что никогда, никогда не согласишься стать моей женой?

Вопрос этот был задан, когда Том и его кузина, придя к совершенному согласию, стояли, взявшись за руки.

— Боже, Том, глупая твоя голова! Разве ты когда-нибудь говорил, что любишь меня? Ни

слова! Ты сказал лишь, что моя тетушка нуждается в компаньонке, а Мэнсфилд — в управительнице.

— Что ж, я не мастер произносить красивые речи, — признал Том. — И боюсь, никогда им не стану. Но я люблю тебя, Сьюзен, люблю всем сердцем. Когда я понял, что могу потерять тебя, что ты будешь принадлежать Крофорду, у меня открылись глаза. В самом деле, я понял, сколь многое уйдет из моей жизни.

— Ты словно собака на сене, у которой неожиданно отняли кость, — смеясь, отозвалась Сьюзен.

— О, я был в таком отчаянии! Три дня я думал, что солнце никогда больше не взойдет. Я боялся, что в конце концов ты согласишься за него выйти, ведь он такой элегантный, умный, обходительный.

— Почти как его сестра, — заметила Сьюзен, отважно ступив на опасную почву.

— Ты знаешь, Сьюзен, что я был чуточку влюблен в нее? Мне надо признаться тебе в этом, ведь между нами не должно быть секретов. Она была необыкновенной — едва ли мы встретим женщину, подобную ей. Как я мог не влюбиться? Ты ведь не станешь меня за это упрекать?

— Конечно, нет, Том. Я хорошо тебя понимаю. Я тоже любила ее.

— Я знал, что никогда не смог бы... что из моей влюбленности ничего бы не вышло. Я понял это еще раньше, чем осознал, что она умирает. Принадлежа к разным кругам, мы были слишком далеки друг от друга. Но я многим обязан ей, Сьюзен. Мэри помогла мне увидеть множество вещей, которых я прежде не замечал или не понимал.

Сьюзен не стала спрашивать, что подразумевал Том. Ей вспомнились слова Мэри: «В будущем у некой неизвестной мне женщины будет причина поблагодарить меня».

«Я не нарушаю слова, данного Мэри, — подумала Сьюзен, — поскольку она не связывала меня обещаниями. О, мудрая, прозорливая Мэри! Она никогда не стала бы требовать обязательств от своих друзей». Разумеется, Сьюзен искренне сочувствовала Генри, оставшемуся в совершенном одиночестве, но в душе надеялась, что со временем он утешится. Человек умный, щедро наделенный способностями и талантами, он в конце концов сумеет справиться с горем и найдет себе достойное занятие в жизни.

— Ты и вправду любишь меня, Сьюзен?

— О, Том, ты слепой! Я люблю тебя с четырнадцати лет! Впрочем, конечно, мне нетрудно было это скрывать... даже от себя самой, видя твою надменность и высокомерие, слыша твое презрительное обращение «мисс Кожа да Кости».

— Не может быть! Неужели я так называл тебя?

— Пойдем, — улыбнулась Сьюзен, продевая руку Тому под локоть. — Расскажем нашу новость твоей матушке и миссис Осборн.

Предстоящий брак между Томом Бертрамом и Сьюзен Прайс — двумя людьми, связанными самыми тесными узами и составляющими столь гармоничную пару, — не вызвал большого шума. Близкие друзья искренне порадовались за них. Фанни и Эдмунда, прибывших с Антигуа, волнуящая новость привела в восторг, довершив их счастье и умножив радость по случаю возвращения домой. А леди Бертрам, уверившись, что ей не придется привыкать к манере речи и обхождению незнакомой невестки, что она находила в высшей степени утомительным, отнеслась к выбору своего сына весьма благосклонно, хотя и сдержанно.

— Я очень рада, Сьюзен, — сказала она. — Вы с Томом могли бы занять гобеленовую комнату. Уверена, миссис Уиттемор найдет, куда перенести гобелены. Я велю почистить мои гранатовые украшения и отдам их тебе.

Разумеется, у Джулии объявление о помолвке вызвало нескрываемую досаду. Мало того, что презренная кузина Сьюзен, бедная родственница, жалкая приживалка, наглая узурпаторша, завладела Мэнсфилд-Парком и собиралась управлять им по своему разумению, огражденная на правах хозяйки от любых вмешательств, так теперь Джулии предстояло начинать заново искать достойного жениха для своей золовки, чьи постоянные капризы и надменность возбудили всеобщую неприязнь к ней в доме Йейтсов. Собственный брат никогда не любил Шарлотту, а Джулия терпела ее в надежде, что та в самом скором времени выйдет замуж за Тома и утвердится в Мэнсфилде как хозяйка, укрепив положение самой миссис Йейтс.

Узнав о помолвке Тома, Джулия с горечью заметила:

— Какой стыд! Несомненно, мой брат пал жертвой тайных козней. Но можно ли ожидать иного, когда ничтожная интриганка и выскочка вторгается в благородное, честное семейство? Теперь Мэнсфилд потерян для нас навсегда. Отныне нам там не будут рады.

Так и вышло. Визиты Джулии становились все более редкими, а потом и вовсе прекратились: некоторое время спустя умер старший брат Джона Йейтса, что еще на одну ступень приблизило мужа Джулии к вожделенному званию пэра, и семейство Йейтсов покинуло Нортгемптоншир, перебравшись в дом вдовы, дабы зорко блюсти свои интересы.

Мистер Уодем и его сестра задержались, чтобы присутствовать на бракосочетаниях Тома и Сьюзен, а также Уильяма и Луизы Харли — оба торжества решено было отпраздновать в один день. Затем Фрэнк Уодем отправился в Ост-Индию, а Элинор вернулась в свой домик в Камберленде.

— Я буду навещать вас каждое лето, — пообещала она. — Мы видимся не в последний раз. Ведь, в конце концов, это я помогла вам соединиться. Если бы не мое вмешательство, неизвестно, где бы вы сейчас были.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

Белый суп упоминается в романе Джейн Остен «Гордость и предубеждение». Комментаторы расходятся в толковании этого названия. Существует мнение, что это старинное блюдо, подававшееся к ужину в конце бала. Согласно другим источникам, это особый клейстер, которым смазывали волосы, перед тем как нанести пудру. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Уотлингская дорога — древняя кельтская дорога, связывающая юг и запад Британии, позднее была достроена римлянами.

У. Шекспир. Сонет 73. Пер. С. Маршака.

Аррорут — крахмал, получаемый из корневищ, клубней и плодов тропических растений (маниоки, бананов и др.). По питательным свойствам близок к картофельному крахмалу.

Фортунат — герой одноименного немецкого романа конца XV в. Его волшебная шляпа, способная переносить обладателя, куда он пожелает, доставляла своим владельцам одни несчастья.

Разгадка шарады — коростель.

Строка из пьесы «Испанская трагедия» (акт III, сцена 12) английского драматурга Томаса Кида (1558–1594).